

ЕФИМ ШЕЙНИС

Август
1914

СЕВЕРНОЕ
МОРЕ

ГЕРМАНИЯ

ЛОНДОН

АВСТРО-
ВЕНГРИЯ

BRITISH
SECRET SERVICE

CONFIDENTIAL

MOST SECRET

ИГРА В ЧЕТЫРЕ РУКИ

Из архива Раймонда Уэста,
основателя вечернего клуба
«Вторник» в деревне Сент-Мэри-Мед

CONFIDENTIAL

R.W.
№ 27

— ТОРОНТО, 2025 —

Ефим Шейнис

Игра в четыре руки

(Из архива Раймонда Уэста, основателя вечернего клуба
«Вторник» в деревне Сент-Мэри-Мед)

Торонто, 2025

Предисловие

Когда не стало моей дорогой тетушки, Джейн Марпл, я, как ближайший её родственник, унаследовал уютный домик в деревне Сент-Мэри-Мид. Прелестный сельский уголок понравился моей жене, и мы часто отдыхаем там с двумя сыновьями.

Разбирая тетушкины вещи, я обнаружил несколько потрёпанных тетрадей, перевязанных голубой лентой. Я долго не решался их открыть. Возможно, от нежелания заглядывать в прошлое, где всё ещё звучал её мягкий голос и слышался скрип вязального крючка.

Но однажды, в дождливый октябрьский вечер, я развязал ленту и, разложив старые тетради по датам, потратил несколько вечеров на чтение ее заметок. Это были записи встреч вечернего клуба «Вторник».

То, что я прочитал, поразило меня до глубины души.

Я прочел историю, которую она никогда не публиковала и даже, похоже, не обсуждала ни с кем. Читатель со временем узнает, что и мне пришлось участвовать в конце этой истории, но многие детали мне не были известны.

Оказывается, задолго до того, как мисс Марпл стала «знаменитой старушкой с невероятной проницательностью», она принимала участие в деле государственной важности. Речь идёт о событиях осени 1914 года.

А особенность этой истории в том, что в ней участвовала она не одна, а вместе, с кем бы вы думали? С самим Эркюлем Пуаро, бельгийским детективом, прибывшим в Англию из разорённой Европы.

Я не знаю, почему она молчала об этом. Возможно, сочла, что рассказ слишком невероятен, чтобы быть принят всерьёз? А, может, не успела обсудить его с Пуаро, до его ухода.

Как бы то ни было, я счёл своим долгом опубликовать эту историю – не ради сенсации, а как дань уважения великой женщине, которую я имел честь называть своей тётушкой. Я нашёл черновики, обрывки писем, а также записи воспоминаний, продиктованные самой мисс Марпл незадолго до её ухода.

Никогда ранее я не осмелился бы опубликовать эту историю без ее согласия, однако времена изменились, и, возможно, читатель простит мне некоторые исторические ошибки и вольность в изложении и вы держите в руках единственное известное воспоминание о том, как две легенды встретились, и, быть может, впервые – не без лёгкой иронии – учились друг у друга.

Вот эта история.

Раймонд Уэст,
Сент-Мэри-Мид

Пролог

Летом 1914 года мир вступил в эпоху тотальной войны, но обывателю всё ещё казалось, что война – это только пушки, лошади, карты и генералы.

Но была другая война, о которой не писали в газетах, и она велась не на фронте, а в домах с потайными этажами, в консульствах и штабах, в университетах и почтовых отделениях, в подвалах редакций и за кулисами оперных театров. Это – тайная война разведок всех стран.

Разведка, как инструмент войны не нова. Но именно в эти месяцы она приобрела небывалый масштаб и системность. Британия, Германия, Франция, Австро-Венгрия, Россия – все воюющие страны торопилась не только стрелять.

Разведка использовала всех: студентов, преподавателей, журналистов, представителей Красного Креста, банкиров и курьеров, инженеров, актрис и гувернанток. Шпионом мог стать каждый, кто знал язык, имел документы и умел хранить молчание.

Агентов готовили тайно. Их обучали в специальных квартирах – методам кодировки, расшифровке, шифрам Цезаря, азбуке Морзе, запоминанию цифр и имён. Давали легенду: «Ты студент из Лейдена. Твой отец – торговец книгами. Ты собираешь фольклор, интересуешься техникой. Вот твоя любимая книга, запоминай имя своего учителя по латыни...»

Им вручали паспорта, подлинные или блестяще подделанные. Иногда собранные по частям из реальных документов погибших. Их забрасывали на кораблях, поездах и самолетах через, засылали через нейтральные страны. Они появлялись в Лондоне, Манчестере, Глазго, Париже, Гавре, Тулузе и Москве. Входили в доверие. Снимали комнаты. Передавали информацию – или ждали приказа.

Работа шпиона часто похожа на роман. Это не только преследования и стрельба, а тишина, внимательность, терпение. Это поход в библиотеку ради газет, в которых нужная строка заменена условным паролем, поездка в деревню якобы на отдых, разговор с электриком, устроившимся на военный завод.

Шпионы искали графики поставок и маршрут военных эшелонов, расположения аэродромов, портов и мастерских. Крали новейшие изобретения от мортир до радиостанций

Они фотографировали миниатюрными камерами, делали копии чертежей на тончайшей бумаге, записывали в микроточки. Иногда – просто запоминали. Их донесения шли через двойников, тайники, закладки, а иногда – по радио, с особым свистом, в три часа ночи.

А ловила шпионов контрразведка. Она подслушивала телефонные переговоры, проверяла письма. Проводила наблюдение из газетных киосков, из парикмахерских, из квартир напротив подозреваемого объекта.

Контрразведка привлекала частных детективов, бывших полицейских, телеграфистов, почтальонов, врачей. И – наблюдателей из любопытных обывателей и авантюристов. Именно так в поле зрения иногда попадали важные фигуры. Зона серых лиц.

Кто был кем – часто не знал даже сам агент. Он начинал как патриот, но попадал в ловушку. Один агент мог работать сразу на две стороны, играя в опаснейшую игру, в которой проигрыш означал смерть.

Мир раскололся. Всё стало условным. Имя – это не имя. Письмо – не письмо. Человек – не тот, за кого себя выдает.

И в этот мир – мир лжи, тайников и масок – вступят двое наблюдателей. Один – методичный, с аккуратными усами и умом как бритва. Другая – неприметная старая леди, для которой любое подозрение – как стежок в вязании.

Им предстоит разгадать то, что не под силу даже военным министерствам: кто в этой игре – игрок, кто пешка, а кто давно снят с доски.

Глава 1. Берлин. Август 1914 года

В столице Германской империи догорает лето.

В Тиргартене желтеют клены, гуляют семьи, слышен детский смех и звонкий лай собак. На улицах, обсаженных липами и каштанами, гуляют модники в котелках, студенты с книгами, сторонясь лошадей и автомобилей. В воздухе – запах мокрой брусчатки и жареных каштанов. Дамы в шляпках и легких летних платьях сидят в кафе, где подают мороженое и кофе со сливками. В садах еще цветут розы и георгины, а на рынках – изобилие фруктов: сливы, персики, яблоки нового урожая. Главная река Берлина – Шпрее, протекающая через весь город, мимо здания Рейхстага, Берлинского собора и Музейного острова, отражает мягкое небо с редкими облаками. Вечером – розоватый закат ложится на башенки церквей и крыши домов. Берлин кажется спокойным, устоявшимся – большим и живым городом на стыке лета и осени.

Главное управление германской разведки (Abteilung III-B) находится на Лепцигерштрассе. Массивная дубовая дверь плотно прикрыта. В помещении, скрытом от глаз, за столом в полутени сидят четверо. На столе – карта Европы, стопки досье, бумаги с грифом "Geheim" – Секретно. Лампа с зеленым абажуром отбрасывает мягкий свет на лица мужчин.

Старший по званию, подполковник Отто Бранднер, строгий, сухой человек с выверенными движениями, заговорил первым:

– Господа, сегодня Германия находится на пике своего экономического, научного и культурного развития. Мы – мировой лидер и в области науки. Немецкие ученые, такие как Макс Планк, Фриц Габер и Вальтер Нернст, находятся на переднем крае исследований в химии, физике и медицине. Германия уверена в себе, энергична, и гордится своей армией.

Но, мы стоим на пороге новой эпохи. Эта война может стать последней кавалерийской и первой машинной. Кто овладеет оружием будущего – тот победит. Мы знаем, что за пределами Германии ведутся разработки в необычных направлениях. Одно из них – реактивное движение. Ракеты.

Молодой и амбициозный капитан Эрнст Гельвиг:

– Пока всё это на уровне спекуляций и фантастики. Мы не располагаем именами, только отрывочными сведениями. Но армейская разведка считает угрозу реальной.

Бранднер кивнул и постучал по столу.

– Наша задача – собрать полную картину. Нам нужен агент, который сможет войти в зарубежные научные круги. Изнутри.

Майор Вальтер Краузе, ветеран, негромко:

– У меня есть кандидат. Курт Майер. С отличием окончил Технический университет в Мюнхене. Чистая биография. Говорит по-английски, по-французски, знает немного русский. Что важнее – он сын Юлиуса Майера.

Гельвиг приподнял бровь.

– Того самого Юлиуса Майера, который вытащил планы магнетрона у англичан в 1907-м?

– Да. Мальчик вырос в этой среде. Уже успешно работает на нас. Идеальный кандидат.

Бранднер взял папку с досье Майера, пролистал:

– Рекомендации отличные.

– Но, он вряд ли знает что-нибудь по этой теме, – уточнил Гельвиг.

– Есть в Мюнхене такой мечтатель, одержимый идеей покорения космоса с помощью ракет. Со своими идеями он обратился за финансовой помощью для проведения экспериментов. Это хороший повод для ознакомления нашего агента с существом дела.

– А имя этого мечтателя? – осторожно спросил Краузе.

– Герман Оберт. Капитан Штольц, подготовьте легенду, пригласите сюда завтра Курта Майера и объявите ему о новом назначении. Подчеркните важность этого поручения, после успешного окончания – Железный крест.

Следующее утро. Комната предварительного инструктажа. Молодой человек с холодным, внимательным взглядом входит в маленькую комнату без окон. На столе – печатная машинка, папка, карта Европы. В углу стоит в очках капитан Штольц, специалист по созданию "легенд".

– Проходите, Курт. Ваше новое имя – Ян Ван Дейк. Вы голландец.

Курт усмехается краем губ:

– Голландец?

– Да. Житель страны, соблюдающей нейтралитет. Окончили университет в Амстердаме, поступили в аспирантуру. Вот рекомендательное письмо от профессора, специализация – прикладная физика и астродинамика. Вы работаете над диссертацией по освоению Луны. Ваша задача: собрать полную картину, кто, где, и на какой стадии занят проблемой разработки ракетной техники. Мы должны знать, кто ведёт разработки, какие принципы используются, есть ли военные заказы. Вы должны войти в зарубежные научные круги. Изнутри.

Он выкладывает бумаги.

– Герр Штольц, до сих пор моя работа не выходила за пределы земли. Боюсь, что моих знаний не достаточно для...

– Вы подготовитесь, посидите в библиотеке, вот список доступной литературы. Кроме того, вы съездите в Мюнхен и встретитесь там с Германом Обертом, вот здесь все, что мы знаем о нем. Ненавязчиво побеседуйте с ним, запомните все, что он вам расскажет. Вы потом посетите места, которые он вам укажет, встретитесь с людьми, которых он вам назовет. Нам нужна правдивая информация. В научном ведомстве считают, что использование ракет в будущей войне неизбежно, и мы должны быть первыми. Оружие с собой не берите: ваше оружие – формулы.

Деньги получите в финансовой части, ваша кандидатура уже утверждена.

На все про все вам дается месяц и – в дорогу. Кстати, вы женаты? У вас есть дети? Во время вашего отсутствия мы позаботимся, чтобы они ни в чем не нуждались.

– Спасибо, я не женат.

– Еще вот что. На случай, если вы захотите на время скрыться от слежки и «лечь на дно», у вас будет профессия викария. Наш специалист вас обучит этой службе, пару недель хватит. Сделаем вам хорошие документы и отзывы. Перед отъездом зайдете ко мне, и мы обсудим ваш дальнейший план действий. Желаю успеха, ваше преподобие.

Глава 2. Герман Оберт (Историческая справка)

Герман Оберт (1894-1989) родился в городе Германштадте, входившем тогда в состав Австро-Венгрии. Его отец – Юлиус Оберт, был известным хирургом, главным врачом местной больницы. Для Германа, как и для многих, посвятивших себя космонавтике, первым импульсом послужил роман Жюль Верна «Из пушки на Луну», где было сказано, что для успеха такого мероприятия межпланетный обитаемый снаряд должен был иметь вторую космическую скорость – более 11 км/с.

Герман прочёл этот роман после окончания начальной школы и поступления в гимназию в 1905 году. И полученные им знания по физике твёрдо убедили его в том, что достижение такой скорости в стволе пушки потребовало бы такого ускорения, которое неизбежно разрушило бы снаряд. Ему, как сыну врача, была очевидна смертельность такого ускорения и для экипажа. Герман интенсивно занимался самообразованием, и ему удалось получить по математике знания, превышавшие требования школьного курса. В 1908 году он окончательно пришёл к выводу о том, что в космос можно выйти только с помощью ракеты.

После окончания гимназии Оберт учился в Мюнхене и, когда началась Первая мировая война, после короткой военной подготовки был направлен на фронт, где был ранен и после

излечения, служил до окончания войны санитаром в резервном госпитале по месту жительства. При этом он приобрел, необходимые знания и показал себя весьма успешным диагностом.

Приступая к работе над космической ракетой, Оберт, в отличие от авторов фантастических проектов ракет, отдавал себе отчёт в чрезвычайной сложности поставленной задачи и множестве ещё не решённых инженерных и теоретических проблем.

В июне 1923 года за свой счёт Оберт издаёт книгу «Ракета для межпланетного пространства». Эта работа стала первой в мировой научной литературе, в которой с необходимой точностью и полнотой обосновывалась возможность создания ракеты на жидком топливе, а в 1928 году знакомится со студентом Вернером фон Брауном, который впоследствии написал: «Герман Оберт был первым, кто думал о возможности космических кораблей, схватил логарифмическую линейку и представил математически проанализированные концепции и проекты».

Со временем он получил степень профессора, преподавал в университетах, продолжая участвовать в развитии ракетной промышленности, а по окончании Второй мировой войны был интернирован в лагерь, но вскоре освобожден и даже 16 июля 1969 года присутствовал при запуске корабля «Аполлон-11», совершившего успешный полёт людей на Луну.

В 1997 г. Международный астрономический союз присвоил имя Германа Оберта кратеру на обратной стороне Луны.

Глава 3. Было, над чем задуматься

Сентябрь 1914 года. Восточный фронт дрожит от грохота артиллерии. Бои не утихают, госпитали переполнены. Один из них, устроенный в бывшем пансионе для благородных девиц, пахнет смесью хлорки, табака и безысходности.

На втором этаже, в комнате с видом на ветхую ель за окном, лежит молодой артиллерист Герман Оберт. Ему только что исполнилось двадцать один год. Осколок снаряда раздробил ему бедро – война на этом для него закончилась, но не закончилась его настоящая битва: не за территорию, а за мечту. Пока другие думали о новом наступлении, Оберт смотрел вверх – сквозь потолок он мысленно видит небо, где вращаются миры, по которым, как он верит, однажды пройдёт человек.

Его интересует путь за пределы атмосферы и ракеты, способные преодолеть земное притяжение и теперь, лёжа в бинтах, он мысленно чертит конструкцию топливной камеры и обдумывает расчет тяги, вспоминая свою довоенную жизнь.

Весна 1914 года в Мюнхене пришла мягко и торжественно, словно предчувствие великого перелома, ещё скрытого за горизонтом. Снег растаял рано, и уже в марте в садах Нимфенбурга распустились первые крокусы и подснежники. Город просыпается от зимней дремы. В пивных вновь выносят столы под старые каштаны, разливают первое светлое пиво нового сезона. Из окон домов доносится фортепиано, в садах журчит вода в фонтанах. Воздух напоён запахом влажной земли, цветущих яблонь и надежды – как будто весна обещает, что всё только начинается.

На площади у Фрауэнкирхе уже появляются уличные музыканты, а с башни Новой Ратуши раздаётся звон знаменитого карильона. Художники с мольбертами заполняют набережные Изара, стараясь уловить нежные оттенки света на воде. Скоро откроется выставка в «Глас Паласт», и обсуждение нового искусства — от импрессионизма до экспрессионизма — кипит в кофейнях. В воздухе ощущается тонкая вибрация нового века – как будто сама весна несёт вдохновение и предчувствие перемен, ещё не тревожных, а только свежих и ярких.

Девятнадцатилетний Герман Оберт тогда учился в Мюнхенском университете, где сначала, по совету отца, изучал медицину, но быстро понял, что его настоящая страсть – физика и техника, особенно всё, что связано с полётами и космосом.

И он начал самостоятельно заниматься теорией космических полётов. Его интересовал путь за пределы атмосферы – ракеты, способные преодолеть земное притяжение. Он вспоминал, как ещё мальчиком читал Жюль Верна, как воображал себя, парящем в невесомости.

Он еще не знает, что 1923 году напишет знаменитый труд "Ракета в межпланетное пространство" (Die Rakete zu den Planetenräumen), который станет библией для Вернера фон Брауна и всей будущей космонавтики.

Оберт не был официальным студентом физического факультета, но он пробирался на их лекции, сидел в последних рядах с тетрадью, делая наброски формул реактивного движения.

Он вспомнил комнату, которую снимал на окраине Мюнхена, свой завтрак: хлеб с мармеладом и кофе. Рядом – раскрытая тетрадь, в которую он записал:

Если $g = 9.81 \text{ м/с}^2$, какая должна быть тяга, чтобы преодолеть земное притяжение?

Он перечитывает формулы Циолковского, которые нашёл в старом немецком переводе русской научной статьи.

В анатомическом корпусе ему скучно. Он делает наброски ракеты на полях медицинского конспекта: стадия 1 – отделение ступени на высоте 20 км.

В читальном зале университета он просит учебник по термодинамике и журнал с описанием экспериментов по горению топлива. В его блокноте появляются новые строчки: Горючее: смесь кислорода и этанола. Вакуум... теплоизоляция...

Библиотекарь смотрит на него с интересом – Оберт берёт книги «не по профилю».

Было над чем задуматься. Какое топливо лучше – жидкое или твёрдое?

Какие способы стабилизации ракеты? Форма корпуса, материалы для обшивки

Расчёты на нагрев при старте и в верхних слоях атмосферы? Способы запуска – вертикальный, наклонный, с направляющей? Предельная высота и дальность?

Он гулял по тропинке вдоль реки Изар и загадывал: когда-нибудь человек дойдёт до Луны. Или я – или те, кого я вдохновлю. Он не знает, что эти схемы через 40 лет приведут к первому спутнику, а его имя – к астероиду 9253, которому присвоят имя Герман Оберт.

Глава 4. Коньяк «Мартель»

Для встречи с Германом Обертом новоиспеченный Ян Ван Дейк выбрал вечер в библиотеке. Библиотекарь подвел его к столу, где Оберт конспектировал «Механику небесных тел».

– Добрый вечер, герр Оберт, – вы позволите отвлечь вас по интересующему вас вопросу? Меня зовут Ян Ван Дейк, я работаю в Кайзеровском обществе Вильгельма, куда попало ваше письмо с просьбой о финансировании экспериментов по полетам в космос. Выйдем в садик.

Они нашли уединенную скамейку, и Ван Дек вынул письмо.

– Герр Оберт, мы заинтересовались вашим предложением, но вы знаете, сейчас война и каждая копейка на счету. Чтобы открыть вам счет мне необходимо более подробно познакомиться с вашими идеями. Насколько вы владеете проблемой, для начала я задам вам несколько вопросов. Вы изучаете реактивное движение?

– Да. Многие считают мои идеи фантастическими. Но я убеждён: реактивная тяга – это будущее не только баллистики, но и освоения высот. Речь не о пушках, а о двигателях, способных вывести тело за пределы атмосферы.

– Вы можете это подтвердить необходимыми расчетами?

– Над этим я сейчас тружусь. К сожалению, большую часть времени я вынужден проводить в госпитале, где я работаю. Остаются вечера и ночи.

Он достал тетрадь и показал Ван Дейку свои эскизы. На одном – схематическое изображение ракеты с соплом, на другом – формулы, среди которых уже встречался закон сохранения импульса и понятие "удельного импульса".

– Вот, посмотрите. Я называю это "многоступенчатой ракетой". Первая ступень сбрасывается, когда израсходовано топливо. Это позволяет уменьшить массу и увеличить дальность. И главное – всё на жидком топливе. Ни динамита, ни пороха. Смесь спирта и жидкого кислорода.

– А есть в Германии кто-нибудь ещё, кто работает в этом же направлении? Может, где-то при университете или в армии?

– У меня таких данных нет. Но я знаю, что в Австрии есть люди, заинтересованные в баллистических исследованиях. В Прусской артиллерийской академии слышал об экспериментах, но... ракеты – это пока игрушки для фейерверков. Всё внимание на дирижабли и аэропланы. Впрочем, это хорошо. Меньше шума – больше свободы.

– А что вам известно о подобных исследованиях за рубежом?

– Боюсь, что Германия здесь не впереди. Я внимательно слежу за тем, что происходит за рубежом. Вот посмотрите.

Он указал на несколько страниц с заголовками на английском и французском языках.

– В Англии есть человек по имени Арчибальд Лоу. Он пока более известен своими радиоуправляемыми устройствами, но, по слухам, интересуется и беспилотным летающим аппаратам. А это уже первый шаг к управляемым ракетам. Работает в Лондоне в лаборатории при техническом колледже. У него есть средства, и за ним стоят военные. Если бы не война, я бы съездил в Лондон попробовать настоящий английский чай.

– Съездите, еще не вечер! А в России?

– Константин Циолковский. Он работает один, как отшельник, живет скромно в небольшом городе Калуга. Математик, философ. У него почти нет практических работ, но его теория – фундаментальна. Именно он первым вывел формулу ракеты. Она теперь носит его имя. Без него не будет будущего у этой науки. Он – настоящий провидец.

Ван Дейк на мгновение задумался.

– Значит, Калуга. Далеко в России?

– Около Москвы, это второе место, где я хотел бы побывать и попробовать русские блины.

– Кто еще?

– В Париже работает Роберт Эсно-Пельтри. Инженер, писатель, изобретатель. Один из немногих, кто серьезно относится к возможности межпланетных перелётов. Вот тут, – Оберт ткнул пальцем в пожелтевшую страницу с французским текстом, – он приводит даже формулы тяги. Он разработал уравнения движения ракеты и даже экспериментировал с жидким топливом. Смелый человек. Боюсь, что его недооценивают на Родине.

– Франция – наш противник, но мой любимый коньяк «Мартель» – французский и мы с вами отведаем сегодня же! Где тут у вас ближайший ресторан? Мы отметим наше предстоящее сотрудничество, я доложу руководству, что вас необходимо привлечь в научный институт, санитары и без вас найдутся.

– Я еще не назвал США.

– И там ведется похожая работа?

– Да. Америка – дело особое. Там всё связано с частными лабораториями и странными гениями. Я слежу за работами Николы Теслы. Его считают безумцем, но в области высокочастотной энергии и передачи импульса он может оказаться полезным. Он не занимается ракетами напрямую, но принципы, над которыми он работает, могут быть использованы. Он, скорее, мечтатель и гений-одиночка, но у него свои теории по передаче энергии и импульсного движения. Его надо читать осторожно, но внимательно.

– Удивительно, сколько умов уже работает в этом направлении. Герр Оберт, вы на верном пути. Я доложу о ваших работах.

– Это неизбежно. Это наш следующий шаг. Человечество покинет Землю. И если Германия будет впереди – это изменит всё.

– Хватит о деле. Я проголодался, и ужин за мной.

Вечером Ван Дейк проводил Оберта, подарив ему бутылку «Мартеля»,

А Герман Оберт пожимая руку своему новому знакомому, не знал, что отправляет его в логово разведки и тайн, где тот станет глазами и ушами германского Генерального штаба.

Глава 5. Руководство по сыскному делу

Утро 5 августа 1914 года началось в Льеже мирно, размеренно, почти лениво. Над крышами домов, над шпилями церквей, над всей Бельгией, простиралось голубое небо, сквозь которое просвечивали солнечные лучи. Воздух ещё хранил свежесть ночи, по мощёным улицам в лёгком утреннем тумане уже рабочие спешили к своим заводам и фабрикам, а по крутым мостовым, между домов с резными фронтонами и витражами, торопились в сторону базара крестьянки в фартуках и чепцах. На булыжной мостовой позвякивали бутылки в деревянном ящике – молочник подталкивал свою тележку, запряжённую сонной кобылкой. Женщины с корзинами направлялись на рынок – за сырами, свежими овощами и фруктами. Из булочной Жоржа доносился запах ванильной сдобы.

На углу улицы Сен-Жак старый шарманщик выводил негромкую печальную мелодию. Клумбы на площади у ратуши поливали, и вода тихо шипела, стекая по камням. Газетчики выкрикивали свежие заголовки. «Австрия и Сербия на грани!» – но прохожие покупали газеты скорее по привычке, всё ещё веря в здравый смысл и дипломатию.

Город дышал ещё вчерашним покоем, не ведая, что часы истории пошли быстрее. В воздухе уже чувствовалась тревога, но она ещё не обрела форму.

Дом с резным балконом под номером 27 по улице Сен-Жак, что стоял между булочной и, известной своими витражами, старой часовней, был унаследован владельцем от дяди по материнской линии – известного нотариуса. За высокими ставнями скрывался уют с оттенком строгости: в столовой – резная дубовая мебель, тяжёлые шторы, на столе вышитая скатерть с родовым гербом, старинные часы отбивали каждый час, будто напоминая – время не ждёт.

Жилец – полицейский инспектор в отставке уже на ногах. Как всегда, ровно в семь, он аккуратно сложил одеяло, отодвинул занавес и впустил в спальню свет. Затем надел халат, поставил ноги в тапки, обтянутые бархатом, и направился в умывальную комнату, где, как положено, стоял кувшин с водой.

Умывшись, он тщательно вытерся свежим полотенцем и приступил к самой важной части утреннего ритуала – уходу за усами. Ни один волосок не должен был выбиваться из строя. Ни один изгиб не мог быть случайным.

– Ils doivent être parfaits... toujours parfaits, – бормотал он, склонившись к зеркалу в резной бронзовой раме, у которого лежала щётка из щетины кабана, немного воска и миниатюрные серебряные ножницы для устранения мельчайших нарушений симметрии. Он строго посмотрел на своё отражение и приступил к делу.

Сначала левая сторона – аккуратный изгиб, потом – правая. Щётка. Пальцы. Щепотка воска. Всё подчинено симметрии. Каждый волосок должен лежать, как следует – ведь беспорядок в мелочах ведёт к хаосу в мыслях. Спустя пятнадцать минут, не больше и не меньше, его усы были безукоризненны. Он облачился в свежую сорочку и жилет, отступив шаг от зеркала, чтобы оценить свой образ в целом.

– Порядок – это начало ясности, – пробормотал он, и уголки его губ чуть заметно приподнялись.

Домработница, миссис Верон, скромная вдова с аккуратной причёской и вежливыми манерами, прибыла чуть раньше, и уже мыла пол в прихожей. Она как всегда, пришла, чтобы приготовить завтрак и навести порядок в доме.

Стол был накрыт безупречно. Белая скатерть. Маленький серебряный нож для масла. Фарфоровая чашка в тон к блюдцу. Булочки, сливочное масло и любимое вишнёвое варенье. Порядок был не просто привычкой – он был основой. Стол, как и разум, не должен был содержать ничего лишнего.

– Доброе утро, месье, – приветливо сказала она, улыбаясь.

– Доброе утро, мадам Верон. Чудесный аромат. Это новые булочки от Жоржа?

– Да, он передал, что теперь добавляет немного корицы.

Еда – простая, но безукоризненно поданная, радовала глаз. Он не торопился: намазывал булочку, отпивал кофе, иногда заглядывал в раскрытую тетрадь, лежавшую рядом. Это были записки полицейского инспектора в отставке для его будущей книги.

После завтрака в тишине кабинета он принялся за работу.

Он писал «Руководство по сыскному делу», и уже была готова первая глава «Основы метода: порядок, наблюдение и логика». Глава начиналась с простого: прежде чем приступить к расследованию, нужно упорядочить собственные мысли – состояние ума, при котором даже в самых запутанных ситуациях можно выстроить цепь рассуждений, если наблюдать внимательно и избегать эмоций.

Он привёл пример своего успешного расследования похищения ребёнка бельгийского министра внутренних дел – случая, считавшегося безнадёжным. Дело не попало в полицейские хроники, но весьма показательное для начинающего сыщика.

Порядок и метод – вот основа всякого успешного расследования, – пробормотал он себе под нос, перечитывая написанное. – *Oui, c'est un bon début*, – мои маленькие серые клеточки довольны. Но что скажет префект Жан о моем методе?

Он уже обдумывал вторую главу «*Traité de la méthode déductive*», где решил, в качестве примера, вставить дело о кассире банка, сбежавшего из Льежа с крупной суммой денег, которое он расследовал двадцать лет назад. Он тогда не только нашел кассира в соседних Нидерландах, но и спас от опрометчивого шага юную девушку, которую соблазнял кассир, представившись богатым графом из Парижа.

Его мысли прервал резкий, нетерпеливый стук в дверь. Он нахмурился, отложил ручку, медленно поднялся и посмотрел на часы: восемь пятнадцать. Визиты в столь ранний час были редкостью. У двери стоял запыхавшийся посыльный в форменной фуражке.

– Мсье Эркюль Пуаро? Вам срочное письмо из полицейского управления. Префект приказал передать устно – это дело не терпит отлагательства!

– *Merci, jeune homme*, – произнёс Пуаро, принимая конверт с официальной печатью. Он закрыл дверь, сломал сургуч и бегло прочёл короткое письмо.

Морщины на его лбу углубились. Он медленно опустил письмо на стол и посмотрел в окно: за зеленью сада, за куполами церквей и крышами домов на горизонте приближалась туча. Над городом всё ещё витал покой, но что-то неуловимо изменилось.

– *C'est la guerre*, – прошептал он. – *La grande guerre*...

Он аккуратно сложил письмо, отложил тетрадь и встал. Война началась, и старая жизнь больше не вернётся.

Он надел темный костюм, завязал галстук, последний раз взглянул в зеркало, поправил усы и, взяв трость, направился к выходу. Впереди его ждала новая работа – и, возможно, самая опасная из всех. На пороге обернулся, бросил взгляд на оставленную тетрадь. Всё это придётся отложить. Его вызывает префект. Мир меняется, и его маленькие серые клеточки вновь нужны.

Глава 6. Женщина в синем платье

На пороге префектуры Пуаро встретил бельгийский офицер, запыханный, уставший, но с твёрдым взглядом.

– Мсье Пуаро?

– Да, это я.

– Немцы пересекли границу, и Льеж будет атакован в ближайшее время. Вам поручается организовать эвакуацию в Англию группу сотрудников Льежского университета. Вам в этом поможет английский представитель, капитан Гастингс. У него список группы, имена и фамилии сотрудников изменены. Познакомьтесь и составьте план действий.

Пуаро, молча, кивнул. Он всё понял без лишних слов. Германия нарушила нейтралитет Бельгии. Война началась.

– Мистер Гастингс, рад встрече. Согласие Англии принять беженцев из Бельгии трудно переоценить. Позвольте представиться, Эркюль Пуаро, полицейский инспектор в отставке. Готов приступить к делу. Я живу один, приглашаю остановиться у меня, милости просим.

– Большое спасибо, мсье Пуаро, я принимаю ваше приглашение. Мне уже рассказали о вашем аналитическом уме и успешном расследовании похищения ребёнка бельгийского министра внутренних дел – случая, считавшегося безнадёжным. Я рад сотрудничать с таким знаменитым человеком! Позвольте и мне представиться. Артур Гастингс, – он приложил руку к козырьку фуражки, – капитан британской армии в отставке. Прибыл по приказу командования для содействия в эвакуации. Полагаю, мои скромные познания французского, и опыт передвижения людей в трудных условиях, способствовали этому поручению.

Пуаро одобрительно кивнул:

– Очень разумно. Ах, как приятно иметь дело с человеком, столь пунктуальным и прямодушным. Мы составим превосходную команду, капитан.

Он протянул руку, которую Гастингс крепко пожал, чувствуя, что их знакомство обещает вылиться в нечто большее, чем просто короткая миссия.

После уточнения списка группы, рассылные были отправления в их дома. Все должны собраться завтра в 8 утра перед собором Святого Павла на площади, превращенной в сборный пункт.

После завершения всех формальностей Пуаро предложил угостить Гастингса обедом, и они зашли в ближайший ресторан, где пожилые дамы вязали, кто-то играл в шахматы, и звучала негромкая музыка из старого граммофона.

Официант принес вино и закуску. По совету Пуаро Гастингс попробовал национальное бельгийское блюдо: мидии, сваренные в белом вине и поданные с картофелем фри.

– Мсье Пуаро, а чем вы занимаетесь в отставке? Играете в шахматы?

– Работаю над книгой. Тридцать лет на сыскальной работе, десятки случаев от пропаж драгоценностей и ограблений банков до отравлений и самоубийств. У меня есть что рассказать. За многие годы я выработал свой метод. Внимание – ключ к пониманию человеческой природы. Когда вы видите человека, вы должны не только слушать, что он говорит. Иногда его жесты, выражение лица, даже выбор пищи на обед могут многое рассказать о его истинных намерениях.

– Вы хотите сказать, что можно раскрыть личность человека, просто посидев с ним за обедом?

Пуаро, проводя пальцем по бокалу с вином:

– Совершенно верно.

– Я никогда не думал об этом. Но, должно быть, вы правы. А как насчет меня? Может быть, вы заметили в моем поведении?

Пуаро смотрит на Гастингса, изучая его:

– Вы... несколько импульсивны, но, в то же время, искренни. У вас есть некая наивность, но она не мешает вам быть честным и прямолинейным. Ваши глаза, Гастингс, говорят о том, что

вы – человек, стремящийся понять мир вокруг себя, хотя иногда недооцениваете опасности, которые скрываются в деталях.

Гастингс вздыхает, затем смеется:

– Ах, вы меня совсем раскусили! Но, знаете, это не так уж и плохо. Я не такой наблюдательный, как вы, но стараюсь делать правильные вещи.

Пуаро, с улыбкой:

– А это важнее всего. В этом мире достаточно руководствоваться честностью и здравым смыслом.

Гастингс, с улыбкой поднимает бокал:

– Тогда давайте выпьем за честность и здравый смысл, мсье Пуаро!

Пуаро с улыбкой поднимает бокал и смотрит на Гастингса:

– За ваше здоровье, мистер Гастингс. И пусть наше знакомство станет началом весьма интересных приключений. А вам нравится военная служба?

– Кто-то должен защищать Родину с оружием в руках. А в мирное время это рутинная работа: обучение молодых солдат. Я бы тоже не прочь написать книгу, но кого заинтересуют подробности марш-броска? Кстати, кое-что заметил и я. Вы все время поглядывает в окно! Что вас заинтересовало?

– Женщина в синем платье, с вуалью и драгоценной брошью на воротнике, прогуливающаяся с книгой в руках.

– Вас интересует, что она читает?

– Русского писателя Тургенева. Тонкий томик, синяя обложка.

– Пуаро, вы всегда всё замечаете, да?

– Это было моё ремесло.

– Вы заметили, как она держит книгу? Почти не смотрит в неё. Просто идёт с ней.

– Значит, книга – лишь предлог. Она хочет, чтобы кто-то к ней подошёл.

– Так чего же мы ждём?

Пуаро, удерживая его за рукав:

– Mon ami. Спешка – не союзник. Вы – солдат, и хотите взять крепость с наскока? А я – стратег. Я подожду.

– Вы уверены, что эта мадам может быть очарована вашими маленькими серыми клеточками?

– Нет. Но я уверен, что настоящая дама чувствует не слова, а искренность. А в этом, капитан, мы с вами не соперники – мы просто два разных ответа на один вопрос.

Женщина вошла в кафе.

– Господа, вы, кажется, спорите?

– Только обсуждаем, мадам, кто из нас первым предложит вам чашку чая.

Гастингс, с галантным поклоном:

– Или проводит домой, если вы позволите.

Женщина, переводя взгляд с одного на другого и сдерживая улыбку:

– Сначала чай.

– И вы читает по-русски?

– Да, я русская графиня. Меня зовут Вера Александровна Русакова. Может, и вы представитесь?

– Эркюль Пуаро. Мадам, вы здесь в гостях? Началась война, могу я быть вам полезен?

– Артур Гастингс. Если будете в Лондоне, моя квартира к вашим услугам.

– Господа, а как на это посмотрят ваши жены?

– Мы, вероятно, ждали часа, когда встретимся с вами. Оба свободны.

– И очень любезны! Нет, я не в гостях, просто приехала по поручению российского общества Красного Креста помочь, по возможности, бедным и больным, а заодно посмотреть

эту прекрасную страну. Но, сейчас, мсье Пуаро, боюсь, что я нуждаюсь в помощи сама. Началась война.

– Завтра в 8 утра на площади перед собором Святого Павла собирается группа для отправки в Англию. Англия вас устроит? Приходите с вещами, и я вас внесу в список.

– И вы поедете?

– Мы оба будем охранять вас всю дорогу.

– Как удачно, что я вас встретила. Тогда мне надо собраться. Не беспокойтесь, я живу рядом. До завтра.

Пуаро расплатился и повел Гастингса к себе домой.

Глава 7. Время не ждет

– Мсье Пуаро, – заметил Гастингс, когда они вошли в дом Пуаро, – вы, конечно, собирались провести последний вечер в приятной беседе и обмене воспоминаниями. Увы, это придется отложить. Кроме сопровождения в Англию группы бельгийских беженцев, мне поручено проверить, чтобы в этой группе под видом беженца в Англию не проник шпион. И выдали специальную инструкцию, как это сделать, которую составил мой приятель, полицейский инспектор Джепп. Послушайте, к счастью, она короткая.

«ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ОФИЦЕРА СВЯЗИ

Секретно.

Для исполняющих задания сопровождения группы гражданских лиц в Соединенное Королевство.

Цель:х

Не допустить проникновения в Англию вражеских агентов под видом беженцев.

Проверка документов:

Сопоставить имена, звания и должности со списком, заверенным английским военным атташе. Лиц, не соответствующих списку или не имеющих документов взять под особое наблюдение.

Анализ поведения:

Обратить внимание на знание английского или немецкого языков – особенно на тех, кто говорит по-немецки, но скрывает это. Зафиксировать попытки избежать общения, осмотра багажа, проверок. Особое внимание – к тем, кто избегает обсуждать свое прошлое или чью профессию трудно проверить.

Осмотр багажа (без ведома беженцев, если возможно):

Искать зашифрованные записки, карты, военные схемы, радиодетали, подозрительные книги и устройства. Изучать медицинские и технические приборы. Агент может маскироваться под врача или инженера.

Собеседование

Использовать вопросы, чтобы выявить ошибки в ответах. Задавать провокационные вопросы типа: "А кто у вас заведует кафедрой ботаники?", если вы точно знаете, что кафедры ботаники в этом университете нет.

Отмечать случаи чрезмерной уклончивости, запинок при ответах на вопросы, неуверенности в деталях биографии.

Особое внимание:

Обращать особое внимание на женщин или несовершеннолетних.

Подозреваемых не задерживать немедленно, а сопровождать с постоянным наблюдением до передачи британским службам.

В случае сопротивления или попытки бегства – действовать по обстоятельствам.

Сохранять спокойствие. Докладывать в Лондон после прибытия.

Старший инспектор Скотланд Ярда
Джеймс Джепп»

– Пуаро, я давно знаю старшего инспектора Джеппа, для него инструкция важнее Святого Закона и представляю, как он сидит в своем кабинете, покуривает трубку и сочиняет подобные опусы. Его бы сейчас сюда, под грохот орудий и плач детей.

Сотрудники университета у меня не вызывают подозрений, но в списке есть посторонняя девушка Эдна – племянница библиотекаря университета Эллис Ламбрехт. Она не работает в университете и приехала недавно. Откуда взялась это племянница? Кто она? Сделаем так, еще не поздно, попросите вашу служанку пригласит сюда миссис Эллис Ламбрехт. Мы будем беседовать вдвоем, но дверь в соседнюю комнату будет приоткрыта, и вы там сможете услышать весь разговор. Меня интересует ваше мнение.

– Добрый вечер, мадам Ламбрехт. Присядьте, пожалуйста. Да, я понимаю, нужно время на сборы, просто несколько вопросов, обычная формальность. Вы подали прошение о выезде в Англию?

– Да, и я решила взять с собой старые ценные книги.

– Но вы подали два прошения, для себя и для племянницы. Кто она, и как давно вы ее знаете?

– Эдну? Я вообще не знала, что у меня есть племянница, три месяца назад она нагрнула, как снег на голову. Она приехала из Лилля с письмом моей сестры Магды. Сестра написала, что она тяжело больна, чувствует, что ей осталось жить недолго, просит прощения за нашу прошлую ссору и умоляет приютить ее единственную дочь. Да, мы поссорились лет двадцать назад из-за молодого человека и больше не общались. И вот с ее письмом появилась Эдна. Она сказала, что Магды уже нет.

– Понятно. У вас есть письмо сестры?

– Где-то есть.

– И вы узнали почерк?

– Как я могла его узнать, прошло 20 лет.

– Тогда почему вы поверили, что это – ваша племянница?

– Она похожа на мою сестру Магду.

– И у вас ни разу не возникали сомнения?

– Вы знаете, возникали. Я ее расспрашивала о Магде, и ее ответы часто были невнятные.

То она не помнит, то она не хочет рассказывать.

– Но вы могли съездить в Лилль, поговорить с соседями.

– Да я собиралась, но началась война.

– Вы заметили что-нибудь необычное в ее поведении?

– Ничего. Разве что очень любопытна, все ей надо знать.

– Мадам Ламбрехт, мы полагаем, что вашей племяннице лучше остаться. Как вы на это смотрите?

– И я хотела ее оставить здесь, пусть присмотрит за домом, война когда-нибудь кончится, но она настаивает, чтобы я взяла ее собой. Видите ли, она хочет побывать в Англии.

– Ничего, побывает в Англии и после войны. Пожалуйста, о нашем разговоре вашей племяннице ничего не говорите. Скажете, что в связи с отсутствием места, ее включают в следующую группу.

Когда экономка ушла Пуаро, слышавший этот разговор сквозь приоткрытую дверь, спросил:

– Вы думает, она шпионка? Женщина?

– Просто все это выглядит подозрительно. Пуаро, а вы бы не засомневались? Проверка потребовала бы много времени, его у нас нет. А что касается женщины-шпионки, это не такая

уж большая редкость. Актриса Полин Кюшо была шпионкой Севера во время гражданской войны в Америке. На юге её арестовали и приговорили к повешению, но ей удалось избежать казни. После войны получила титул "майор" за заслуги. Она считается одной из самых известных женщин-шпионок 19 века. Эдну вычеркиваю. А вы собрались?

– Да, и попросил мою домработницу присматривать за квартирой. А ваша проверка окончилась?

– Я сделал все что мог, хотя некоторые пункты инструкции остались без птичек. Время не ждет. Пуаро, поставьте, пожалуйста, будильник на 6 утра.

Глава 8. Хмурое утро

Будильник зазвонил в шесть. Гастингс уже ушел, а Пуаро медлил.

Вой сирены прозвучал вдалеке, как предупреждение. У него оставалось всего несколько минут, прежде чем отправиться к месту сбора. И он решил обойти в последний раз в свой дом с липами и голубями, чтобы проститься.

В этом полумраке всё было по-прежнему: аккуратные полки с книгами, фарфоровая фигурка святого на камине, часы с качающимся маятником, лёгкий запах лаванды от тщательно выглаженных салфеток.

Он прошёлся по комнатам.

– Mon petit chez moi... – прошептал он, глядя край стола, за которым писал свою книгу и разгадывал кроссворды по воскресеньям. – Я всегда знал, что однажды расстанусь с тобой, но не думал, что так.

Он достал из шкафа небольшую шкатулку. Там старое письмо от матери, медаль за службу в полиции и фотография с коллегами. Положил в карман.

В спальне погладил подушку, поправил покрывало.

– Спи спокойно, мой дом. Я оставляю тебя в надежде, что ты переживёшь эту бурю и дождёшься мира.

Перед выходом задержался у двери, постоял, приложил ладонь к косяку.

– Прощай, мой маленький бельгийский уголок.

Он вышел, тихо прикрыв дверь. Снаружи уже слышались шаги, суета, голоса. Но внутри, в пустом доме, остались только тишина и память.

На крыльце он достал из внутреннего кармана платок, в котором хранил веточку лаванды – засушенную, ароматную, с его последнего визита в Прованс. Он всегда держал её рядом, как напоминание о спокойствии, порядке и прошлом, в котором ещё не было войны.

Он развернул платок, взглянул на веточку и слегка улыбнулся.

– Mon amie... Ты останешься здесь, – прошептал он.

Поднялся обратно по ступенькам, открыл ставню на кухонном окне, приоткрыл створку. Положил веточку на подоконник, между двумя кружевными занавесками.

– Ты останешься здесь. И если тебя нет, значит, и дома больше нет, – сказал он тихо, почти про себя.

Закрыв ставню, Пуаро выпрямился, поправил шляпу. Теперь он был не просто человек, покидающий дом. Он был свидетель времени, беглец из мира, который рушился, и хранитель своей памяти – даже в мелочах.

Он пошёл прочь, не оборачиваясь. Но в его сердце остался тот маленький знак – веточка лаванды на подоконнике.

Маленький человек с аккуратными усами поправил манжету и бросил тревожный взгляд на небо. Над Льежем сгустились не только тучи, но и тени надвигающейся войны. Германские войска приближались, и даже самые гордые патриоты начинали посматривать на восток с тревогой.

Эркуль Пуаро не принадлежал к числу тех, кто впадает в панику, но утром пришло известие: город падет. Французская и бельгийская линии не выдержат. Пора уходить.

Сквозь осенний туман размытый город лежал, как в акварели. Взрывы были ещё далеко, но каждый новый звук казался ближе, и Пуаро поспешил на площадь, где его ждут беженцы.

Площадь перед собором Святого Павла уже была заполнена беженцами, сумками, мешками и чемоданами. Толпились провожающие и просто зеваки.

У краешка мощёной улицы, под серым, тревожным небом стояли две фуры, чтобы отвезти беженцев на вокзал для отправки поездом в Антверпен, откуда судно или паром отвезет их в Англию. Массивные лошади, с тёмными гривами и усталыми глазами, жевали овёс из мешков, подвешенных к оглоблям. Колёса повозок были широкие, деревянные, с железным ободом – потрескавшиеся от времени и дорог. Дождь прекратился лишь час назад, но булыжник всё ещё блестел, отражая свет от редких фонарей. Лошади переступали с ноги на ногу, измотанные и нервные: где-то вдали, за линией холмов, слышались глухие раскаты пушек.

– Вы называйте фамилии и номера фур, – сказал Гастингс, – а я буду просматривать их вещи.

Пуаро взял список.

– Прошу слушать внимательно. Беженцы, занимающие первую фуру. Профессор математики Жюль Бейль и жена Марина. Садитесь. Мадам Эллис Ламбрехт, библиотекарь университета? Что у вас за сундук?

– Это ценные старинные книги, их надо сохранить.

– Мадам Ламбрехт, сундук придется оставить, настоятель собора освободил кладовую, куда можно положить вещи уезжающих. Он гарантирует их сохранность. Отдайте сундук туда. Дальше. Профессор права Виктор Дюмон. Это ваша собака? Собаку нельзя.

– Я не могу ее бросить, она однажды спасла мне жизнь.

– Впереди большая и сложная дорога. Собака останется здесь.

– Тогда и я остаюсь.

– Воля ваша. Теперь вторая фура. Доктор Поль Мартен, преподаватель медицины. Что у вас с собой?

– Аптечка и лекарства из университетской клиники.

– Хорошо, садитесь. Аббат Жан-Батист Лорен, доцент факультета теологии и жена мадам Элен Лорен. Садитесь. Графиня Вера Русакова? Нет, мадам Русакова, велосипед брать нельзя, сдайте его в церковную кладовую и будете на нем ездить, когда вернетесь. Мадам Марта Бонфуа, экономка хозяйственной части университета? Рад, что вы едете с нами. Мы будем на вас рассчитывать в дороге. Надеюсь, господа, вы понимаете, с какими трудностями мы можем встретиться по пути и все захватили с собой достаточное количество денег или ценностей, которые вас поддержат в нужную минуту.

Началась посадка. Кучера подавали руки женщинам, прислуга и провожающие помогали разместить вещи.

– Все готовы? Я сяду на козлы с водителем второй фуры, а мистер Гастингс – первой.

К Пуаро подбежала молодая девушка.

– Мсье Пуаро, вы меня не знаете, но знаете мою тетю библиотекаря Эллис Ламбрехт. Я хочу поехать с ней. Мне отказали, так как нет мест, но вот, остался старик с собакой и место есть. Возьмите меня.

– Мадмуазель Эдна, я, в общем-то, непротив. Но решает капитан Гастингс. Обратитесь к нему.

– Капитан Гастингс, освободилось место, возьмите меня, если я тут останусь, немцы заберут меня в бордель. Хотите я стану на колени?

– Первая фура, садьте с тетей.

– Не знаю, как вас благодарить! – она наклонилась и поцеловала его в щеку.

– А меня? – пошутил Пуаро, – тогда в путь!

Кучера затащили подпруги, проверили упряжь, поправили брезент и, прикрыв от ветра и пыли сидящих, заняли свои места на козлах. Процессия двинулась к станции, фуры скрипели на ухабах, как будто жаловалась на свои ноши, но продолжали медленно тащиться по дороге, везя не только людей и их вещи, но и их надежды, страхи и сомнения.

Глава 9. Осколки старой жизни

Дорога была заполнена беженцами. Кто-то решил переждать войну в соседних селах, другие надеялись уехать из страны. На одном из поворотов путь перегородила поваленная телега. Гастингс соскочил с фуры, проверил: ловушка это или нет. К счастью, препятствие оказалось случайным – крестьянин бросил телегу в спешке. Ее оттащили на обочину. Чуть дальше они встретили отряд бельгийских солдат – уставших, измождённых, но всё ещё готовых держать оборону. Солдаты уважительно уступили дорогу.

Когда, наконец, показалась дымящаяся труба станции, все вздохнули с облегчением. На запасном пути уже стоял вагон, подготовленный городскими властями для эвакуации университетского персонала Льежа в Англию.

– Мадам Русакова, разрешите я вам помогу.

Пуаро подал ей руку – сдержанно, но задержал чуть дольше, чем обычно, помог сойти с фуры и занести вещи в вокзал.

– Мы прибыли вовремя. Осталось десять минут.

Она смотрела прямо, не моргая. В глазах было сочетание отчаянной решимости и хрупкая надежда, которую он видел у немногих.

– Спасибо, что вы включили меня в список. Говорят, вы спасли многих.

– Я просто делаю то, что должен, – ответил он тихо.

– Если бы вы знали, как страшно – быть совсем одной в чужой стране. Даже если уже выучила язык, всё равно остаёшься чужой.

Он не ответил сразу. Только посмотрел на неё внимательно. Потом коротко кивнул:

– Пока вы рядом со мной, мадам, вы не одна.

Платформа была окутана серым дымом – от локомотива и от пожара на окраинах. Люди толпились, держа чемоданы, дети плакали, кто-то молится.

Она молчала, пока поезд не скрипнул тормозами у перрона. Пуаро подхватил её вещи.

– Осколки старой жизни, – тихо сказала она. – Возможно, пригодятся в новой.

Они поднялись в вагон.

Поезд тронулся в темноту, словно на ощупь, двигаясь на запад на фоне далёкого грохота орудий и завывание сирены, оповещающей о налёте. Так началась их история – с поезда, который вёз их прочь от войны, от прошлого, в неизвестность.

Люди в вагоне молчали. Город остался позади, вскоре он будет охвачен огнём.. Где-то между Хассельтом и Мехеленом была остановка – солдаты в синих мундирах с винтовками обошли вагоны, проверяя документы.

Грохот колёс гулко отдавался в груди. Сквозь стекло проносились огни редких станций. Тусклый свет лампы отбрасывал мягкие тени на лицо женщины в вуали. Внутри пахло гарью и кипятком. В купе она сняла перчатки – тонкие, как паутина.

– Вас долго не было.

Она держала в руках маленькую кожаную сумочку с золотой пряжкой. Пуаро заметил: пальцы её дрожали, но взгляд оставался твёрдым.

– Я должен был обойти весь вагон, мадам. Кажется, все устроились. Простите за любопытство, но вы бежите не от одной лишь войны?

– Вы наблюдательны, месье Пуаро. Я оставила Россию после... семейной трагедии. Теперь же бегу, кажется, от самой себя.

Она повернула голову к окну, и на мгновение он увидел, как на внутренней стороне её перчатки — тёмное пятно от чернил, словно кто-то недавно спешно писал.

– У вас остались родные в России? – мягко спросил Пуаро.

– Брат. Он офицер. Но я не знаю, где он теперь. Мы давно не общались. Когда делится наследство, месье, люди иногда становятся совсем не теми, кем были. Даже самые близкие.

Поезд гремел на стыках, как будто время само торопилось убежать от войны. Сквозь щели в окне тянуло холодом, углём и старым деревом. Пуаро аккуратно снял перчатки и сложил их в карман. Она молчала, глядя в окно, будто в темноте можно было увидеть ту Россию, которую она оставила.

– Вы много думаете, мадам? – спросил Пуаро.

– Я русская, – усмехнулась она. – Это у нас семейное. Отец говорил: «Русский человек думает не для пользы, а для красоты».

Пуаро приподнял бровь.

– Ах, красота! В этом мы с вами схожи. Я, например, не могу работать, если ботинки не начищены до блеска.

Она улыбнулась – впервые по-настоящему. И тут он заметил: без вуали её лицо не просто красиво – оно живое, с глубокими глазами, умной ироничной линией губ, и чуть грустной складкой у виска.

– Вы – странный человек, мсье Пуаро. Вы вроде бы полицейский, а говорите о ботинках. И при этом... я почему-то вам верю.

– Потому что я, смею надеяться, джентльмен.

– Но вы детектив? Настоящий? Как в романах?

– Иногда хуже, – скромно ответил он. – В романах герои чаще стреляют, чем чистят обувь. А я – наоборот.

Она рассмеялась – звонко, неожиданно. И сама испугалась этого смеха, прикрыв рот ладонью.

– Простите... Я... давно не смеялась.

– Тогда я уже считаю наше знакомство успешным.

Он достал из кармана бутерброд, аккуратно завернутый в чистую салфетку.

– Вы позволите? Сыр и хлеб. По-бельгийски.

– Как... по-домашнему, – тихо сказала она, принимая половинку.

Они ели молча, и поезд стучал, будто под такт их новому, пока ещё хрупкому знакомству. Он смотрел на неё, изучая. Женщина с тайной. Женщина, что носит фамильные бриллианты в саквояже, но ест хлеб, как нищенка.

А она смотрела на него – аккуратного, чопорного, с идеальной складкой на брюках, с умными глазами и непонятной добротой в голосе. И думала, что, может быть, он – тот редкий человек, рядом с которым можно быть не только графиней... но просто женщиной.

Глава 10. История графини Русаковой

Город Антверпен возник в сумерках – словно тень самого себя, застывшая между тревогой и ожиданием. За окнами мелькали пустынные пригороды: невысокие дома с плотно зашторенными окнами, силуэты людей, спешащих домой, не оглядываясь. Поля уступили место

мощёным улицам, на которых почти не было экипажей – лишь редкие повозки гремели колёсами по булыжнику.

На железнодорожных путях, по мере приближения к вокзалу, скапливались военные составы: вагоны с провизией, орудия, солдаты в шинелях, стоящие кучками у костров, курящие молча, не глядя друг на друга. Воздух был наполнен запахом дыма и угля. Над городом сгустился вечер, но уличные фонари зажигались неохотно, как будто опасаясь выдать город врагу. Антверпен ещё не погрузился в официальное затемнение, но и не светился, как это бывало прежде – привычной уютной теплотой.

Поезд замедлил ход. Через арку моста промелькнул силуэт собора – одинокий шпиль тёмно вырисовывался на фоне угасающего неба. У станции стояли телеги с беженцами, люди с чемоданами, дети, плачущие от усталости. На перроне уже дежурили солдаты и железнодорожники с военными знаками.

Антверпен встретил Льежскую группу тревожной тишиной большого города, который знает – его очередь наступит скоро.

Переехали в порт. В порту давка – столица в бегстве. Люди говорили шепотом: «Немцы близко», «Король и королева уехали в Ла-Пан», «Говорят, Брюссель сдался».

В порту стояло несколько кораблей. До войны морские путешествия между континентальной Европой и Британией были обычным делом, особенно между крупными торговыми и портовыми центрами. Бельгия и Великобритания поддерживали активные экономические и культурные связи. Однако после начала боевых действий морские маршруты стали опасными из-за угрозы немецких подводных лодок, и судоходство было сильно ограничено.

Группу провели к судну «Принцесса Клементина». Капитан Гастингс предъявил документы и после осмотра вещей группу разместили на корме. Судно дало гудок и, надеясь на удачу, отчалило от пирса и медленно двинулось в серое, беспокойное море. Тучи нависли низко, и горизонт был затянут туманом. На борту были старики, женщины, дети и несколько раненых солдат в бинтах. Около полудня, когда уже показался берег Англии, по левому борту послышался глухой всплеск.

– Торпеда! – крикнул наблюдатель.

Секундой позже судно содрогнулось. В носовую часть угодила торпеда – взрыв выбросил в воздух куски железа, осколки и крик. Началась паника. Пар пошёл из котельного отделения, загорелся один из угольных бункеров. Люди бросились к шлюпкам, но капитан удержал экипаж:

– Мы не тонем! Тушите огонь! Помогайте раненым!

Раненые стонали, судно кренилось, но держалось на плаву. Пока команда героически боролась за живучесть, вдалеке показался силуэт британского эскортного миноносца. Он стремительно приближался, и немецкая подлодка исчезла в глубине.

В расположившейся на корме группе из Льежа пострадал только Пуаро. Осколок застрял у него в ноге. Он не издал звука, только стиснул зубы и оперся на переборку, не желая создавать панику среди испуганных людей. Кровь струилась по ноге, а мир понемногу плыл перед глазами. Он бы упал, если бы не Вера Русакова, внезапно оказавшаяся рядом. Она подхватила его под руку и, несмотря на свой рост и хрупкость, с поразительным упорством провела в кают-компанию, где устроил некое подобие лазарета преподаватель медицины университета Поль Мартен. Он удалил осколок, остановил кровь и сделал перевязку.

Пуаро долго был в полубреду – между болью и слабостью, между шумом волн и женским голосом, который звал его обратно. Он не сразу понял, что этот голос принадлежал Вере. Она не отходила от него – вытирала лоб, поила водой, меняла повязку. Иногда он просыпался и чувствовал, как её прохладная рука лежит на его руке, и в эти мгновения страх и одиночество отступали. Она сидела на узкой скамье у койки, прижавшись плечом к стенке, и дремала.

Волосы выбились из шапочки, и она казалась совсем девочкой. Он тихо позвал её по имени. Она сразу проснулась и, увидев его глаза, улыбнулась так, будто он победил смерть.

– Вера... – прошептал он. – Зачем вы здесь?

– Потому что не могу иначе, – сказала она, наклонившись ближе.

Он осторожно дотронулся до её руки.

– Я ничего не знаю о вас. Но, мне кажется, я не хочу, чтобы вы исчезли из моей жизни.

Расскажите о себе.

– Слушайте. Я родилась в семье аристократов. Мой отец, граф Илья Павлович Русаков, был высокопоставленным офицером в российской армии, а мать, графиня Екатерина Александровна, происходила из старинного дворянского рода. Я выросла в большом имении на юге России в городе Калуге, в окружении роскоши и традиций, характерных для того времени. В детстве посещала частную школу, где обучалась французскому, немецкому и английскому языкам, а также искусству, музыке и литературе.

В 18 лет вышла замуж за русского офицера, князя Александра Михайловича. Вместе мы путешествовали по Европе, посещая крупные города, такие как Париж, Лондон, Берлин. К несчастью, спустя несколько лет брака, мои отношения с мужем ухудшились и мы развелись. После развода я вступила в организацию Красного Креста и начала участвовать в волонтерской работе, помогая бедным и больным, и год назад меня отправили для благотворительной помощи в Бельгию. Не успела я обосноваться, как началась война. И я встретила вас. Вот и все.

– И какие у вас сейчас планы?

– Вернуться домой в Калугу. Я так устала. И имение нуждается в присмотре.

– Это большой город?

– Нет, намного меньше Льежа. Но очень тихий и красивый. Город утопает в зелени, на улицах преобладают купеческие дома, старинные церкви, мощёные мостовые. Центр жизни – торговая площадь, вокруг которой сосредоточены лавки, гостиницы и трактиры. Жизнь в Калуге размеренная, неторопливая: по улицам неспешно идут горожане, извозчики везут пассажиров, дети играют во дворах. Вечером загораются фонари, и город погружается в уютную тишину. Главными событиями становятся ярмарки, праздники, выступления в местном театре. Но в целом городок живёт своей скромной, провинциальной жизнью – вдали от суеты и бурь большой политики. Кончится война, приезжайте в гости...

К вечеру дымящийся, искалеченный пароход вошёл в гавань небольшого английского городка Торки. На палубе стояли окровавленные люди – лица чёрные от копоти, глаза испуганные. Кто-то держал руку на перевязи, кто-то, молча, прижимал к себе ребёнка.

Портовые рабочие и медики уже ждали. Раненых бережно выносили на носилках, накрывали тела погибших. Газеты Торки на следующий день напишут: «Пароход «Принцесса Клементина» с бельгийскими беженцами чудом избежал гибели. Команду и капитана отметили за храбрость. Германия атакует безоружные суда.»

Глава 11. Торки

Вы никогда не были в Торки? Это еще не поздно исправить!

Торки – небольшой город на юго-западе Англии в графстве Девон, в 4 часах езды от Лондона. Самая большая достопримечательность Торки – это его природа. Город называют Английской Ривьерой. Это один из самых любимых курортов британцев. Он славится мягким морским климатом, пальмами, живописными утёсами и светлыми викторианскими особняками. До войны был популярным курортом для состоятельных англичан, а с началом войны, как и многие прибрежные города Англии, стал пунктом приёма прибывающих по морю беженцев, и местом, где располагались военные госпитали и приюты для бездомных.

В сентябре 1915 года город посетили король Георг V и королева Мария.

Торки немного не типичный город Англии в представлении туристов. Здесь светит солнце, дожди не идут каждый день, растут пальмы и кипарисы, но английская культура прекрасно вписывается в этот нетипичный английский город. А самое главное здесь говорят на классическом английском.

Когда в порт Торки прибыл пароход с бельгийскими беженцами из Льежа, горожане тепло встретили измученных людей. На причале их ожидал представитель министерства внутренних дел, который занимался размещением прибывших. Все получали временные документы для пребывания в Англии. Власти создали комитет помощи беженцам, их размещали в частных домах, гостиницах и временных приютах.

Волонтёры Красного Креста приготовили столы, полевая кухня разливала по мискам горячий суп. Женщины из местного женского комитета предлагали чай и шерстяные одеяла. Детям раздавали яблоки, булочки и игрушки.

Благотворительные лавки и склад Красного Креста открыли доступ к предметам первой необходимости: одежде, обуви, туалетным принадлежностям. Беженцы получили смены белья, шапки, зонты и недорогие пальто. Местный аптекарь вручал бесплатно флаконы с успокаивающими каплями и йод, а газетный киоск раздавал открытки с изображениями города Торки, как память о первом английском приюте.

Ожидавшая у пирса карета скорой помощи отвезла раненых в военный госпиталь в здание Торкской ратуши. Среди них был Эркюль Пуаро.

На организованную группу университетских работников из Льежа во главе с капитаном Гастингсом обратила внимание миссис Кавендиш, хозяйка поместья Стайлз. Проникнувшись сочувствием и восхищаясь мужеством этих людей, она предложила им приют в своём доме, предоставив им жильё и возможность отдохнуть и восстановиться в спокойной обстановке английской провинции.

Учитывая тревожное время и сложности с железнодорожными перевозками во время войны, миссис Кавендиш решила использовать частный транспорт, чтобы обеспечить прибытие гостей напрямую, минуя большие станции и переполненные вокзалы. К утру к приюту в Торки подали три крытые повозки, а также двуколку для багажа. Управляющий Кавендишей привёз с собой опытных возчиков, продумал маршрут и остановки.

Дорога в Стайлз заняла несколько дней, она шла по живописным просёлочным дорогам, где беженцев встречали с любопытством и сочувствием.

На ночлег они останавливались в сельских постоялых дворах или фермерских усадьбах, где местные жители охотно делились хлебом и молоком.

Несмотря на усталость, дорога сблизила всех, и к моменту прибытия в Стайлз, группа уже ощущала себя почти семьёй. В доме были подготовлены комнаты, тёплые пледы и горячий ужин. Гастингс помогал всем разместиться, сожалея, что Пуаро с ними нет.

В 9 вечера в палату, где лежали четверо раненых, заходит дежурная медсестра Агата. На ней отглаженный белый халат, волосы аккуратно спрятаны под косынкой, на ногах бесшумные тапочки, а в руках небольшой поднос, на котором стоят три коробочки с вечерними лекарствами. За окнами стихает городской шум, сестра ставит на тумбочки у кроватей коробочки с таблетками, наливает в стаканы воду и идет в следующую палату. Сосед Пуаро слева ничего не получил и ее окликнул:

– Сестра, а где мое лекарство?

Она сверилась со списком в руке.

– Вам доктор сегодня не прописал ничего. Спокойной ночи!

– Экономят лекарства, – недовольно сказал сосед, когда она ушла, – я буду жаловаться.

Почему другим дают, а мне нет? Или я уже безнадежный и на меня не стоит тратить лекарств?

Он мешает Пуаро думать. Приходил прощаться Гастингс и рассказал, что их пригласили в Стайлз, куда они все поедут и ждут его там. Обещала придти Вера. Она завтра уплывает в Россию. Надо попросить костыли.

– Успокойся, – говорит Пуаро, – хочешь мои таблетки?

– Давай.

Сосед выпил его таблетки и замолчал.

Зашла Вера, положила на столик несколько апельсинов.

– Я пришла попрощаться.

– Вы тоскуете по дому, мадам?

Она ответила не сразу

– Я тоскую не по дому. Я тоскую по тому, чего, возможно, никогда не было.

И в этот момент он вдруг почувствовал, что не знает что сказать. Он – рациональный, педантичный, несгибаемый.

– Я приду вас провожать.

Гавань Торки скрыта в утреннем тумане, как будто сама природа не желает отпускать тех, кто отправляется в плавание на восток, навстречу войне и неизвестности.

– Вы уверены, что вам надо уехать, мадам? – Пуаро оперся о костыли и посмотрел на графиню. – Здесь вы в безопасности. А что ждет вас в России – неизвестно.

Она стояла прямо, с тем же достоинством, которое он помнил с их первой встречи в Льеже. Скромная шляпка, дорожный плащ, небольшой саквояж. В её глазах – не страх, а решимость.

– Я должна вернуться, месье Пуаро, – сказала она спокойно. – Там мой брат, он на фронте. Там моя страна. Я – не изгнанница. Я – дочь России. Капитан судна – человек надёжный. Через Финский залив я попаду в Петербург. Оттуда доберусь до своей Калуги.

Она улыбнулась – грустно, но благодарно.

– Спасибо за всё. Вы спасли меня тогда, в Льеже, когда мне казалось, что весь мир рушится. Теперь мне кажется, что он рушится снова – но уже по другую сторону Ла-Манша. И если мне суждено оказаться среди развалин, пусть это будут развалины моего дома, а не чужого.

Она протянула ему руку. Он осторожно взял её в свою, склонил голову – без обычной иронии, по-настоящему.

– Прощайте, графиня. Пусть судьба будет к вам благосклонна.

Она пошла к трапу, и её фигура постепенно растворилась в тумане, как мираж. Лишь тонкий аромат фиалок остался в воздухе.

Пуаро стоял, глядя на серую гладь воды. Позади него кто-то крикнул:

– Последний звонок! Все пассажиры на борт!

Пуаро не пошевелился. Он не любил расставаний. Особенно таких, которые сопровождались предчувствием, что будущей встречи может не быть. Он смотрел туда, где исчезла графиня, и думал: "Иногда, когда величие не видно глазу, оно проявляется в прощании. Mon Dieu... я всегда буду помнить эту женщину."

Глава 12. Американский журналист

В госпитале новый пациент сразу привлёк внимание персонала. Медкарта указывала, что его зовут Эркюль Пуаро, и он ранен в ногу. Его английский был скованным, но точным, с сильным акцентом и склонностью к образным выражениям. Необычным и его внешний вид, и то, как он смотрел – словно каждую мелочь видел под увеличительным стеклом.

– Простите, мадемуазель, но ваш доктор сегодня расстроен, – сказал он сестре, едва та вошла в палату.

– Почему вы так решили? – удивилась она.

– Он поправил манжету дважды. А затем – третий раз, но на другой руке. Это делают мужчины, когда нервничают. И его галстук завязан чуть туже, чем обычно – это видно по покраснению у воротничка. Он получил плохое известие – возможно, с фронта.

Действительно, спустя полчаса все узнали, что его брат попал в плен во Фландрии.

– Сестра, завтра наденьте свежий передник, в госпиталь приедет начальство.

– Откуда вы знаете?

– Старшая медсестра расставляет в палатах цветы.

– Вы все замечаете. Мсье Пуаро, я где-то уронила сережку, вы, наверное, скажете где?

– Поищите под третьей кроватью, вы сильно нагнулись, чтобы забрать спрятанную там бутылку виски и упали.

– Мсье, вы были правы. А что вы скажете обо мне?

– Медицина – не ваша профессия. Вы работаете в госпитале, чтобы помочь фронту. Когда кончится война, вы из госпиталя уйдете. Возможно, станете писательницей.

– Почему вы так решили?

– Вы носите с собой блокнот. Когда вы положили его на мою тумбочку, я заметил обрывки фраз, характеры, диалоги пациентов. Проявляете живой интерес к историям раненых, особенно к необычным случаям и загадкам. Расспрашиваете меня о правилах дедукции. У вас острый ум, склонность к деталям и любовь к загадкам. Но вас тяготит рутина. Медицина не ваша дорога. Пишите, мадемуазель – у вас будет литературный успех.

Именно тогда, в этих скромных стенах военного госпиталя, Агата впервые подумала: а если он прав? Она ещё не знала, что это будет начало. Но в вечернем полумраке, когда она села у столика в коридоре, она достала свой блокнот, её рука дрогнула, и появились первые строчки:

"Маленький бельгиец был невысок – чуть больше пяти футов четырех дюймов, с головой, напоминающей по форме яйцо, которую всегда склонял немного набок, и носил сильно напояженные, имеющие воинственный вид усы. Аккуратность его в одежде была поистине феноменальной. Наверное, пылинки на рукаве причинила бы ему больше огорчения, чем ранение. Я узнала, что этот эксцентричного вида денди небольшого роста, который, к моему огорчению, теперь сильно хромот, в свое время был одним из самых знаменитых работников бельгийской полиции. Его способности детектива были уникальными, он всегда добивался триумфа, раскрывая самые сложные и запутанные преступления...»

В один из дней, когда Агата вошла в палату, Пуаро сказал:

– Сестра, вы не забыли, у меня сейчас назначен рентген? Проводите меня, пожалуйста.

У него не был назначен рентген, и сестра это отлично знала. Она уже хотела возразить, но Пуаро сделал незаметный знак глазами.

Они зашли в ближайшую комнату с надписью «Для медперсонала». В комнате никого не было.

– Извините, сестра, мне просто надо было с вами поговорить наедине. У меня возникло подозрение в отношении одного человека. У окна лежит с раненой левой рукой американский офицер, который всем говорит, что он военный журналист. Может, вы его знаете? Он сказал, что правая рука у него в порядке, и в госпитале можно собирать материал для его газеты.

– И это вызвало ваше подозрение?

– Он все время подсаживается с блокнотом к раненным и берет у них интервью.

– Это его работа!

– Подождите, я краем уха слышал, как он брал интервью. Он спрашивал такие вещи, которые, на мой взгляд, в газетах публиковать нельзя. Его интересовали номера частей, и фамилии

командиров, получили ли они какое-нибудь новое оружие. Он также спрашивал, как настроены союзники Англии, не хотят ли они заключить с Германией сепаратный мир?

– Мсье Пуаро, он военный журналист и сейчас война, вряд ли вы можете о нем судить. Что вы хотите?

– Завтра утром его сосед идет на операцию и потом его, вероятно, отвезут в реанимационное отделение. Переложите меня рядом с ним. Скажете, что мне не хватает воздуха.

Американец сидел на кровати и, придерживая левой забинтованной рукой блокнот, что-то быстро писал. Когда Пуаро занял соседнюю с ним кровать, он спросил:

– Вы тоже с передовой?

– С передовой, – сказал Пуаро, и, показав на его блокнот, добавил, – письмо домой?

– Очередная корреспонденция в мою газету. Я – журналист, меня зовут Бриан Уитни.

Представляете, какая неудача, меня ранили, а газете так нужны свежие новости. Вот я пользуюсь любой возможностью добыть какую-то информацию. А вас где ранили?

– В Бельгии.

– Были большие потери?

– Простите, мистер Уитни, а вы можете показать ваше редакционное удостоверение?

– О, я понимаю, в военное время бдительность, прежде всего, – он протянул красную книжечку.

Пуаро посмотрел книжечку и вернул ее обратно:

– Мистер Уитни, я очень устал, можно я немного посплю? А потом расскажу, все что видел

– Конечно, отдыхайте, а я хочу еще поговорить вон с тем солдатом, интересно, сколько ему лет? На защиту Родины рвутся в бой даже старики! Он встал и пошел по проходу.

Вечером подошла сестра.

– Ваш рентгеновский снимок проявили, и вам нужна консультация хирурга. Возможно у вас аппендицит. Идите за мной.

Они зашли в ту же пустую комнату.

– Какие новости?

– Он стал меня расспрашивать, и я попросил у него удостоверение. Он засмеялся и сказал, что он меня понимает, что сейчас военное время и надо быть особенно бдительными. Показал мне свое удостоверение. Фото и печать в порядке. Название газеты «Фронтовой вестник». Сделаем так. Вы позвоните в редакцию газеты "Фронтовой вестник", сообщите, что их корреспондент Бриан Уитни ранен и лежит в нашем госпитале. И попросите, чтобы кто-нибудь из редакции его навестил. Это только мое предположение, возможно, догадка. Мне известен такой случай: нашего офицера взяли в плен, его документы использовала немецкая разведка. Переклеили фотографию, подделали печать, и вместо него подослали к нам шпиона. Вы сообщите ему, что завтра его навестит сослуживец. Посмотрим, как он на это прореагирует, и что он будет делать.

– Ничего не будет делать.

– А это мы увидим. Если он настоящий журналист, то спокойно дождетсa коллегу. Если это шпион, он, конечно, постарается сбежать.

Узнав о завтрашнем визите коллеги, Уитни шумно обрадовался и попросил нянечку принести из камеры хранения его военную одежду, так как он не хочет встречаться с коллегой в больничном халате. В коридоре Пуаро встретил сестру.

– Он попросил принести его военную одежду. Если он решит бежать, надо ему в этом помочь. Я оставляю на ночь открытое окно, и присмотрю за ним. Если он оденется и пойдет к окну, я нажму кнопку вызова медсестры подряд три раза, и вы немедленно позвоните в охрану. Когда он вылезет из окна, пусть его арестуют.

Наступила ночь. Несмотря на выпитые три чашки кофе, Пуаро клонило ко сну. Сквозь полузакрытые глаза он увидел, что Уитни надевает военную одежду.

– Уитни, – сказал Пуаро сонным голосом, – вы куда-то собрались?

– Я примеряю свой мундир, боюсь, после моего лежания в госпитале он на меня не налезет. Завтра ко мне придет сослуживец. Он, конечно, захочет сделать фотографию для газеты, и я не хотел бы сниматься в больничном халате.

– Да, я тоже, наверное, могу не влезть в свою форму, надо поменьше есть и быстрее сматываться отсюда, – пробормотал Пуаро, натянул повыше одеяло и, повернувшись на другой бок, подал нужный сигнал.

На следующее утро на его кровати поменяли постель, и ее занял новый раненый.

После завтрака Пуаро встретил сестру.

– Сестра, что случилось с нашим подозреваемым?

– Когда он вылез из окна, его сразу задержали двое охранников и привели в караульное помещение. Дежурный офицер велел надеть на него наручники, и спросил, зачем он пытался бежать. «Я хотел вернуться на фронт выполнять свои обязанности. Мне было стыдно лежать в кровати, когда мои коллеги каждый день рискуют жизнью», сказал он.

– И его отпустили?

– Его не отпустили. Днем приехал работник редакции газеты и его разоблачил. Выяснилось, что настоящий журналист попал в плен, и этот тип воспользовался его документами. Да, это оказался шпион, и он во всем признался. Мсье Пуаро, а что с ним сделают, расстреляют?

– Этого я не знаю. Его могут на кого-то обменять. Дальше пусть уже решает командование, а мы с вами, свое дело сделали.

– Мы – громко сказано, это сделали вы, мсье Пуаро. Кстати, завтра вас выписывают, а я приглашаю вас к себе домой, мы отметим наше знакомство, и у меня есть к вам одна личная просьба. Какая, вы узнаете завтра.

Глава 13. Агата Кристи (Историческая справка)

Агату Кристи (1890-1976) на самом деле звали Агата Миллер. Кристи – это фамилия ее первого мужа. Ее родители были состоятельными переселенцами из США. Она была младшей дочерью в семье Миллеров, где кроме нее было еще двое детей: дочь Маргарет Фрэри (1879–1950) и сын Луис Монтан "Монти" (1880–1929). Агата получила хорошее домашнее образование, в частности, музыкальное, и только страх перед сценой помешал ей стать музыкантом.

Когда началась Первая мировая война, Агата Кристи жила с матерью в родительском доме в небольшом приморском городе Торки и, подхваченная всеобщим патриотическим подъемом, записалась в отряд добровольной медицинской помощи Международного Красного Креста, получив работу медсестры в военном госпитале в Торки, куда ежедневно привозили раненых англичан, французов, бельгийцев, голландцев. Агата ухаживала за больными, разносила лекарства. Ей нравилась эта профессия, и она отзывалась о ней как об «одной из самых полезных профессий, которой может заниматься человек». Там же она впервые увидела, как люди умирают.

Затем она попала на работу в аптеку, благодаря чему стала отлично разбираться в ядовитых веществах. Именно там она впервые увидела ровные ряды бутылочек с ядами, что впоследствии наложило отпечаток на её творчество: восемьдесят три преступления в её книгах были совершены посредством отравления, и всякий случай был не похож на предыдущий. Исследователи ее творчества считают, что в токсичных веществах она действительно разбиралась лучше многих специалистов.

В возрасте восемнадцати лет она развлекалась написанием коротких рассказов, а потом на спор с сестрой Маргарет написала в 1916 году первый детективный роман «Загадочное

происшествие в Стайлзе» с ее вымышленном детективом Эркюлем Пуаро. Роман был пять раз отвергнут британскими издателями и только в седьмом по счету издательстве рукопись напечатали тиражом 2000 экземпляров. Начинаящая писательница получила 25 фунтов стерлингов гонорара, на которые купила пишущую машинку и лекарства для матери.

Агата Кристи начала писать детективную прозу, работая медсестрой во время Первой мировой войны и написала впоследствии около 66 детективных романов и 14 сборников рассказов. Ее книги являются одними из самых публикуемых за всю историю человечества, они изданы тиражом свыше 4 миллиардов экземпляров и переведены на более чем 100 языков мира. Даже издав добрую дюжину книг, в официальных документах в графе «род деятельности» Агата Кристи упорно указывала «домохозяйка».

В её честь назван кратер Кристи на Венере.

Глава 14. Ужин у Агаты Кристи

Когда у Агаты закончилась смена, Пуаро взял палку, он уже обходился без костылей, и она повела его по улицам, залитым золотым закатным светом.

– Наш городок, мсье Пуаро, небольшой, но уютный. Центр города – Union Street – главная торговая артерия, оживлённая и нарядная. Она идет параллельно набережной, на которой находятся старинный деревянный пирс. Видите, здесь прогуливаются дамы в модных шляпах и джентльмены с тросточками. Мощёные тротуары, газовые фонари, витрины чайных и книжных лавок, конные экипажи, автомобили и мальчишки-разносчики газет, все, как в большом городе.

– Прогулочные террасы украшены цветниками, пальмами и мраморными вазами. Справа сад Тауэр-Граундс с экзотическими растениями. Есть такие, какие нигде больше в Англии не растут. На возвышенностях расположены особняки с видом на море. Есть у нас и своя достопримечательность: древние карстовые пещеры Кентс-Каверн.

– Агата, вы прекрасно знаете этот город.

– Еще бы, я здесь родилась и провела юность. Видите эту дорогу, мсье Пуаро? Я по ней бегала в детстве босиком, а в саду у нас были качели. Мама выращивала редкие цветы и рассказывала мне придуманные ею сказки. Думаю, именно она привила мне любовь к загадкам. Я была застенчивой девочкой. Любила играть одна и мечтала сначала стать певицей. В двадцать два года вышла замуж за Арчибалда – молодого армейского офицера, лётчика-корнета Королевского корпуса воздушных сил. Мы познакомились на светском вечере у друзей, где Арчи сразу проявил ко мне интерес – он был энергичен, решителен, и мне это понравилось.

Они поднимаются по дорожке к дому на Эшфилд-роуд.

Дом семьи Миллер стоит на возвышенности, укутанный плющом, светится мягким светом ламп, сквозь приоткрытые окна доносится аромат лаванды и соли с моря. Агата отворяет белую калитку, и Пуаро с любопытством осматривает особняк.

– Месье Пуаро, проходите, пожалуйста. Как хорошо, что вы смогли прийти.

Пуаро, всё ещё хромая после ранения, слегка склоняет голову:

– Мадам Кристи, я вам признателен за приглашение.

– Мама на кухне, всё контролирует, сейчас придет, и я уверена – вы её очаруете.

Пуаро входит в гостиную. Всё здесь аккуратно, со вкусом, но без излишеств. На полке – книги, на стене – фотографии и несколько акварелей, нарисованных самой Агатой. В углу – фортепиано. На письменном столе чернильницей и стопка бумаги. Небольшой глобус, подсвечник, стеклянная ваза с букетом роз. На подоконнике – кот, свернувшийся клубком.

Миссис Миллер, мать Агаты, входит с достоинством, в платье с кружевным воротником и тонкой брошью. В её взгляде – строгость викторианской эпохи и светлая доброжелательность:

– Месье Пуаро, рада вас видеть.

– Мадам Миллер, для меня честь – быть здесь. Ваш дом – как островок покоя в этом мире безумия.

– Моя дочь говорит, вы из Бельгии? Какое ужасное время для Европы.

– К сожалению да, мадам. Но благодаря таким добрым людям, как вы, моё пребывание здесь стало менее печальным.

Ужин подан в столовой. На столе – запечённая утка с апельсиновым соусом, жареный картофель с розмарином, тушёная фасоль, яблочный пирог с корицей и сливками. В бокалах – домашний сидр.

Разговор за столом неспешный, но живой. Агата делится историями из госпиталя и расспрашивает о Бельгии.

– Вы, действительно, были сыщиком? – спрашивает миссис Миллер.

– Mais oui, мадам. Я служил в полиции. Теперь я в отставке. Но, увы, война меня догнала. Но les petites cellules grises всё ещё работают.

Агата улыбается:

– Мне кажется, ваш ум никогда не отдыхает. Вы следите даже за тем, как я режу хлеб.

– Ах, мадам! Пуаро замечает – да. Но он не осуждает. Jamais!

– Как вам нравится Англия?

– Я восхищён вашей страной.

– А, может быть, вы останетесь здесь? Англия вам идёт.

Он улыбается тонко, благодарно.

– Я скажу одно, мадам: ваше гостеприимство – это уже причина остаться.

После ужина Агата приглашает гостя в гостиную на чай. Миссис Миллер вскоре откланивается, оставляя их беседовать.

Они садятся у камина из резного мрамора с полкой, на которой стоят фарфоровые собачки и фотография матери Агаты в овальной рамке. Пламя в камине потрескивает, чай сервирован. Пуаро удобно устроился в кресле, аккуратно поправляя манжеты. Агата наливает чай в тонкие чашки. Над камином висят старинные часы, и их тиканье сопровождает разговор.

Агата (улыбаясь):

– Я заметила, вы предпочитаете порядок во всём, мсье Пуаро, и не обижу вас слабым чаем. Мама называет меня "маленькой наблюдательницей". Я подмечаю людей... как они двигаются, что говорят, а что – умалчивают.

Пуаро (сдержанно кивая):

– Наблюдательность – редкий дар, мадам. Особенно если вы ещё и умеете делать из этого выводы. Вы часто размышляете о людях?

Агата (задумчиво):

– Почти всегда. Когда я вижу, как леди оглядывается перед тем, как ответить, или как джентльмен держит чашку – мне уже кажется, что я знаю их тайну.

Пуаро аккуратно размешивает сахар в чайной чашке – два раза по часовой стрелке, один раз против. Всё строго, точно, по привычке.

Агата наблюдает с интересом.

– А вы действительно всё замечаете? Даже мелочи?

– Bien sûr, мадам. В мелочах скрывается истина. Я всегда говорю: чтобы распутать преступление, нужно лишь три вещи – les petites cellules grises, порядок в голове и внимание к мелочам. Большинство людей смотрят, но не видят.

– А вы... как распознаёте, кто говорит правду, а кто нет?

Пуаро отставляет чашку.

– Ах! Это деликатный вопрос. Видите ли, ложь – как пятно на идеально выглаженной скатерти. Она может быть крошечной, но бросается в глаза тому, кто привык к порядку. Лжец не

может удержаться от лишнего слова, жеста, взгляда. Правда пряма и проста. Ложь всегда извивается, как змея. Вы сказали, что у вас ко мне есть личная просьба?

– Да, сейчас я расскажу вам удивительную историю.

Глава 15. Удивительная история

– Это началось, когда моя сестра Мэдж однажды сказала мне: "Ты не сможешь написать хороший детектив". Это меня задело, и я решила попробовать. К тому времени я уже читала много детективов, в том числе Конан Дойла и Гастона Леру, и чувствовала, что могу придумать что-то оригинальное. У меня появилось несколько замыслов, и я завела тетрадь, куда стала записывать свои идеи, а их с каждым днем становилось все больше. Сколько историй было рассказано больными в госпитале, какие только яды мне не показывал аптекарь, когда я стажировалась в нашей аптеке!

Я начала с маленьких рассказов, конечно, это были только пробы пера, но кое-что согласился напечатать у себя журнал «The Sketch». И я совершила ошибку.

В благодарность за публикацию моих рассказов, я согласилась дать им интервью. В частности, они меня расспрашивали о моих дальнейших планах, и я рассказала, что я в уме вынашиваю роман под названием «Человек коричневого костюма» об алмазах в Южной Африке. Вы знаете, какой бум был в конце прошлого века, и сколько махинаций было раскрыто. Я собрала газетные вырезки того времени и решила, что в моем романе некий мошенник, приготовит фальшивые документы о месторождении алмазов в Южной Африке и под это обеспечение выманит у доверчивого директора Лондонского банка солидную ссуду. Это и было написано в интервью.

Я никак не ожидала, что некто, прочитав это интервью, решит воспользоваться моим сюжетом. И, надев коричневый костюм, сделает это весьма успешно. А, получив деньги, скроется, оставив доверчивому директору записку: «Читайте Агату Кристи». Вот такая у меня, с вашего позволения, реклама.

На днях я получила от этого банкира письмо. Полиция не смогла найти человека в коричневом костюме, и банкир требует от меня возместить убыток, основанный на моем интервью, или грозит передать дело в суд.

Мсье Пуаро, как вы думаете, можно ли найти этого афериста и вернуть банку деньги? Я чувствую, что если бы вы взялись за это дело, вы бы его нашли. А я была бы вам очень признательна!

– Поистине, удивительная история, мадам. Какой простор для серых клеточек моего мозга! Какие захватывающие перспективы! Но, в моих ближайших планах сейчас другое: отправиться в имение Стайлз, где разместились группа университетских беженцев из Льежа. Я организовал эту группу и несу ответственность за ее благополучие. Однако, даю вам слово, что при первой же возможности займусь поиском человека в коричневом костюме. Да, конечно, он уже одет по-другому, но мы его будем так называть. При первой же возможности.

– А не успеет он истратить деньги?

– Если он умный человек, он не станет сразу тратить деньги, а временно, пока утихнут страсти, ляжет на дно.

– На дно?

– Это жаргон уголовников. Значит, где-то пристроится в тихом незаметном месте, и скромно проживет какое-то время.

– Конечно, я теперь буду более осторожна в своих интервью, но не откажусь от того, чтобы мои замыслы остались в этой тетради. Знаете... я уже сочиняю роман. Настоящий. С убийством, но где всё держится на логике. Без лондонского тумана, без драматических сцен. Только разум.

Пуаро резко выпрямляется.

– Это именно то, что нужно жанру! Убийства – это грязь. Но разум – *c'est magnifique!* Вы – наблюдательны, вы умеете слушать, а это редкость. У вас будет необычный сыщик?

– Я ещё не решила. Может быть, иностранец? Со странным акцентом... – она многозначительно смотрит на Пуаро.

Он улыбается, прищурившись:

– Мадам Кристи... *faites attention!* Вы рискуете создать персонажа, который будет затмевать даже своего вдохновителя.

– Ну, он, конечно, будет немного тщеславным...

– *Un peu?* Скромность – не добродетель сыщика. Важно лишь то, чтобы он был прав. А если он ещё и элегантен, – он откидывается на спинку кресла, поправляя усы, – тогда преступнику остаётся только признаться и преклонить колени.

Агата смеётся – звонко, от души. За окном шепчет ветер с моря. В этот вечер, среди чая, фраз на французском языке и обсуждений истины и лжи, рождается идея, которая спустя несколько лет приведёт в мир сыщика, чей силуэт станет бессмертен.

Пуаро бережно ставит чашку на блюде и смотрит в окно, где в темноте колышутся ветви жасмина.

– Мадам, поверьте Пуаро: преступления – это лишь декорации. Главное – раскрытие души.

Агата берёт тетрадь со стола – исписанную размашистым почерком, кое-где с вырванными страницами.

– Я всё думаю, как его назвать... моего будущего сыщика.

– *Nom très important*, – серьёзно кивает Пуаро. – Имя – это как ключ к замку. Оно должно говорить всё: характер, манеру, даже походку.

Агата задумывается. Затем медленно, как будто пробует вкус слова:

– Эркюль... Пуаро.

Он вскидывает брови, на мгновение ошеломлён. Затем медленно улыбается, глубоко кланяется в кресле:

– *Mais oui, c'est moi!* Ах, мадам Кристи... вам лучше быть осторожной. Такое имя может однажды затмить даже своего автора.

Агата смеётся, чуть покраснев:

– Если он хоть немного будет на вас похож, я не против.

– Тогда пообещайте мне одно, – с шутилой торжественностью говорит Пуаро. – Никогда не заставляйте его бегать. Пуаро не бегают.

– Обещаю, – смеётся Агата. – Он будет мыслить. И расследовать. Строго по вашим методам. Я вам очень благодарна, вот вам бутерброды в дорогу. Надеюсь, мы ещё встретимся и отпразднуем поимку человека в коричневом костюме.

Где-то вдали гудит пароход, уносящий звуки войны. А в доме на Эшфилд-роуд в Торки рождается идея, которой суждено жить века.

Глава 16. Стайлз

Усадьба Стайлз находится в небольшом отдалении от деревни, утопая в октябрьском золоте. Дубовая аллея ведет к чугунным воротам, которые венчает старинный герб. Для беженцев это было почти сказкой: комнаты с каминами, запах старой древесины и печеных яблок, заботливые руки экономки. Из окон виден сад. В саду растут розы – уже блеклые, но всё ещё упрямо сохраняющие цвет. По утрам слышны удары часов и стрекот швейной машинки.

Таким увидел пристанище беженцев из Льежа только что приехавший Эркюль Пуаро.

– Дорогой Гастингс, я рад вас видеть. Пожалуйста, проводите меня к миссис Кавендиш, я хочу выразить ей свою благодарность за гостеприимство – это первое, что я намерен сделать в

этом оазисе тишины и покоя! А потом встретиться с нашей группой и узнать все новости. Что вы молчите? Что-то случилось?

– Сегодня утром служанка Доррит нашла миссис Кавендиш в постели мертвой. Она не жаловалась на здоровье, уже вызвали полицию.

– Какое несчастье. Нет мира под оливами, могу я поговорить с Доррит?

Служанка Доррит, вытирая слезы, рассказала, что в семь утра, поднялась на второй этаж, неся на подносе утренний чай для хозяйки. Она постучала дважды, как всегда. Ответа не было. Тогда она приоткрыла дверь и тихо сказала: «Ваш утренний чай, мэм». Миссис Кавендиш лежала в кровати, откинувшись назад, с искажённым лицом. Под глазами – синеватые тени. Руки напряжены. Рот приоткрыт, словно в последнем судорожном вдохе. Доррит бросилась к двери, подолом платья задев тумбочку, и с лестницы её голос, обычно тихий и сдержанный, разнёсся по дому: «Мистер Джон! Мистер Альфред! Скорее! С ней... с ней что-то страшное!»

– Гастингс, а кто такие Джон и Альфред?

– Приемный сын миссис Кавендиш и ее муж.

– Они тоже живут здесь?

– Да, Джон – юрист, ведет судебные дела, а Альфред моложе миссис Кавендиш на двадцать лет. Поговаривают, что он женился на ней ради денег. Кстати, я слышал, как они недавно ссорились, слуги считают, что он поглядывает на ее молодую компаньонку Эвелин.

– И что, эти двое являются ее единственными наследниками?

– О других я не слышал.

– Понятно. Пока полиции нет, давайте зайдем в ее спальню.

Комната была просторной, с тяжёлыми шторами и старинной мебелью. Постель с балдахинном казалась ещё более мрачной на фоне утреннего полумрака. На ней – тело покойницы. Лицо искажено последней агонией, глаза чуть приоткрыты. Пуаро подошёл ближе, склонился, понюхал воздух у её губ.

– Запах... очень характерный. Да, я это уже предполагал, – пробормотал он себе под нос.

Он выпрямился, прошёлся по комнате, ни к чему не прикасаясь. Его взгляд скользнул по чашке, стоящей на тумбочке – пустой, но с крошечной коричневой полоской кофе по краю. Рядом бутылочка с настойкой валерианы.

– Кто-то хотел, чтобы это выглядело как сердечный приступ. Но яд – он всегда оставляет след. Мисс Доррит, вы приносили вечером кофе хозяйке?

– Нет, меня остановил на лестнице мистер Альфред и сказал, что он сам.

– И больше вы хозяйку не видели?

– Она захотела, чтобы я переночевать в ее комнате и утром попросила чай. Пока я грела чай и жарила тосты... Дальше вы знаете.

– Хорошо, вы свободны.

– Пуаро, вы уверены, что это отравление? И это сделал ее муж? Но кофе она выпила вечером, а умерла утром.

– Гастингс, вы знаете первое правило расследования: прежде всего надо узнать, кому выгодна эта смерть. На первом месте – молодой муж. Да, я подозреваю, что он бросил в кофе яд. Почему она была жива всю ночь – эту загадку нам поможет разрешить доктор Поль Мартен. Кстати, чем он занимается?

– Он открыл медпункт.

– Это нам поможет. Здесь нам делать больше нечего.

Поль Мартен выдавал лекарство очередному пациенту. Они пожали друг другу руки.

– Дорогой Поль, помогите нам разгадать маленькую загадку. Вы уже знаете о смерти миссис Кавендиш.

– Я вызвал скорую помощь.

– Ваше предположение?

- Сердечная атака. В последнее время она была вне себя.
- Вы храните вашей аптечке яды?
- Да, они иногда помогают.
- И вы выписали миссис Кавендиш стрихнин?
- С чего вы взяли?
- С запаха ее губ.

Поль Мартен бросился к своей аптечке.

– У меня пропали две таблетки стрихнина! Это смертельная доза. Но моя аптечка все время под замком.

- Ключ легко подделать. Поль, а можно на время задержать действие стрихнина?
- Да, такими лекарствами, как, например, бромид или валериана.
- Спасибо. Вы нам очень помогли.

Приехала полиция и скорая помощь. Гастингс познакомил Пуаро со своим старым приятелем инспектором полиции из Скотланд-Ярда, Джеппом. Это был плотного телосложения, мужчина лет сорока пяти, с квадратным лицом, тёмными, тщательно причёсанными волосами и суровым взглядом. Его усы были аккуратно подстрижены, но значительно менее эффектны, чем у Пуаро. Он носил хорошо сшитый твидовый пиджак и неизменно туго затянутый галстук, придававший ему деловитый, почти военный вид.

Манера его говорить была резкой, лишённой лишних слов. Когда Пуаро поделился с ним результатами своего расследования, он сказал:

– Ваше предположение весьма занятно, я его изучу со всем вниманием. Хотя, это, скорее всего, инфаркт. А у мистера Альфреда на всякий случай возьму подписку о не выезде.

Когда полиция уехала и скорая помощь увезла тело покойницы, Пуаро собрал все группу. Многие уже нашли себе место в новой жизни.

Профессор математики Жюль Бейль получил работу в Лондоне и уехал с женой.

Доктор Поль Мартен решил остаться в Стайлзе, где организовал медпункт

Миссис Эллис Ламбрехт обратилась за назначением в библиотечную ассоциацию и ждет вызова, а ее племянница Эдна открыла детский сад.

Аббат Жан-Батист Лорен построил часовню и обеспечивает ритуальные услуги, его жена открыла школу для беженцев.

Экономка взяла на себя обеспечение группы.

Все при деле.

Когда закончился это тяжелый день, Пуаро позвал Гастингса в парк и во время прогулки рассказал о просьбе Агаты Кристи.

– Дорогой Гастингс, вы раньше предлагали мне свое гостеприимство в Лондоне, сейчас пришло время им воспользоваться.

– Да, я и сам подумываю о Лондоне и уже почти договорился с аббатом Лореном, он возьмет на себя руководство этой маленькой коммуной. Хорошо, пару дней на сборы и в путь!

Глава 17. Лондон, Октябрь 1914 года

Лондон встретил Гастингса и Пуаро тревожной тишиной. Это был уже не тот город, который знал Гастингс – привычный, сдержанно деловитый, уверенный в себе. С началом войны он изменился: за внешним спокойствием ощущалось напряжение, тревога витала в воздухе, как предчувствие грозы. Но, не смотря на тревогу, город не терял достоинства. Люди продолжали работать, магазины открывались, газеты выходили. Это была нация, идущая на войну сдержанно, решительно, без паники.

Для Гастингса, уроженца Лондона, перемены были разительными. Он заметил, как по улицам всё чаще стали проходить вереницы солдат – в новой, ещё чистой и не видавшей боя

форме. Повсюду висели плакаты с призывами записываться в армию и поддерживать фронт. Женщины в чёрных платьях и с повязками на рукавах раздавали листовки и агитировали в пользу "Короля и страны". Даже звук – родной, привычный гул Лондона – стал другим: приглушённым, насторожённым. Многие уехали на фронт, и город казался чуть менее многолюдным.

– Что за странный город, он как леди, которая улыбается, но глаза её полны тревоги, – заметил Пуаро, глядя в лица прохожих.

Когда они прибыли в квартиру Гастингса, Пуаро, скинув пальто, подошёл к окну и некоторое время, молча, смотрел на улицу.

– Так вот он какой, ваш Лондон. Il est grave, mais courageux.

– Он переживёт всё, Пуаро. Это Лондон, – ответил Гастингс с лёгкой улыбкой.

И оба замолчали, прислушиваясь к звукам за окном, где проезжали экипажи, звонили колокольчики газетчиков и, как ни странно, пели соловьи.

Капитан Гастингс жил в доме с белыми колоннами, где большинство жильцов были отставные военные, преподаватели и скромные вдовы. Его квартира была на втором этаже и состояла из гостиной, спальни Гастингса, небольшой столовой, кухни и свободной комнаты, которую он с готовностью предложил своему новому другу Эркюлю Пуаро.

– Я – холостяк и буду рад соседу, одному жить тоскливо. Тем более вам, уж вы-то не дадите скучать! Родителей моих уже нет, а я комиссован по ранению. Вот ваша комната. А гостиная у нас общая.

– Гастингс, я охотно принимаю ваше предложение. Но я – человек привычки. Люблю, чтобы всё лежало на своих местах, кофе подавалось ровно в 8:00, пыль не копилась даже в воображении.

Комната, отведенная Пуаро, была обставлена без особых изысков: тяжёлые бордовые портьеры, письменный стол с массивным креслом, книжный шкаф с приключенческими романами и альбомами по военной истории. На стенах висели картины с изображением лошадей и сцен охоты. Всё напоминало о его армейском прошлом и приверженности английским традициям.

Обстановку дополняла простая кровать, зеркало и комод.

Однако уже через пару дней бельгийский сыщик преобразил её до неузнаваемости. На комод выстроились в идеальном порядке флаконы с лосьонами и одеколонами – исключительно с ароматом вербены. Рядом – щётки, аккуратно вычищенные и уложенные по размеру. Пуаро заменил обычное покрывало на кровати на новое – серое, с едва заметным рисунком в ромб. На письменном столе появились линейка, чернильница, аккуратно подточенные карандаши, и блокнот с тиснёной монограммой «Н.Р.». Ещё одна примета обитания Пуаро – безупречно выровненные туфли у кровати и комнатные тапочки, поставленные параллельно, словно под линейку.

– Mon ami, – сказал он Гастингсу, довольно оглядываясь, – теперь, когда здесь царит порядок, достойный логического мышления, я смогу работать с полной концентрацией.

Гастингс, наблюдая за этой трансформацией, не мог сдержать улыбку. Его квартира обрела новую строгость и блеск, а свободная комната – характер, соответствующий своему новому обитателю.

– Пуаро, нас будет обслуживать миссис Бэнтри, я думаю, английская еда не будет сильно отличаться от вашей бельгийской. И моей военной пенсии хватит на двоих. Я пока не решил, чем буду заниматься, а что планируете вы?

– Я не претендую на вашу пенсию, вы ее заслужили, сами ее и тратьте. Мне назначили пособие, и я прошу держать меня в курсе ваших расходов, чтобы я мог внести свою половину. Прежде всего, мы займемся делом Юго-Западного банка. Я сказал «мы», так как надеюсь, вы мне поможет.

– Конечно, помогу, можете на меня рассчитывать. Пуаро, хотите совет?

Прежде всего, мы должны легализоваться. Предлагаю зарегистрировать частное сыскное агентство. Мы получим удостоверения и сделаем визитные карточки.

– Если без этого нельзя, регистрируйте. Назовите его «Последняя надежда».

В этом названии есть поэзия и трагедия. Как будто мы – последние рыцари логики в мире, где всё рушится. Гастингс, а что пишут об этом деле Лондонские газеты?

– Сейчас посмотрим. «Африканские алмазы и лондонская наивность», это «The London Gazette». Послушайте.

«В деловых кругах Лондона не утихает обсуждение аферы, разразившейся вокруг таинственного алмазного месторождения в Южной Африке. Один из солидных столичных банков, имя, которого не раскрывается, выдал многотысячную ссуду под залог прав на рудник, который, как, оказалось, существует лишь на бумаге.

Документация, предоставленная заёмщиком, включала детальные отчёты геологов, рекомендательные письма якобы от торговых палат Кейптауна и заверенные копии контрактов с южноафриканскими партнёрами. Бумаги были оформлены безупречно, и их внешняя убедительность не вызвала подозрений у банковских юристов. Однако, спустя считанные недели, выяснилось, что подписи и печати – фальсифицированы, компания – фиктивная, а адреса – подставные.

В то время как простые граждане едва сводят концы с концами, международные мошенники с лёгкостью разыгрывают спектакли, где вместо актёров – эксперты, дипломаты и доверчивые банкиры. Редакция продолжит следить за развитием событий.

Сотрудник Скотланд-Ярда, пожелавший остаться неназванным, признал, что “дело было подготовлено с редким изяществом – если бы этот человек занялся делом легальным, он мог бы управлять любым банком.”

Интересно, что афера не вызвала паники на рынке, однако породила волну язвительных писем в редакции.

Один из читателей, подписавшийся «Разорённый вкладчик», пишет: «Если джентльмен с улицы может обвести вокруг пальца опытных финансистов, то, может, пора и нам начинать продавать "Рудник золота на Луне»?

Ещё один читатель иронизирует: «Видно, алмазы в Африке добываются легче, чем здравый смысл в Лондоне».

Анонимный сотрудник одного из банков прокомментировал для нашей газеты: «Все мы, так или иначе, были когда-то очарованы колониальными легендами о несметных богатствах. Но теперь, похоже, нам стоит больше верить в цифры, чем в рассказы».

Дело продолжает оставаться без ясной развязки. А лондонские банки – под пристальным вниманием, как клиентов, так и мошенников.»

Утром на улице было серо и сыро, как это умеет быть только в Лондоне. Когда часы пробили восемь, Гастингс надел халат, завязал пояс – с военной точностью – и вышел на кухню. Запах кофе уже витал в воздухе. А Пуаро встал на полчаса раньше и тщательно протирал свои лакированные ботинки. Гастингс поставил тосты, налил себе чашку кофе и развернул «The Daily Mail».

Вошёл Пуаро – в костюме, словно готовился к визиту к королю. Сел за стол, выровнял салфетку и аккуратно разрезал тост.

– А что пишут сегодня?

– Опять написали, что вчерашний туман, – "самый густой за столетие". Они так пишут каждую неделю! Вы погуляйте в окрестностях, а я займусь регистрацией.

К обеду Гастингс вернулся.

– Пуаро, я зарегистрировал наше агентство. Вот удостоверения и визитные карточки. И я дал объявление в газету “The Daily Telegraph”

«ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА»

Частное сыскное агентство. Конфиденциальные расследования в Англии и за рубежом. Исчезновения, шантаж, семейные тайны, наследственные дела, политические инциденты. Работаем быстро, точно и без огласки.

Наши клиенты – политики, дипломаты, промышленники и частные лица.

Когда всё потеряно – остаётся «Последняя Надежд».
Обращаться по адресу: Уайтхевен Мэнсонс 5, Мэйфэр, Лондон.»

Глава 18. Дело о южных алмазах

На следующее утро член новоиспеченного сыскного агентства «Последняя надежда» Эркюль Пуаро пришел в Юго-западный банк и попросил аудиенцию у его директора, сэра Дейла Армстронга.

Он положил на стол свое удостоверение и визитную карточку.

– Мистер Армстронг, я пришел по просьбе известной вам особы Агаты Кристи с целью розыска мошенника, обобравшего ваш банк и возврата банку выданной ему ссуды. Прошу вас ввести меня в курс дела.

Секретарь принесла поднос с кофейником и печеньем, и директор банка, вздохнув, начал свой недолгий рассказ.

– Мы попались на удочку вымышленного президента компании «Южные алмазы», которая якобы нашла большое месторождение в Африке. Наш банк выдал ему ссуду в сумме 250 тысяч фунтов стерлингов. Позднее я отправил нашего представителя в Африку, чтобы выяснить возможность дальнейших инвестиций. Он добрался до места, оказалось, что там ничего нет – ни алмазов, ни самого месторождения. Всё это оказалось мошенничеством, компания оказалась фиктивной, а делец исчез. Готов ответить на ваши вопросы.

– Тогда начнем сначала. Почему этот человек вызвал у вас доверие?

– Я посетил его офис «Южные алмазы». Офис находился в центре города в большом старинном здании. На меня произвело впечатление, что в красиво обставленной приемной было много посетителей.

– Много посетителей еще ни о чем не говорит, – заметил Пуаро, – мне известен случай, когда владелец убыточного кафе, выставив его на продажу, пригласил сесть за столики своих родственников и знакомых, чтобы создать для покупателей видимость успешного бизнеса. Продолжайте.

– Меня пригласили вне очереди и проводили к президенту, где он я был приветливо встречен. Президентом оказался человек лет двадцать пяти-тридцати.

– Сэм Брэдли, – представился президент, – рад вас видеть, зовите меня просто Сэм. Я уверен, что сотрудничество моей компании и вашего банка будет взаимно выгодным и приятным.

Сначала, как принято, мы поговорили о посторонних вещах. Обсудили последний футбольный матч и шансы местной команды. Во время разговора я незаметно осмотрел комнату. Она была обставлена совсем новой мебелью, стены были увешаны большими фотографиями прииска.

– Фотографии прииска могли быть взяты из журнала «National Geographic», – заметил Пуаро.

– Наш разговор часто прерывали телефонные звонки, во время которых он давал указания подрядчикам и субподрядчикам. Это тоже произвело на меня впечатление.

– И звонки могли быть заранее подстроеными.

– Наше обеспечение, – сказал Сэм, – прииск «Южные алмазы». Этот прииск оценивается в 5 миллионов фунтов стерлингов, а мы просим всего 500 тысяч. Он представил геологические

отчёты, лицензию и подтверждения от местных чиновников. Все документы и доказательства казались подлинными, стоимость месторождения была внушительной, и я согласился.

– Когда вы узнали, что это афера, вы обратились в офис его компании?

– Конечно, но его офис исчез, владелец дома сказал, что они переехали.

– Вы с мистером Бредли поддерживали связь?

– М-м-м... нет.

– Мистер Армстронг, не надо ничего скрывать, ведь вы хотите, чтобы мы нашли вора?

Любая информация, полученная от вас, останется в этом кабинете.

– Ладно. Сразу после заключения сделки, он пригласил меня к себе в отель «Грейт Уэстерн», что недалеко от Паддингтонского вокзала, отметить наше знакомство. Мы ужинали в ресторане отеля, столы были покрыты крахмальными белыми скатертями. На столах – китайский фарфор с кобальтовым кантом, тяжелые серебряные приборы, и вазы с гвоздиками. Скрипка и виолончель играли лёгкие вальсы, слышался звон бокалов и негромкие беседы. Сэм Бредли, теперь я не уверен, что это его настоящая фамилия, заказал французский коньяк «Мартель». Слуги меняли закуски, а он сообщил, что в ближайшее время планирует поехать в Африку и предложил взять с собой представителя банка.

– Вы ужинали вдвоем?

– М-м-м... да.

– Мистер Армстронг, мы же договорились...

– Были еще две красивые девушки из театра «Ветряная мельница», которые с нами остались на ночь. Только очень вас прошу, если узнает моя жена...

– Когда он исчез, вы снова посетили этот отель?

– Да. Но его уже не было, а метрдотелю он сообщил, что уехал в Африку.

– Вы обращались в полицию?

– Да. Я назначил вознаграждение. Они его ищут. Расследование ведет старший инспектор Джепп.

– Мистер Армстронг, я берусь за это дело. У вас есть его фотография? Нет? Жаль, это бы облегчило расследование. Образцы его почерка? Какие-то предметы, где могут быть его отпечатки пальцев? Поищите. Опишите внешность этого Бредли, и дайте мне адрес его офиса.

– Спасибо мсье Пуаро, если вам улыбнется удача, за гонораром я не постою.

Когда Пуаро вернулся, он у зеркала поправил галстук, выровнял манжеты и причесал усы. Потом переставил симметрично все предметы на столе, достал щетку и навел блеск на штифлеты. И попросил у хозяйки чашку какао, которое, как он считает, будет спящие серые клеточки его мозга.

– Гастингс, перестаньте курить, вы испортите здоровье. Заведите папку «Дело о Южных алмазах» и достаньте, пожалуйста, «Британику» на букву “S”. Посмотрим, что там пишут о добыче алмазов в Южной Африке.

Так, значительную часть мировой добычи алмазов контролирует компания De Beers Consolidated Mines. Наш приятель Сэм Бредли решил объявить им конкуренцию. Вы, наверное, знаете, что там творилось во время алмазной лихорадки. Фермеры, крестьяне, авантюристы, искатели со всего света направились в Африку. Тысячи старателей с кирками и лопатами трудились, не взирая на жару. Доходило до того, что люди просеивали землю на чужих участках ночью – их называли "ночными кошками". Да, добыча алмазов многих сделала богачами, ведь алмазы используются не только для украшений, они незаменимы в технике. Не удивительно, что наш уважаемый мистер Армстронг заболел «алмазной лихорадкой».

– Теперь подытожим услышанное. Почему банкир доверился самозванцу? Прекрасно обставленный офис. Много посетителей. Постоянные звонки по телефону. Фотографии прииска. Официальные документы. Если бы мистер Армстронг не отправил своего представителя в Африку, проходимец мог спокойно пользоваться деньгами. Но он не глуп и понимал, что эта

афера долго не проживет. Перед нами, Гастингс умный и опытный мошенник, который любит коньяк «Мартель». Конечно, он с чемоданом денег уже покинул Лондон.

– Пуаро, если он уехал в Африку, как мы его там найдем?

– Гастингс, зачем человеку с 500 тысячами фунтов ехать в Африку? Скорее всего, он уедет в США, где легко скрыться. Или временно «ляжет на дно». Сделаем так. Я возьму на себя два объекта: отель «Грейт Уэстерн» и Паддингтонский вокзал, с которого он, возможно, уехал. А вы посетите место, где был офис вымышленной компании «Южные алмазы». Поговорите с владельцем дома, соседями.

Завтра с утра за работу.

Глава 19. Пассажир второго купе

Утром Пуаро нашел отель «Грейт Уэстерн», где снимал номер мошенник, называвший себя Сэмом Брэдли.

Не зря он выбрал отель у Паддингтонского вокзала. Поезда уходят каждый час, и есть превосходная возможность мгновенно исчезнуть. Что он и сделал.

В вестибюле шаги приглушаются толстым персидским ковром, расстеленным по тёмному дубовому паркету. Высокий потолок, украшен лепниной и массивными бронзовыми люстрами, в которых дрожит электрический свет – новое, но уже не редкое явление. Между колонн из розового мрамора стоят глубокие кресла с бархатной обивкой и резными ножками. Пахнет воском, полированным деревом, табаком и чуть уловимыми духами приезжих дам.

В углу журчит миниатюрный фонтан, над которым пальма в кадке, привезённая из Индии. За стойкой администратора джентльмен в сюртуке, с тонкими усами, в белоснежной рубашке с крахмальным воротничком. Он почтительно кивает, как будто знает каждого постояльца с детства.

По ковровой дорожке проходят носильщики в униформе бордового цвета с позолоченными пуговицами. Они вежливо несут чемоданы, словно драгоценности, – даже если это потертые дорожные сумки. Часы с боем над камином в гостиной зале отмечают каждый час звучным звоном.

Неплохое место выбрал мошенник, чтобы произвести впечатление.

Пуаро показал свое удостоверение.

– Нас интересует остановившийся в вашем отеле мистер Сэм Брэдли.

Администратор открыл книгу гостей.

– Мистер Сэм Брэдли снимал на втором этаже номер люкс 213, но его уже нет. Вчера он уехал.

– Как зовут горничную обслуживающую этот номер?

– Мисс Ами.

– Мы должны с ней побеседовать, попросите ее спуститься.

Беседа с мисс Ами происходила в подсобном помещении. Когда ее попросили рассказать, что она знает и помнит о мистере Брэдли, она сказала, что ничего, но после вручения ей софера, ее память проснулась.

– Он жил всего месяц. Сказал, что у него дела в Африке и уехал.

– А когда это случилось?

– Вчера вечером он вдруг вышел с вещами.

– В какое время?

– В полседьмого, как раз колокол позвал на всенощную. Сказал, что очень спешит и щедро расплатился.

– У него были с собой вещи? Как он был одет?

– В тёмном пальто с бархатным воротником, коричневый чемодан и зонтик.

- Он вам что-нибудь рассказывал о себе?
- Да, что он директор компании «Южные алмазы» и даже показал алмаз с его прииска.

Богатый человек.

- К нему кто-нибудь приходил?
- Нет, не приходил.
- Можно посмотреть квартиру, которую он снимал? – Пуаро достал еще полсоверена.
- Там живут уже другие, но новых жильцов нет дома, пойдемте, я вам покажу.

Пуаро осмотрел квартиру. Удалось снять несколько отпечатков пальцев. На вокзале он узнал, что в тот день в семь тридцать вечера ушел ночной поезд Лондон-Плимут.

На этом поезде и сбежал наш знакомый, подумал Пуаро, надо разыскать проводников и возможно что-нибудь прояснится. Конечно, он устроился в купе первого класса и спокойно попивал свой французский коньяк, посмеиваясь над незадачливым директором банка.

Насчет купе первого класса Пуаро угадал, но удача улыбнулась ему только в шестом вагоне.

– Извините меня, сэр, не согласитесь ли ответить на несколько вопросов? – обратился Пуаро к очередному проводнику, протиравшему окна вагона.

Он достал из кармана маленький кожаный кошелек и извлек полкроны, изящно держа её двумя пальцами.

– Не заметили ли вы, случайно, пассажира в темном пальто с бархатным воротником с коричневым чемоданом и зонтиком.

– Случайно заметил, он ехал один во втором купе.

– И чем он вам запомнился?

– Очень вежливый молодой человек и при деньгах. Когда я принес чай, на столике лежала жареная курица и стояла бутылка коньяка «Мартель». Он налил мне рюмку и сказал:

– Пейте коньяк «Мартель», он помогает расслабиться, улучшает настроение и действует благотворно на нервы!

– Что-нибудь еще?

– Когда он собрался выходить, оставалось полбутылки, и я думал, он оставит ее мне, нет, он ее плотно закупорил и положил в карман.

– Ваша наблюдательность делает вам честь, сэр! – Пуаро достал еще полсоверена.

– Вы запомнили, где он вышел?

– Он вышел на маленькой станции, дай Бог память, Сент-Мэри-Мид. Небольшая деревня. Что ему там делать, подумал я. Решил там летом отдохнуть?

– Может быть, кто-то его встретил?

– Да там стояла двуколка, и к нему подошел какой-то мужик.

– И больше вы его не видели?

– Не видел.

– Большое спасибо сэр, – Пуаро протянул проводнику еще полсоверена, – вы мне очень помогли.

За вечерним чаем Пуаро рассказал о своих похождениях.

– Гастингс, что вы поняли из рассказа проводника?

– Что проводник любитель выпить и подшофе мог увидеть и то, чего не было. Особенно, когда увидел вторые полсоверена.

– А я другого мнения. У него превосходная наблюдательность. В маленькой деревушке найти только что приехавшего будет не трудно, не так часто там появляются новые люди. Скорее всего, это тот, кто одолжил 500 тысяч у доверчивого мистера Армстронга. Я уверен, мы его

найдем. А вы побывали в доме, где находился офис «Южных алмазов»? Узнали что-то новенькое?

– То же, что рассказал мистер Армстронг. Через пару дней съемщик сказал хозяину дома, что нашел лучшее место и все увезли. Он дал хозяину новый адрес, куда переправлять почту.

– Превосходно! Вы там побывали, и это оказалась сапожная мастерская?

– Нет, швейное ателье.

– Спасибо, Гастингс, все, что вы узнали, пригодится. Давайте ляжем пораньше, первый утренний поезд с Паддингтоского вокзала отходит в 7:30 и днем мы будем в Сент-Мэри-Мид.

Глава 20. Новый викарий

Дождь закончился, поезд ушёл, оставив за собой стук колес и запах угля в сыром воздухе. На платформе к приезжему подошёл пожилой мужчина с длинным шарфом и посохом в руке.

– Простите, сэр, вы, должно быть, новый викарий? – спросил он, слегка наклоняя голову.

– Насколько я знаю, вы должны были прибыть сегодня. Я – церковный староста.

Приезжий слегка поклонился и протянул письмо с направлением.

– Совершенно верно, сэр. Прибыл, как было велено.

Староста взглянул сквозь очки на его направление и кивнул.

– Благодарим Господа, что вы здесь. Церковь стоит без службы уже три недели. Старый викарий слёг с воспалением лёгких и уехал к родне. Всё теперь на вас. Вот ключи: этот от церкви, этот от вашего дома.

И, прихрамывая, повёл нового викария по узкой тропинке вглубь деревни.

– У нас не всё просто, – говорил он по пути. – Много бедности, фермеры ропщут, молодёжь бежит в город. Но люди верующие, добрые. Вы уж постарайтесь найти с ними общий язык. Они у нас простые, откровенные.

За изгибом дороги показалась старая церковь – каменная, с готическими окнами, увитая плющом. У крыльца лежали цветы – кто-то приносил их всё это время.

– Вот ваш храм, викарий, – сказал старик. – Добро пожаловать в Сент-Мэри-Мид.

В воскресенье под звуки церковного колокола начали стекаться прихожане: кто с корзинкой яиц, кто с тростью, кто в латаном пальто, кто с девочкой на руках. Деревня жила своим размеренным дыханием, и появление нового викария было не столько событием, сколько необходимостью – как воскресный хлеб. Новый викарий стоял в закутке ризницы, умывшись холодной водой из старого кувшина, и смотрел на своё отражение в потускневшем зеркале. Он поправил воротник сутаны, взял в руки книгу проповедей со страницами, исписанными его предшественником, и вышел к людям.

Церковь была полна: скамьи скрипели, дети шумели, пожилые кивали друг другу. На передней скамье сидела вдова Томпсон, которая, как он уже знал, потеряла сына в прошлом году. У двери стоял старик, по слухам – бывший солдат. Несколько молодых девушек в простых платьях сидели с опущенными глазами.

Он поднялся на деревянную кафедру, кашлянул, и открыл молитвенник. Голос его поначалу был сухим, осторожным, но с каждой фразой он будто входил в образ – уверенный, мягкий, безупречно воспитанный молодой викарий, посланный богом именно этим людям.

– И сказал он: «Приходите ко Мне все утруждающиеся и обременённые, и я успокою вас»...

Он перевёл взгляд по рядам.

– Эти слова, друзья мои, мы слышали сотни раз. Но разве мы их слышали на самом деле? Мы – люди простые. У нас болит спина после поля, сердце – от одиночества. А тут – зов. Утешение. Без условий. Без цен.

Голос его звучал искренне. Возможно, потому что он и в правду умел чувствовать слова. Когда служба закончилась, к нему подходили – робко, по-деревенски. Кто-то пожал руку, кто-то попросил помолиться за брата, кто-то просто сказал: «Спасибо вам, сэр».

По окончании службы он подмёл ступени церкви, разжёл очаг в своем доме и сел за книгу. Он ещё не до конца разобрался в церковной бухгалтерии и не знал, что именно принято здесь.

К полудню к калитке подошла миссис Вуд – вдова с внучкой. Принесла корзину с хлебом, немного ветчины и кувшин молока.

– Мы всегда носили это прежнему викарию. Ещё дрова будут вечером, мой сын привезёт.

Он поблагодарил, и она ушла так же спокойно, как пришла. Потом принесли корзину с яблоками, два десятка яиц и баночку варенья. Староста прихода объяснил:

– Тут у нас не жалованье, а по совести. Кто сколько может. А по воскресеньям – кто в кружку, кто в руку. На нужды церкви – и вам. Народ у нас не скупой, кто что может.

Через пару дней к калитке подошли три девушки – с корзинками, как бы случайно. Смеялись, щебетали, спросили, не нужно ли что поправить в саду. Одна – с яркой лентой в волосах оставалась дольше всех и заметно смущалась.

Он понял: его заметили. На вечерней прогулке с псалтырём под мышкой он слышал, как за его спиной перешёптываются:

– Глаза какие... и голос мягкий.

– А что, если он уже обручён?

Тонкий, вырванный из тетради листок лежал утром на камне у калитки.

«Уважаемый викарий, мне тяжело на сердце. Могу ли я прийти к вам посоветоваться? Ваша прихожанка Элси Гарднер».

Он уже знал Элси – дочь местного плотника, восемнадцатилетнюю девушку с тёмными глазами и длинной косой. Несколько раз она приходила на службы, всегда с матерью, но теперь – одна.

Она пришла в светлом платье, с косой через плечо и корзинкой, в которой оказался пирог с крыжовником.

– Я подумала, вдруг вы не поужинали.

Сели на скамью у стены, под вьющимся плющом. Она говорила тихо, с долгими паузами – сначала о Боге, о сомнениях, потом о несправедливости в деревне, потом о своей жизни.

– Иногда я думаю, что душа моя будто заперта, как птичка. А вы, сэр, умеете говорить так, что хочется ее выпустить наружу.

Он слушал. Отвечал осторожно. Через пару дней она пришла снова. Уже без корзинки, но с вышивкой в руках.

– Мама сказала, вы, наверное, скучаете один. Я могу иногда вышивать тут. Только если не мешаю.

Она сидела в углу комнаты, молчала, шевеля иглой. Потом вдруг спросила:

– А у вас была когда-нибудь... любовь?

Он сделал вид, что не расслышал.

– Простите... Я не должна была спрашивать. Просто... Мне с вами спокойно. Наверное, потому что вы – человек Божий.

Он не ответил. Впервые за долгое время, он не почувствовал желания воспользоваться ситуацией. Только тревогу. И странное тепло, которое не имело ничего общего с его прежней жизнью.

Через несколько дней он объявил, что получил письмо из городской епархии: прибыть на двухдневное совещание. Он запер церковь и свой дом, отдал ключи церковному старосте и прикрепил объявление: «Вернусь через два дня».

Но он не вернулся.

Глава 21. Мисс Марпл находит клад

Утренний поезд с тихим шипением затормозил у маленькой станции Сент-Мэри-Мид и Пуаро с Гастингсом вышли на перрон. Станция почти пуста. Только выкладывает письма в плетёную сумку почтальон в форменной фуражке. Они ему сообщили, что приехали отдохнуть и спросили, где гостиница. Он привел их к двухэтажному зданию с белыми стенами и крышей из красной черепицы. Неподалёку церковь и деревенский парк. Над входом красуется нарисованная вручную вывеска с названием «Inn The Red Fox». Внутри – прохладно, пахнет полированным деревом, камином и немного – элем. Пол чуть скрипит под ногами, ковры в цветочек, потёртые, но чистые. В холле – стойка с бронзовым колокольчиком и гостевая книга. Гостиная с низким балочным потолком, кресла у камина, книжные полки, шахматы.

Их комната наверху. Две кровати с латунными изголовьями, кувшин с водой и таз на столике, кружевные занавески. Умывальник – в коридоре. Обслуживают хозяева – приветливая супружеская пара, всё делают сами. Атмосфера – тёплая, спокойная, с лёгким налётом викторианской строгости, но путешественник чувствует себя желанным гостем.

– Гастингс, я начинаю симпатизировать этой деревне. Мы тут отлично отдохнем!

После завтрака они выходят погулять в парк.

– Гастингс, надо с кем-нибудь познакомиться, вон женщина сидит на скамейке с вязанием. Подойдем? Доброе утро, мадам, прекрасная погода, не правда ли? Разрешите представиться: Эркюль Пуаро и Артур Гастингс. Приехали к вам отдохнуть. А вы тоже здесь отдыхаете?

– Нет, я здесь живу. Меня зовут мисс Марпл. Чем могу быть полезна?

– А мы ищем человека, тоже приехавшего сюда поездом Лондон-Плимут. В деревне недавно появились незнакомые люди?

– Я постараюсь узнать, что смогу и вечером приходите пить зеленый чай с ванильным печеньем.

За вечерним чаем мисс Марпл рассказала о своих находках.

– Недавно в деревне появились четверо мужчин: школьный учитель, аптекарь, викарий и садовник. Кто из них вас интересует?

– Все. Что вы о них знаете?

– Учитель приехал с женой. Его встретил на бричке деревенский староста.

– Отпадет. Тот был один.

– Аптекарь хорошо знает свое дело, красивый мужчина, но немного заикается.

– Заикается? Тот не заикался.

– Садовника встречала миссис соседка, он привез сумки с удобрениями, ели донесли домой.

– Не он. Остается викарий.

– Нового викария я видела в церкви. Он не женат, службу ведет как-то странно. И, он меня немного озадачил. Ему принесли рассаду лаванды, чтобы он посадил в церковном садике. Так он посадил цветы в тени, а они любят солнце. Это странно, если бы он был, как утверждает, сельским жителем, то никогда бы не посадил лаванду в тени. Я решила, что хорошо бы сделать у него обыск, и написала письмо, в котором его вызывают на ежегодное собрание приходских священников, где будут обсуждаться вопросы благотворительности и распределения церковных средств. Вчера он уехал.

– Это удачно, что его сейчас нет. Мисс Марпл, в вашей деревне есть констебль?

– Да есть. Один на три деревни. Он занимается мелкими делами. У кого-то пропала коза, другая считает, что соседка заняла часть ее участка, третий не получил во время пенсию. Иногда он приходит посоветоваться ко мне. Проводить вас к нему?

Дверь открыла жена констебля.

– А мужа нет. Его вызвали сегодня утром в соседнюю деревню. Кто-то забрался в сарай мистера Гуджина и унес несколько кур. Муж взял велосипед и уехал.

– Что будем делать?– спросил Гастингс, – время не ждет.

– Открыть дом викария может церковный староста. У него есть ключи, – предложила мисс Марпл, – а кур, скорее всего, унесла лисица.

Сначала церковный староста хотел подождать приезда констебля. Но после настойчивой просьбы мисс Марпл и документов, предъявленных Пуаро и Гастингсом, решил впустить их в дом викария.

Дом, стоявший в глубине сада, был окутан тишиной. Тени лип с трудом пропускали свет на дорожку, по которой, стараясь не шуметь, шли четверо: церковный староста, Эркуль Пуаро, капитан Гастингс и мисс Марпл. Последняя, с корзинкой в руках (для правдоподобия — «несла сытный пирог для одинокого викария»), не без озорства шепнула:

– Настоящее преступление – это плохой кофе, а все остальное – лишь необходимость, мсье Пуаро.

Внутри дома царила аккуратная тишина, как и подобает викарию. Они разделились. Пуаро и мисс Марпл занялись кабинетом, а Гастингс отправился на кухню и в спальню.

Бутылку дорогого коньяка «Мартель», что стояла в нижнем ящике письменного стола, замаскированная книгой «О религиозных медитациях», нашла мисс Марпл.

– Ни один викарий в Сент-Мэри-Мид не мог позволить себе «Мартель», – заметил староста, – тут у нас шерри, и то – по праздникам.

– Тот, кого мы ищем, любит этот напиток, – заметил Пуаро, – он угощал этим коньяком директора банка и проводника. Смотрите, что я нашел: парик и накладную броду. Скорее всего, это он. Наш приятель не просто выдавал себя за викария. Он планировал использовать Сент-Мэри-Мид, как временное убежище, а может, и как прикрытие для новых афер. Но он не учёл одной вещи: в этой деревне живёт мисс Марпл. А в её глазах нет мелочей.

Мисс Марпл улыбнулась сдержанно:

– Мы в деревне много видим. Просто редко вмешиваемся. Но когда приезжает человек и путает устав Церкви Англии с католическим обрядом – это вызывает вопросы.

– Мисс Марпл, а если бы он хотел спрятать украденные деньги, как бы он это сделал.

– Закопал на кладбище.

– Но мы не в состоянии перекопать все могилы.

– И не надо. Видите то деревцо, это он посадил. Сказал, что в честь его приезда. Вот там и копайте.

Под корнями дерева наши завернутые в клеенку пачки кредиток с логотипом Юго-западного банка.

– Вот так викарий, – изумился настоятель, – что будем с этим делать?

– Прежде всего, составим Акт о находке. Вы и мисс Марпл будете свидетелями, – решил Гастингс, – я позвоню в Лондон и вызову старшего инспектора Джеппа. Он отвезет деньги в Лондон и передаст их дирекции банка. А здесь устроит засаду.

– Господа, это надо отметить, – покосилась на бутылку «Мартеля» мисс Марпл.

Она нашла четыре рюмки.

– Я тоже люблю французский коньяк, – согласился староста, – а лжевикария завтра арестуют.

На следующее утро прибыл Джепп с отрядом полиции и устроил в доме викария засаду. Прошло три дня. Дом по-прежнему стоял пустым, печным дымом не пахло, ставни не открывались. Засада полиции оказалась напрасной. К полудню стало ясно – «викарий» не вернётся. Из города сообщили, что он приехал на совещание, но ему сообщили, что никакого совещания нет.

В полицейском участке Джепп бросил на стол фальшивые документы викария.

– Он нас переиграл, почувствовал запах жжёного. Деньги я передам банку. Кстати, банк по этому делу объявил вознаграждение, кому из вас оно достанется?

– Деньги нашла мисс Марпл. Не везет нашей церкви, – расстроился церковный староста, – придется искать нового викария.

– Мисс Марпл, – прощаясь, сказал Пуаро, – мы вам бесконечно благодарны за помощь, без вас мы деньги бы не нашли. Из вас выйдет превосходный детектив.

– Почему «выйдет»?

– Я просто оговорился, вышел, – Пуаро поцеловал ее руку, – будете в Лондоне, заходите, я и Гастингс к вашим услугам.

Глава 22. Новый библиотекарь

Приходской совет деревни Сент-Мэри-Мид давно просил городское начальство прислать в деревню нового библиотекаря. Предыдущий библиотекарь нашел лучшее место и уволился. На дверях библиотеки ржавеет замок, жители ропщут, один меценат подарил деревне пару сотен книг, они пылятся в кладовой.

«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят», сказано в библии. Утром в деревню приехала библиотекарь Эллис Ламбрехт. Это был небольшой праздник.

С дверей библиотеки сняли замок, открыли окна, и первой пришла помочь с уборкой мисс Марпл. Она принесла ведро с водой, тряпки и метлу и вскоре две женщины навели в заброшенном доме чистоту и порядок, а на дверях было повешено объявление: библиотека работает с 10 до 2 часов дня, кроме субботы и воскресенья.

– Пока, четырех часов хватит, – объяснила миссис Ламбрехт, – надо разложить все новые книги и сделать картотеку.

Тут же вновь прибывшая получила приглашение от мисс Марпл, зайти к ней и разделить простой деревенский ужин.

Эллис рассказала, что она беженка из Бельгии.

– Конечно, вашу деревенскую библиотеку не сравнить с университетской, но я очень благодарна, что получила работу и крышу над головой. Моей зарплаты на скромную жизнь хватит. Я никогда не жила в деревне, я из Льежа. Мисс Марпл, расскажите о вашей деревне.

– Извольте. Сент-Мэри-Мид – небольшая тихая деревушка. Вон там главная улица с магазинами и пабом, а чуть поодаль – коттеджи с цветущими садами. Люди здесь друг друга знают с детства, а новости и слухи распространяются быстрее телеграфа. В деревне есть старинная англиканская церковь с кладбищем. В ней регулярно проходят службы, и она играет важную роль в жизни местных жителей. Но сейчас она закрыта, ждем нового викария. Есть у нас аптека и школа. Бакалейная лавка, чей хозяин знает все местные новости. Мясная лавка, где хозяйки стоят в очереди и обсуждают рецепты и слухи.

– Вы хотите узнать, как живут сельские жители? Сегодня утром, сидя у окна с чашкой чая с лимоном, я видела, как миссис Прайс-Ридли вышла из дома чуть позже обычного – значит, либо ей не спалось, либо она ждала письмо, которое не пришло. Почтальон, мистер Дрейк, махнул ей рукой, но прошёл мимо. Бедняжка! Опять, видимо, ждет вестей от сына.

Потом ко мне пришла молодая мисс Хармон, фельдшер из нашей аптеки, и передала мне маленький бумажный пакетик – мазь от ревматизма. Она мило улыбнулась, но глаза её были озабочены. Я бы сказала – даже встревожены. Вчера вечером она задержалась допоздна в аптеке с новым аптекарем мистером Бакстером.

В полдень на главной улице – обычное оживление. В лавке у мистера Томпсона обсуждают, что у миссис Хартнелл появился новый садовник "с руками, будто у мясника", как

выразилась миссис Уэбб. Мистер Томпсон, впрочем, сказал, что "свое дело он знает", но при этом опустил глаза – не хочет ссориться с клиенткой. А вы приехали в Англию одна?

– С племянницей Эдной. Она мечтает стать артисткой, но сначала надо освоить английский. Она решила поработать гувернанткой в английской семье и нашла работу в Лондоне. Преподаёт французский.

– Может она там встретит подходящего молодого человека?

– В этой семье? Нет, там маленькие дети. Я получила от нее письмо, вот оно.

«Лондон, 4 октября, 1914 года.

Дорогая тётя Эллис,

Пишу Вам с великой благодарностью и радостью: я устроилась! Представьте себе – я теперь гувернантка в английском доме в Лондоне, почти как в романах, которые мне мама читала в детстве. Дом находится на Парк-лейн в стороне от шумных улиц, окружён садом и тишиной. В нём живёт семья Карлайл — мистер и миссис, и двое детей: Эмма (десяти лет, умна, но немного капризна) и Уильям (восьмилетний мальчик с глазами озорника и сердцем поэта).

Миссис Карлайл строга, но справедлива. Она позволяет мне использовать их библиотеку, и я уже нашла там Байрона и немного Гёте в оригинале – это, право, чудо. Дети учат французский с интересом, хотя произношение у них очень смешное. Вчера Эмма спросила, правда ли, что в Париже кошки умеют разговаривать – я ответила: «Только по ночам».

Дом полон странных звуков: часы, скрип лестницы, ветер в каминной трубе. Но мне не страшно. Знаете, когда я читаю детям сказки или рассказываю им о Жанне д'Арк, я чувствую, будто возвращаю себе что-то очень важное... частицу дома, которого мы с Вами лишились. В ближайшее время организую домашний театр, и первым представлением будет сказка «Спящая красавица».

Пожалуйста, не волнуйтесь за меня. Мне тепло, меня кормят, неплохая зарплата и, главное, ко мне относятся с уважением. Возможно, это пока не театр, но каждый день – как сцена, на которой я стараюсь не забывать, кто я.

Пишите чаще, расскажите, как Ваша новая библиотека. А ещё – передайте привет мистеру Гастингсу, что взял меня в Англию. Его доброту я помню до сих пор.

С любовью,

Ваша племянница Эдна.

P.S. Иногда я слышу, как в саду поёт дрозд. В такие моменты мне кажется, что весна всё-таки вернётся и наступит мир.»

– Миссис Ламбрехт, я рада, что ваша племянница нашла работу, в Лондоне многие ищут гувернанток со знанием французского языка. Воспитанные дети должны знать французский. Если у вас будут какие-то вопросы или проблемы, приходите, где мой дом вы уже знаете.

Глава 23. Сколько людей в Лондоне?

В деревушке Сент-Мэри-Мид осень выдалась особенно серая и туманная. Мисс Марпл сидела в своем любимом кресле у камина и вязала, когда в дверь постучали. Это была ее соседка, библиотекарь, миссис Эллис с покрасневшими глазами.

– О, мисс Марпл, я совсем потеряла покой, – с порога начала она. – Вы знаете мою дочь Эдну, она ведь уже год как работает в Лондоне, гувернанткой, у богатых людей на Парк-Лейн. Пишет каждую неделю, шлёт деньги – добрый ребенок. Но вот на днях Джим Портер посетил Лондон и по моему поручению заехал по тому адресу. Я передала для Эдны свитер – сама связала. Но Джим вернулся и сказал, что там уже несколько недель, как новая гувернантка. Где Эдна они не знают. А она продолжает мне писать, описывает свою жизнь на Парк-Лейн и аккуратно шлет деньги. Помогите ее найти, я очень беспокоюсь.

– Хмм, – произнесла мисс Марпл, поправляя кружево на воротнике. – Это весьма тревожное несоответствие. Очень даже тревожное. Придется съездить в Лондон.

Спустя неделю, мисс Марпл приехала в Лондон. Она поселилась в маленьком отеле, без туда нашла красивый двухэтажный дом в центре Парк-Лейн, где работала Эдна и подошла к главному входу с резными деревянными дверями, украшенными держателями для факелов. На ее стук вышел дворецкий.

– К вашим услугам мадам.

– Я хотела бы увидеть вашу гувернантку Эдну, и предать ей кое-что от матери.

– Боюсь, что это невозможно, мадам, такой гувернантки у нас нет.

– Робинсон, кто там? – послышался голос из гостиной.

– Спрашивают Эдну, миссис. Ей привезли что-то от матери.

Открылась дверь, и из гостиной, освещенной солнцем через окно в потолке, вышла хозяйка дома, дородная пожилая леди.

– Эдна у нас уже не работает. Уволилась, она сказала, что нашла лучшее место.

– Какое место?

– Мне почем знать. Ее увела подруга. Я слышала их разговор. «Эдна, как ты можешь с твоей красотой и фигурой вытирать сопли у детей?», сказала подруга, «Есть место, где ты будешь получать в два раза больше. И английский не нужен.» Она собрала вещи и ушла.

– Миссис, я приехала по просьбе ее матери. Она очень переживает, может быть, вы подскажете, как ее найти?

– Мери, ты помнишь случай, когда у миссис Тодд, твоей приятельницы из Клэпхема, пропала кухарка? Ее помог найти этот бельгиец, – из гостиной вышел муж хозяйки, – мадам, советую обратиться к мистеру Эркюлю Пуаро, его адрес я сейчас найду.

Так, мисс Марпл отправилась в особняк Уайтгейвен.

Всё в квартире было безупречно аккуратно, видно было, что хозяин помешан на порядке и симметрии. Даже подушки на диване были выровнены под углом ровно в 45 градусов.

– О, мисс Марпл! Вот мы и встретились! Хотите чаю?

– Да и покрепче. Я ищу пропавшую девушку. Она служила горничной в богатом особняке на Парк-Лейн и уволилась. Ее мать продолжает получать письма и деньги, дочка пишет, что она по-прежнему работает на Парк-Лейн, в то время, как там ее давно уже нет. Я только что оттуда. Ее мать в тревоге, мсье Пуаро, помогите найти девушку.

– Мисс Марпл, вы знаете, сколько людей в Лондоне?

– Нет.

– Восемь миллионов. Кроме того ваша горничная могла просто уехать из Лондона со своим кавалером. Впрочем... что сказала ее подруга? «Как ты можешь с твоей красотой и фигурой вытирать сопли у детей? Есть место, где ты будешь получать в два раза больше? И английский не нужен?» Мисс Марпл, вот адрес одного из таких мест, театр «Ветряная мельница». Проведите там вечерок, если не получится, поищем другое место.

Театр «Ветряная мельница» располагался на одной из боковых улочек неподалёку от Пикадилли. Снаружи – красные огни, лёгкий запах духов и табака, шелест вечерних платьев, звон каблучков по тротуару. Над входом мигали неоновые буквы: "Windmill Revue: Girls, Glamour, Grand Illusion!"

Мисс Марпл, в скромном сером пальто с застёгнутой до шеи блузкой, чувствовала себя немного не в своей тарелке.

Она прошла внутрь. Зал был полутёмным, сцена освещена густым бархатным светом. Шёл номер под музыку Жака Оффенбаха. На сцене – нагие девушки застыли в театральных позах: некоторые стояли, как статуи, другие – в лёгком, почти невидимом движении. Свет вырисовывал их тела, словно античные скульптуры. Всё было на грани – эстетично, но вызывающе.

Мисс Марпл тихо ахнула.

Зазвучала ария из оперетты, и на сцену вышла группа из шести обнаженных девушек в серебристых шляпах с белыми перьями. Они остановились – каждая в своей позе, с неподвижным взглядом, будто застыли в фарфоре.

Мисс Марпл взяла театральный бинокль и замерла. Вторая слева в позе балерины, с поднятой рукой стояла Эдна. Похудевшая, с чуть подкрашенными губами, но невозможно спутать её выражение глаз. Она смотрела в зал, не видя никого. Или делая вид, что не видит.

– Боже, – прошептала мисс Марпл, – я бы никогда не подумала...

Музыка стихла. Девушки остались неподвижны ещё мгновение – и занавес закрылся. Аплодисменты. Кто-то свистнул.

Мисс Марпл долго не вставала. Она ещё смотрела на закрытую сцену. В глазах её было что-то похожее на печаль, но и облегчение.

– Она жива, – произнесла она. – Это главное.

Она решила пойти за кулисы и поговорить с Эдной, но передумала.

Глава 24. Кого так поздно черт несет?

В начале десятого в холостяцкой квартире Гастингса шли приготовления ко сну. Пуаро аккуратно складывает свои бумаги, закрывает блокнот с заметками и тщательно вытирает перо перед тем, как убрать его в футляр. Всё должно быть в полном порядке, чтобы следующий день начался «с правой ноги».

Полдня Пуаро и Гастингс провели в деревушке Маркет-Бейзинг, где на первый взгляд всё выглядело просто: судья был найден мёртвым с револьвером в руке, и все приняли это за самоубийство. Но Пуаро, как всегда, был не склонен принимать очевидное. Он обратил внимание на мелкие несоответствия: положение тела, следы на ковре, и особенно – на стеклянную пепельницу, лежащую не на своём месте. Он допросил экономку, племянника покойного, а затем в библиотеке нашёл то, что искал – странную подпись в книге гостей и пятно от чернил на письме.

Гастингс, потягивая молоко, говорит с удивлением:

– Знаете, Пуаро, я был уверен, что это самоубийство. Всё же – запертая комната, револьвер в руке...

– Ah non, mon ami. Вы слишком доверяете очевидному. Убийца, как иллюзионист, любит отвлечь внимание публики. Но маленькие серые клеточки – они не отвлекаются.

После легкого ужина – тёплого омлета, непременно с ломтиком белого хлеба и чашкой ромашкового чая – для спокойного сна, Пуаро рассматривает себя в зеркале. Затем – чистка зубов французской пастой, которую он берёт в поездки. Тщательное умывание лица тёплой водой со специальным мылом с лёгким цитрусовым ароматом. Уход за усами: расчёска для усов, лавандовое масло и пару движений, чтобы подкрутить их до идеальной симметрии.

На диване капитан Гастингс с доброй усмешкой наблюдает за этой церемонией.

– Может, мне тоже стоит начать подкручивать усы перед сном – для ясности мысли? – смеётся Гастингс.

Для того, чтобы убедиться, что оба конца загнуты под одинаковым углом, Пуаро использует маленькое зеркальце. В спальне его ждет отутюженная пижама и мягкие домашние тапочки. Пижама должна быть светлого цвета и абсолютно без единой складки. Он поправляет покрывало, проверяет, чтобы простыни были ровно натянуты, и подушка лежала строго по центру кровати. Он может даже взвесить подушку на ощупь – не слишком ли она набита?

Лёжа в постели, Пуаро закрывает глаза, и несколько минут будет представлять геометрические фигуры – треугольники, круги, квадраты, – чтобы очистить разум от эмоций. Он

старается засыпать ровно в десять вечера. По его мнению, только чёткий режим сна обеспечивает ясность ума и свежесть мысли.

И в это время раздаётся настойчивый стук в дверь.

– Я отпустил сегодня домработницу, – Гастингс недовольно встал с дивана, – кого так поздно черт несёт?

В гостиную входит мисс Марпл. Прежде чем сказать слово она снимает пальто, вытирает лицо и переводит дыхание.

– Если можно, стакан чаю.

Гастингс включает чайник, а Пуаро, затягивает потуже пояс халата.

– Мисс Марпл, мы рады вас видеть в любое время, но почему так поздно? Вы побывали в «Ветряной мельнице»? Как там, наша красавица нашлась?

– Нашлась.

– Я рад. Не каждая, как вы, решилась бы искать молодую девушку в таком... как бы это сказать... boulevardier месте, как «Ветряная мельница».

Мисс Марпл засмеялась тихо, по-домашнему:

– Да, я просто старая деревенская женщина, мсье Пуаро. У меня есть чайник, клубки шерсти и любопытство. Но без вас... я бы в Лондоне ничего не добилась. Вы ведь сразу знали, где искать? В Лондоне восемь миллионов жителей!

Пуаро прижал ладонь к груди с видом скромного удовольствия.

– Ах, *chère madame*, вы слишком добры. Я всего лишь применил свои маленькие серые клеточки. Где красивая и стройная девушка может зарабатывать вдвое больше? Признаться, я сразу подумал о борделях. Несмотря на запреты, в Лондоне публичные дома работают нелегально, часто под видом пансионатов или массажных салонов. Но, я решил это оставить на крайний случай, и сразу память подсказала «Ветряную мельницу». Этот, с позволения, театр, открылся недавно, приглашает красивых девушек и хорошо платит. Надеюсь, вы не расскажете ее матери, то, что вы повидали?

– Вы знаете, я многое повидала в жизни, но мое посещение этого театра достойно романа. Нет, я не расскажу ее матери то, что я видела. Вы настоящий джентльмен, мсье Пуаро. И не просто великий сыщик – вы человек, умеющий сострадать. И я очень благодарна вашему совету, мсье Пуаро. Я нашла там Эдну, и не только ее.

– И вы так спешили нам об этом рассказать? Я чувствую, что дело не только в ней. Гастингс возьмите ваш блокнот.

– Да, не только в ней. Сахара больше не надо. Когда кончился спектакль, я уже собралась пройти за кулисы и поговорить с Эдной, но артистки, уже одетые, снова вышли перед занавесом. Включились прожектора, и поклонники с букетами цветов поднялись на сцену. Меня заинтересовал поклонник Эдны. Высокий стройный молодой человек преподнес ей букет белых лилий, и она его поцеловала. Когда он спускался со сцены, луч прожектора осветил его лицо, и я его узнала. Викарий!

– Викарий! – в два голоса повторили Гастингс и Пуаро. – Тот самый, что сбежал из деревни?

– Тот самый.

– И что вы сделали? Вызвали полицию?

– Нет, я решила, сначала об этом сообщить вам.

– Но он может опять исчезнуть!

– Я проследила за ним и узнала, где он живет. Вот адрес: Пиккадилли-стрит, 17А. Небольшая гостиница. Я дала шиллинг портье и узнала, что он живет в 112 номере, где-то работает и аккуратно платит за место.

– Мисс Марпл, но ведь вы подвергли себя смертельной опасности!

– Было темно, на мне была шляпка с вуалью. Я пряталась за прохожими, одной женщине помогла нести сумку, у другой подержала коляску с ее малышом.

– И у него не возникло ни малейшего подозрения, что за ним следят? – спросит Пуаро.

– Когда он вошёл в гостиницу, я прошла мимо и, выждав какое-то время, туда вошла. Это все, что я хотела вам рассказать, а теперь простите за поздний визит, я пойду. Мне надо подышать свежим воздухом.

– Мисс Марпл, уже скоро одиннадцать. В это время женщины в Лондоне не выходят на улицы подышать свежим воздухом, вы останетесь здесь, – предложил Гастингс, – я дал сегодня отпуск домработнице, и ее комната свободна. А завтра утром мы отправимся в Скотланд-Ярд. Я думаю, отдел М15, который занят поиском и обезвреживанием шпионов, заинтересуется вашим сообщением. Хотите еще чаю?

Глава 25. Набережная Виктории, 10

Утром все трое направились по адресу: Набережная Виктории, 10, где находился Скотланд Ярд – мрачный бастион правопорядка, где логика порой уступала месту догадкам, но галстуки всегда были идеально завязаны.

Накануне немцы бомбили Лондон, и теперь город, как джентльмен после бурной вечеринки, пытался прийти в себя, поправляя воротнички, выметая пепел с тротуаров и притворяясь, что у него всё в полном порядке. С улиц убирали обломки, а в чайных лавках наливали крепкий чай с таким видом, будто вчерашняя ночь была всего лишь дурным сном. Над крышами клубился лёгкий дым, а в переулках пахло гарью и кирпичной пылью. Там, где вчера гремели взрывы, теперь лежали обугленные балки, вывороченные фонари и груды стекла, сверкавшие на солнце, словно пролитые слёзы.

Джеймс Джепп, старший инспектор отдела М15 встретил их в своём кабинете – строгом, но аккуратном помещении с письменным столом, стульями для посетителей и шкафом с папками.

– Эркюль Пуаро, капитан Гастингс, мисс Марпл, – коротко кивнул он каждому. – Рад вас видеть. Садитесь. Чем могу быть полезен?

– Мерси, – с достоинством ответил Пуаро, опускаясь на край стула. Инспектор, вы помните дело о Южно-Африканских алмазах?

– Как некий аферист обманул Северо-Западный банк? Да, помню, украденные деньги удалось найти и вернуть банку, а самого преступника поймать мы не смогли. Он сбежал в Африку. Дело поставили на полку, а что, есть какие-то новости?

– Мисс Марпл вчера вечером увидела этого преступника, он живет в номере 112 в гостинице по адресу: Пиккадилли-стрит, 17А.

– Это точно? Мисс Марпл, откуда вы его знаете?

– Он ведь занимал место викария в церкви деревни Сент-Мэри-Мид, где я живу. Я бывала на его службах.

– Теперь я припоминаю, да, он служил викарием и исчез. Что ж, как говорится, сколько веревочке не виться, все равно будет конец. Большое спасибо! Я немедленно пошлю группу для ареста мошенника.

– Джепп, на правах старого приятеля, хочу тебя попросить, давай обсудим ситуацию без спешки, – попросил Гастингс.

– Трое против одного? Тогда я приглашу моего коллегу из отдела М16 инспектора Баттла.

Инспектор Баттл сдержанно поздоровался и подвинул стул. Это был крупный мужчина, с внушительной фигурой, напоминающий британского бульдога. После того, как его ввели в курс дела, он сказал:

– Я согласен с Гастингсом. Надо обсудить ситуацию без спешки. Если мы арестуем проходимца, какие улики мы представим суду?

– Можно собрать свидетелей, которые выступят против него. Мсье Пуаро, вы, наверное, можете составить их список.

– Да, могу. Его узнает директор банка, который он обокрал. Его видели в гостинице и ресторане.

– Но, ничего предосудительного в гостинице и ресторане свидетели рассказать не могут, – заметил Баттл, – да, какое-то время там жил. Да, устроил ужин в ресторане. Что тут плохого? Кто еще?

– Проводник, – напомнил Джепп.

– И проводник ничего не знает. Да, был пассажир. Пил коньяк «Мартель» и сошел. Кто еще?

– Мисс Марпл убедит суд, что он подвизался викарием ее деревне.

– Эту линию можно расследовать, – согласился Баттл, – вероятно у него были подложные документы, но службы он вел исправно. Так в чем вы хотите его обвинить, в том, что он незаконно служил викарием или в том, что он ограбил банк?

– В церковном саду нашли в земле деньги банка, – напомнил Джепп.

– Но никто не видел, что деньги закопал он, – возразил Баттл. – И то, что он вчера преподнес цветы танцовщице, к делу не пришьешь. Я за то, чтобы за ним проследить. Вы сказали, что он где-то работает. Где? Чем занимается? Слежка позволит выявить дополнительные неоспоримые доказательства. Я за слежку. Мы узнаем, что его интересует, и какие нити ведут за рубеж.

– Баттл, ты не учел, что, будучи на свободе, он может еще натворить не мало дел, и в конце концов, почувствовав, что за ним следят, опять скроется. В уме и изобретательности ему не отказать.

– Да, определенный риск есть, но еще один плюс слежки: она покажет, возможно, у него есть сообщники, и мы выйдем на преступную группу. Я поговорю с руководством М16, как лучше организовать слежку. Мы узнаем, как он проводит день, где бывает, с кем встречается. Следить будет бригада, люди и машины будут меняться, мы это умеем. Периодически будем встречаться здесь, и планировать дальнейшую нашу работу.

– Четверо против одного! Сдаюсь. Теперь о наших гостях. Мисс Марпл, вы бывали на его службах в церкви, он может знать вас в лицо?

– Вряд ли, в церкви полутемно.

– Все-таки, вы больше в «Воздушную мельницу» не ходите, а лучше всего возвращайтесь домой. Там в деревне соберите все, что возможно об этом проходимце: с кем он общался, какие предъявил документы, он не женат, значит, у него мог быть с кем-то роман. А возможности Пуаро и Гастингса мы определим и используем, и ваш адрес я знаю.

Гастингс и Пуаро проводили мисс Марпл на вокзал. Встречей в Скотланд-Ярде все трое были довольны.

Деревушка встретила ее осенней прохладой, рябиной над забором и запахом дымка из труб. Путь от станции до её дома занял всего десять минут, но в голове всё ещё звучала музыка Лондона, стук каблучков, и взгляд Эдны – настороженный, взрослый.

Вечером она постучала в знакомую дверь. Соседка Эллис встретила её у двери в фартуке, с мукой на щеках – как раз пекла булочки.

– О, мисс Марпл! Ну, скажите же – вы нашли Эдну? Она в порядке?

Мисс Марпл сняла перчатки, вошла в дом, огляделась. Всё было просто, но очень чисто. На каминной полке – фотография Эдны в школьной форме.

– Да, – спокойно сказала она. – Я нашла вашу племянницу. Она работает... в театре. Очень уважаемое заведение.

Миссис Эллис застыла с подносом в руках:

– Театр? Она же даже в церковном хоре стеснялась петь!

– Люди меняются, особенно в большом городе. Она просто сделала выбор. Не такой, как вы мечтали. Но она ни на минуту не забывала о вас. И... она просила передать, что скоро сама придет. Не навсегда – но ей хочется посмотреть, как вы поживаете. И... попробовать ваших булочек.

Миссис Эллис поставила поднос. Долго смотрела на огонь.

– А почему же она не пишет правду?

– Иногда, – сказала мисс Марпл мягко, – люди боятся не разочаровать, а быть отвергнутыми. Боятся, что, если признаются в чём-то трудном, их перестанут любить.

– Главное, чтобы она вернулась.

Мисс Марпл подошла, положила руку ей на плечо.

– Миссис Эллис, обещайте мне: когда она появится – вы обнимете её, не задавая вопросов.

– Обещаю... – прошептала миссис Эллис. И я ей подарю свитер.

– Вот и славно, – сказала мисс Марпл и с улыбкой встала, – а теперь я пойду, у меня чайник закипает, и вяжется очень важная варежка. А вы отдохните. Всё будет хорошо.

Она вышла в ночь, пахнущую листопадом. На душе было тепло. Не всё просто в жизни – но иногда доброе сердце и чутьё значат больше, чем любая правда.

Глава 26. Конфиденциальный вопрос

На следующий день позвонил инспектор Джепп.

Результаты слежки оказались неожиданными. Бывший викарий под именем Ян Ван Дейк сейчас работает в секретной военной лаборатории ученого Арчибальда Лоу. Он выдает себя за аспиранта и занимается научным исследованием под руководством Жюля Бейля, профессора математики из Льежского университета.

Джепп попросил Пуаро, хорошо знакомого с профессором, встретиться с ним и выяснить об этом аспиранте, все что можно.

Профессор математики жил в небольшой съемной квартире не далеко от места работы, и Пуаро нашел его без труда.

– Добрый вечер, господин профессор! Вы позволите отнять у вас немного времени!

– О, мсье Пуаро! Я рад вас видеть. Марина, посмотри, кто к нам пришел! Мсье Пуаро! Именно благодаря ему, мы сейчас в Англии, и я спокойно занимаюсь наукой не смотря на войну.

– Добрый вечер, мсье Пуаро! Я тоже рада. Сейчас будем ужинать! И вы живете в Лондоне?

– Да, мне оказал гостеприимство капитан Гастингс.

После ужина, сопровождавшегося восклицаниями «А, помните!» мужчины вышли покурить во двор, и Пуаро смог, наконец, приступить к делу.

– Профессор, у меня к вам есть конфиденциальный вопрос. С вами работает появившийся недавно аспирант Ян Ван Дейк. Кто он, что вы можете о нем сказать? Это не простое любопытство, сейчас военное время...

– Я понимаю. Он приехал из Нидерландов с письмом от знакомого профессора Анри Ламберта из Амстердамского университета.

– Вы хорошо знаете профессора Анри Ламберта?

– Да, мы познакомились на конференции математиков в Париже. Оба увлекаемся доказательством гипотезы Пуанкаре и переписываемся, не смотря на войну.

– Гипотезой Пуанкаре? Она имеет отношение в войне?

– Ну что вы, это чистая математика. Гипотеза Пуанкаре – одна из семи «задач тысячелетия», сформулированных Математическим институтом Клэя. Эта гипотеза остается нерешенной почти столетие и касается топологии трёхмерных многообразий...

– Вы говорите, он привез письмо от профессора Анри Ламберта? Могу я его посмотреть.

– Сейчас принесу. Вот оно.

"Дорогой Жюль, позвольте представить вам юного гения Ван Дейка, чьи способности в аналитической геометрии и теории чисел превзошли всё, что я наблюдал за три десятилетия преподавания. Я осмеливаюсь утверждать, что он может предложить свежий взгляд даже на старейшую гипотезу Пуанкаре. А тема его диссертации «Покорение Луны». Я обучил его, чем мог, теперь очередь за вами. Надеюсь, вы мне не откажете. Не хотите провести лето в моем загородном доме? Буду очень рад. Ваш Анри Ламберт».

– Я планировал съездить к нему этим летом в Нидерланды, но все отменила война. А Ван Дейк действительно одаренный аспирант, он помогает мне в работе.

– Мсье Бейль, а чем занят этот одаренный аспирант?

– Не вылезает из библиотек. Я вам уже сказал, что гипотеза Пуанкаре...

– Не замечали вы, чтобы он интересовался военными секретами?

– Не замечал. Но интересуется возможностью достижения Луны с помощью ракеты.

– Может быть, он оставался в лаборатории вечерами? Один?

– Это не исключено. Меня дома ждет жена, а он, насколько я знаю, свободен.

– Приносит он в лабораторию какие-нибудь вещи?

– Только свою папку с вычислениями. Впрочем, нет, однажды он принес фотоаппарат.

«Меня попросил профессор Анри Ламберт прислать виды Лондона. Сегодня я сфотографирую Биг Бен», сказал он, «Такие часы хотят сделать в Амстердаме». Потом он принес и показал красивые фотографии. Мсье Пуаро, я буду огорчен, если его вышлют.

– Хорошо, спасибо. Вы понимаете, что о нашем разговоре он не должен знать. Вы в чем-нибудь нуждаетесь? У вас есть какое-то желание?

– Да, у меня есть желание, чтобы скорее кончилась война, и я бы мог вернуться домой.

– Увы, мы все этого хотим. А ваша супруга, как она относится к этому аспиранту? Он бывает у вас дома?

– Да, у нас нет детей, и она его опекает, как родного сына. И он никогда не приходит без цветов.

– Тогда и вашей супруге не нужно знать о моих вопросах. Если в его поведении появится что-то новое, вот моя карточка.

Гастингс не ложился, ожидая пока вернется Пуаро.

– Ну что вы узнали?

– Почти ничего. Он приехал с письмом от профессора из Амстердама. Жена профессора любит этого Ван Дейка, как родного сына. Но однажды он принес фотоаппарат. Гастингс, свяжитесь с Джеппом, пусть этого аспиранта потихоньку начнут отстранять от секретных разработок. Будем продолжать наблюдение, дальше видно будет. Вы знакомы с гипотезой Пуанкаре?

А через несколько дней позвонил профессор. Аспирант сообщил профессору, что он собрал в библиотеках Лондона достаточно материала для диссертации и возвращается в свой университет в Амстердам.

В связи с этим сообщением, для обсуждения дальнейших действий немедленно было собрано совещание в отделе М16 Скотланд-Ярда.

– Немедленно арестовать, – объявил инспектор Джепп, – он почувствовал опасность и уже купил билет на пароход, который отправляется на континент через три дня. Он сбежит, что-то из секретных материалов о нашей ракетной технике уже сфотографировал и. Возможности наблюдения исчерпаны.

– Не исчерпаны, – возразил инспектор Баттл, – мы будем продолжать следить за ним, а пленку можно подменить. Похоже, что это опытный шпион и ему поручено выяснить, какие исследования ведутся в области ракетной техники, и он на Англии не остановится. Я предлагаю продолжить слежку и отправить за ним опытного человека, мсье Пуаро, вы бы поехали?

– Если это необходимо.

– Он вас не знает. Хорошо бы поехать вдвоем.

– Я солдат и готов, – вступился Гастингс.

– Не торопитесь. Я имею в виду женщину. Будет такая пожилая пара, которая не привлечет внимания. Я подберу...

– У меня есть отличная кандидатура, – прервал его Пуаро, – мисс Марпл.

– Она согласится?

– Если это необходимо. Придется ее загримировать.

– А вы знаете, эта идея мне нравится, – согласился Джепп, – я приготовлю пленку с видами Лондона.

– Тогда завтра встречаемся в пятером.

Осталось добавить, что мисс Марпл согласилась, оба они прошли инструктаж в Скотланд-Ярде, получили деньги, документы.

И вот уже пожилая пара сидит на палубе парохода, отплывающего на континент. У дамы в руках вязание, у ее мужа – молитвенник. А неподалеку греется на солнце аспирант. Он смотрит в небо, рассматривая чаек, сопровождающих корабль, видимо, вполне довольный собой.

Глава 27. "Fortuna Vobiscum Sit"

Сквозняк распахнул окно, в комнате с массивным дубовым столом зашумели тяжелые портьеры, и секретарь тут же его закрыл. За столом собрались восемь человек – офицеры разведки отдела М15, аналитики, и особый представитель от Военного министерства. На доске – карта Европы и диаграмма с пометкой: "Оперативный интерес: Германия – аспирант-шпион".

Глава М16 полковник Ричард Блейк, поправил очки.

– Господа, вы уже знаете, что наш агент "Феникс", работающий в Берлине под прикрытием журналиста в редакции научного журнала, передал, что в столице Германской империи завершена вербовка молодого учёного и ему поручено разведать, где ведутся исследования по ракетному оружию. Прикрытие – аспирант, с темой диссертации: «Освоение Луны». Мы долго не могли его идентифицировать, но сейчас он обнаружен.

– Где? – спросил, заведующий оперативной работой подполковник Мюррей.

– В Лондоне. Работает помощником профессора математики над баллистическими расчетами в секретной лаборатории Арчибальда Лоу. Собирает материалы по гипотезе Пуанкаре, которая, якобы, способствует освоению космоса. Его опознала сельская жительница мисс Джейн Марпл, в ее деревне Сент-Мэри-Мид какое-то время он был викарием. Мы обсуждали наши возможные действия с отделом М15 и было принято решение пока его не трогать. Это позволит уточнить сферу его интересов и выявить возможных сообщников. Нам предстоит утвердить сотрудников, которые возьмут аспиранта под наблюдение. Слово для предложения подходящих кандидатур имеет капитан Гастингс.

– В подобной ситуации скорее подойдет не боевые офицеры, а люди, обладающие уникальной способностью к наблюдению и логике, – начал Гастингс. – Я имею честь знать одного бельгийского детектива, мсье Эркуюля Пуаро, и, уже упомянутую, леди из деревни Сент-Мэри-Мид – мисс Джейн Марпл. Вместе они могут...

Присутствующие задвигали стульями, а полковник Блейк приподнял бровь:

– Эркюль Пуаро? Мы знаем его послужной список. Служил в бельгийской полиции, сопровождал в Англию группу беженцев из Льежского университета. Но Марпл?

– Сельская жительница, – усмехнулся Мюррей, – из деревни?

– Именно поэтому её никто не заподозрит. Она заметит то, мимо чего пройдет наш агент. Именно она помогла разоблачить лжевикария, догадалась, что он – немец, подсказала, где он мог хранить украденные в банке деньги и, как было сказано, опознала его в Лондоне. И не просто опознала, а проследила за ним до гостиницы, благодаря чему, сейчас знаем, где он работает и живет.

Полковник Блейк постучал карандашом по столу.

– Предложение разумное. Нам нужно разработать схему. Господа, перейдём к деталям операции.

Он сделал жест, и офицер разведки подошёл к доске.

– Оперативное имя шпиона – аспирант Ян Ван Дейк. Его цель – выяснение степени разработки ракетного оружия в Великобритании, Франции, России и США. Вот, – он поднял указку и подошел к карте, – его предполагаемый маршрут,

Полковник Блейк:

– Им придется преследовать аспиранта во всех странах. Мы дадим им легенды.

Подполковник Мюррей:

– В Лондоне лучше всего, чтобы за ним присмотрел капитан Гастингс. Капитан, мы вас внедрим в лабораторию Арчибальда Лоу в качестве буфетчика. А когда он двинется дальше, наступит очередь семейной пары.

Полковник Блейк:

– Отлично, а в России?

– В России Пуаро и мисс Марпл будут беженцами из западной области, занятой немцами. Подготовим паспорта: Пуаро – преподаватель французского языка при Лицее, Марпл – гувернантка в аристократической семье. Для возможных контактов Российское консульство сделает письмо, в котором местные власти будут им содействовать. Более сложная ситуация во Франции и США, время есть, мы свяжемся с соответствующими нашими службами. О финансовом обеспечении и явках доложит инспектор Баттл.

Инспектор Баттл:

– Для России они получают русскую валюту, во Франции – франки, в США – доллары. Явки уже определены: в Москве – продавец книжного магазина на Басманной улице, в Париже – хозяин прачечной в квартале Сен-Жермен, в Нью-Йорке парикмахер на 7-й улице.

Полковник Блейк:

– Господа, мы имеем дело с серьёзным германским технологическим шпионажем. Пуаро и Марпл не только должны следить за ним, но и понять, кто его куратор, куда идут сведения, и есть ли другие. Я ожидаю доклада от них в каждом пункте маршрута. Контакты через капитана Гастингса.

В той же комнате через два дня.

За письменным столом сидят Эркюль Пуаро, мисс Джейн Марпл, капитан Гастингс и инспектор Баттл.

На столе – два кожаных портфеля, документы, паспорта и свёртки денег.

Инспектор Баттл (с доброй улыбкой, но серьёзным взглядом):

– Мсье Пуаро, мисс Марпл, благодарим, что вы согласились. Операция крайне деликатная. Ваш объект – молодой человек по имени Ян Ван Дейк. Официально – аспирант из Нидерландов, собирает материалы для диссертации о Луне. На деле – шпион кайзеровской разведки.

Эркюль Пуаро (наклоняется вперёд, аккуратно поправляя галстук):

– Ах, шпион – это почти, как убийца, только вместо оружия – бумага, а вместо крови – информация. И всё же – преступник.

Мисс Марпл (ровно, с лёгким раздражением):

– Молодые люди нынче слишком легко меняют мораль на карьеру. Но мы с мсье Пуаро не позволим ему скрыться бесследно, поверьте.

Инспектор Баттл:

– Вот ваши документы, визитные карточки, билеты, блокноты, англо-русские разговорники. Деньги – в фунтах, франках и рублях. Ваша задача: установить наблюдение. Не вмешиваться, пока он не покинет Лондон. Мы должны убедиться, есть ли у него связной – и передаёт ли он кому-то добытую информацию.

Мисс Марпл:

– А если он действительно передаёт что-то... в руки врага?

Инспектор Баттл:

– Тогда вы получите команду действовать и даже применить оружие. Вот вам Браунинг и патроны. Но до тех пор – молчание, наблюдение, маскировка.

Эркюль Пуаро:

– Полагаю, вы оставляете это на усмотрение маленьких серых клеточек?

Инспектор Баттл (улыбается).

– Да, и пусть вам сопутствует удача. "Fortuna vobiscum sit"!

Глава 28. Арчибальд Лоу (Историческая справка)

Арчибальд Монтгомери Лоу (1888–1956) – британский инженер, физик, изобретатель и писатель, оставивший значительный след в истории науки и техники. Он считается одним из пионеров в области радиоуправления и предшественником современных беспилотных летательных аппаратов и ракетных технологий.

После окончания технического колледжа в Лондоне, Лоу работал вместе со своим дядей, Эдвардом Лоу в его инженерной компании, которая называлась "The Low Accessories and Ignition Company", и в то время была первой инженерной компанией в лондонском Сити.

Одержимый множеством идей, Лоу вскоре, в старинном кирпичном здании на одной из улиц Кенсингтона создал свою лабораторию, которая по воспоминаниям современников, больше напоминала комбинацию из театра механики и кабинета безумного гения: всюду провода, трубки, модели самолётов и ракет, стеклянные сферы, генераторы и паяльники.

Считается, что он был первым, кто внес большой вклад в появление радиотехнических систем наведения, поскольку был пионером в создании управляемых ракет, самолётов и торпед. Он был пионером многих направлений, часто наставляя на путь других, но отсутствие дисциплины мешала ему доводить проекты до завершения, часто отвлекался на новые идеи.

Многие из современников относились к нему скептически, из-за того что он употреблял титул "Профессор", хотя технически не имел право делать это, поскольку он не занимал должность в академической кафедре. Известна также его страсть к публичности и гласности. Его кредо: «Мир движется не теми, кто следует правилам, а теми, кто их нарушает с умом».

Лоу выпустил полноценную книгу «Будущее».

По его мнению, в 2025 году все люди будут просыпаться каждый день в одно и то же время в 09:30 по звуку радиобудильника.

Огромных гардеробных не будет. Повседневная одежда летом и зимой – гигиенический костюм, который будет подогреваться с помощью беспроводной связи. О приготовлении еды забудут. Завтрак будет подаваться по трубам с общей кухни. За завтраком громкоговоритель

займет место утренней газеты, сообщая все новости, в то время как телевизор заменит ежедневные иллюстрированные газеты.

Работу всё же никто не отменит. До нее люди будут добираться на личном автомобиле или на движущемся тротуаре. Для комфортной жизни ночью, Лоу предрекал создание светящейся в темноте травы.

Тем не менее, фантазер Лоу создал прообразы многих технических новинок: осциллографа и спектрометра, телевидения, придумал радиопередатчики и приемники.

Его вклад в науку был признан: в 1976 году он был посмертно включён в Международный зал славы космоса.

Глава 29. Буфетчик Гастингс

Гастингсу, конечно, приходилось пить чай в буфетах, но, что буфетчику нужно так много знать он не подозревал. В буфете Скотланд-Ярда его обучал старший буфетчик.

– Твоя обязанность: готовить и наливать чай и кофе, продавать пироги и сэндвичи, следить за чистотой и считать деньги. Смотри, как держать поднос, – старший буфетчик дает ему поднос с таким видом, словно вручает саблю перед боем. – Возьми фартук. Твоя главная задача: никого не облить и не болтать с клиентами.

В течение дня Гастингс постиг искусство приготовления чая и кофе, изучил иерархию британского чайного этикета, научился носить поднос, как государственную тайну, не роняя ни звука при открытии герметических дверей.

– И последнее. Буфет – центр притяжения. Там собираются учёные, охранники, секретари, рабочие. Кто-то пьёт чай, кто-то обсуждает новые идеи или чертежи, ругает цензуру. У тебя все под контролем – разговоры, неряшливые записки на салфетках. Твой кодекс: молчаливое присутствие. Слушать – да. Записывать – нет. Заметив подозрительного человека, даешь условный знак: уронишь около него ложечку. Подозрения фиксировать в памяти, и докладывать лейтенанту из военной разведки. Вопросы?

– Вопросы нет.

– Тогда, завтра ты – буфетчик в техническом колледже.

Технический колледж, где на втором этаже выделили большую комнату для лаборатории Арчибальда Лоу, расположен в Южном Кенсингтоне – сердце университетского района Лондона. Это – пятиэтажное здание из красно-коричневого кирпича с готическими элементами: стрельчатыми окнами, остроконечными фронтонами, изящной лепкой и декоративными башенками.

Ровно в двенадцать Гастингс с подносом, уставленным кружками с чаем, печеньем и бутербродами заходит в лабораторию Арчибальда Лоу.

За дверью, на которой висит табличка с надписью “Prof. A. M. Low – Experimental Laboratory”, царит хаос гения. Массивный деревянный стол у окна уставлен катушками проволоки, медными трубками, записями в кожаных тетрадах. В центре комнаты, на металлической платформе, укрепленной болтами, возвышается модель ракеты – около полутора метров в длину, с латунным обтекателем, и тонкими, тщательно выгнутыми стабилизаторами.

Рядом – радиопередатчик, ещё дымящийся от работы. Спутанные провода ведут к деревянному пульта управления с кнопками и рычагами – Лоу называет его “пультом мечты”. В углу стоит телевизионный передатчик, один из первых в мире – коробка с линзами и лампами, из которой торчат провода.

Лампы мягким жёлтым светом освещают развешанные на стенах чертежи и схемы, газетные вырезки и плакаты футуристических изобретений. Над камином висит портрет Герберта Уэллса с его автографом, плакат «Будущее уже здесь», и в рамке вырезка из "Times", где Лоу называют английским Жюлем Верном.

Ассистенты и помощники Лоу по его указаниям чертят необычные конструкции, собирают и испытывают странные, на первый взгляд, приборы. За отдельным столом бельгийский профессор математики Жюль Бейл и его аспирант Ян Ван Дейк, обложившись листками с формулами, щелкают арифмометром и листают таблицы логарифмов. Бейль поднял голову и, узнав Гастингса, уже открыл рот для приветствия. Но Гастингс, приложив палец к губам, успев подать ему известный знак молчания.

А сам Арчибальд Лоу, в чёрном жилете, с галстуком-бабочкой, в очках с толстыми стёклами, стоит, склонившись над моделью ракеты, и шепчет:

– Если бы только чуть больше мощности... чуть точнее пеленг... Мы обогнали бы целый век... Он встает, делает шаг назад, нажимает рычаг. В ракете что-то клацает, лампочка на пульте мигает — и красный огонёк загорается в отсеке запуска. Ракета дергается на месте.

– "Not bad... not bad at all."

Он улыбается. Где-то далеко в Европе грохочет артиллерия, но в этой лаборатории творится настоящее будущее.

С приходом буфетчика все работники усаживаются за общий стол, а Гастингс, одетый в белый передник, с подносом в руках, уверенно проходит по лаборатории, словно он всю жизнь только то и делал, что разносил чай между чертежами, приборами и формулами, выведенными на доске.

Сегодня он решил их удивить. На подносе дымится чай – не обычный, а по старому рецепту его матери, миссис Гастингс. Когда-то она заваривала его сыну в холодные школьные утра, когда предстоял трудный экзамен или сочинение, и говорила:

– Этот чай, Артур, – говорила она, – разгоняет туман в голове и заставляет мысли шевелиться не хуже, чем пинок в нужное место!

Состав был прост, но необычен: чёрный цейлонский чай, корень имбиря, немного розмарина, капля лимонного сока и – главное – щепотка тертого мускатного ореха. Мать Гастингса утверждала, что именно мускат и розмарин будят ум.

– Что за странный запах? – удивился один из ассистентов, нюхая кружку.

– Пахнет сосновым лесом и пирогом с пряностями, – добавила лаборантка, – но вкусно. И... бодрит, надо признать.

– Так вот же! Надо взять производную по времени! – осушив кружку, воскликнул Ван Дейк, и все засмеялись. – Можно попросить рецепт?

Лоу отпил глоток, задумался и кивнул.

– Надо будет включить вас в штат не только, как буфетчика. Теперь мы пьем только этот чай!

А между тем собирая чашки и вытирая стол, Гастингс обращает внимание, что дверцы шкафа, внутри которого лежат технические чертежи и какие-то детали, не запираются. Сейфа для секретных документов нет. Окна открыты, забраться в лабораторию ночью может любой.

В конце рабочего дня, когда все сотрудники покинули лабораторию, Гастингс нашел дверь открытой, Арчибальд Лоу проводил опасные опыты в одиночестве.

– Мистер Лоу, – Гастингс показал свою полицейскую карточку, – извините, что я вас оторвал от дел. Мне поручено, по совместительству, обеспечить секретность ваших работ. Идет война, и противник будет пользоваться любой возможностью выведать, над чем вы трудитесь для военного ведомства. Должен сказать, что это потребует кое-какие изменения. Надо установить сейф, куда вы в конце рабочего дня будете класть секретные документы. В шкаф будет встроен замок, от которого ключ будет только у вас. Сейчас ключ от двери вашей лаборатории висит в вестибюле у проходной среди ключей других аудиторий колледжа. Вы больше его не будете вешать на стенку, а станете носить с собой. Иногда, во время воздушной тревоги, сотрудники просто бросают все, чтобы уйти в укрытие. Надо, что-то придумать, чтобы в это время пустая комната оставалась под наблюдением. Да, еще вы любите общаться с

прессой, будьте осторожны, и ни в коем случае не давайте интервью в лаборатории. Для этого в колледже есть комната для гостей.

Лоу (поднимается и нервно ходит по комнате):

– У вас есть основания полагать, что кто-то копирует или выносит сведения?

– У меня есть основания полагать, что здесь недостаточный контроль. И последнее, вы хорошо знаете всех ваших сотрудников?

– Да, я с ними учился в колледже. Кроме, пожалуй, двоих. Профессор математики Жюль Бейль – беженец из Бельгии, мне его рекомендовали, как вполне надежного человека. И его аспирант, очень старательный молодой человек Ван Дейк. Одержим гипотезой Пуанкаре, и мечтает первым ступить на Луну!

– Он приехал вместе с Бейлем?

– Нет, позднее. Его привел Бейль.

– И чем он занят?

– Помогает Бейлю. Они делают расчёты изменения скорости ракеты во времени с учетом сопротивления воздуха. Меня также интересует вопрос, связанный с изменением массы ракеты в момент работы двигателя и как это влияет на ускорение? Понимаете, это классическая задача с переменной массой. Проблема описывается уравнением, которое, между нами говоря, ещё никто в Англии не осмелился применить к ракетам... Но, я увлекся. Большое спасибо. Я и сам уже хотел поднять вопрос о безопасности. Нет ли у вас еще вашего чая?

– Чай сделаю, а аспирант пусть занимается гипотезами, а секретной работы ему не поручайте. Надо разобраться.

Глава 30. Воздушная тревога

В этот день в лаборатории Арчибальда Лоу шла напряжённая работа. Аспирант Ян Ван Дейк, старательный молодой человек с живым умом и неутомимой энергией, ловко обращался с приборами, помогал ассистентам и записывал показания.

Буфетчик Гастингс разносил чай. Он ходил по лаборатории, легонько постукивая по полу деревянной тележкой с фарфоровыми чашками и жестяной коробкой с печеньем. Шутил, ставил чашки на столы, но глаза под густыми бровями внимательно следили за аспирантом.

Вдруг – резкий вой сирены. Воздушная тревога.

– Всем немедленно в укрытие! – крикнул Лоу, и незаметно нажал кнопку, скрытую под своим столом. Это было его последнее изобретение, о котором никто еще не знал: на потолке комнаты, за вентиляционной решеткой была спрятана видеокамера, передающая изображение на экран телевизора, установленного в потайной комнате, куда сразу вошел Гастингс. Он увидел на экране, как сотрудники покидают комнату, а аспирант схватился за живот и завернул в туалет. Вот, приспичило некстати, подумал Гастингс.

Но через пару минут аспирант вышел, вернулся в пустую комнату и кинулся к чертежам, разложенным на столе. Он достал фотоаппарат «Кодак», который всегда носил с собой. Вся лаборатория знала, что он восхищен Лондоном и хочет собрать для иллюстрированного журнала в Нидерландах замечательные виды английской столицы. Он уже проявлял пленки в ближайшем фотоателье, и показывал всем великолепные виды, а ему давали советы, что еще следует снять.

На этот раз он снимал не виды Лондона, а оставленные в спешке чертежи. Когда сирена возвестила об окончании тревоги. Ян снова спрятался в туалете, ожидая, пока все вернутся и начнут работу. Он вышел позже всех, с измученным видом.

В тот же вечер Ян Ван Дейк направился в фотоателье. На плече у него была кожаная сумка, внутри – драгоценная катушка с кадрами секретных чертежей.

Но едва он свернул на Олдвич, к нему неожиданно пристал пьяный в заляпанном грязью пальто.

– Деньги есть, брат? Или в морду дать? – пробормотал он, хватая аспиранта за рукав. Ян попытался вырваться, но подошёл полицейский, и оба были препровождены в участок. Разбирательство длилось двадцать минут. Ян не заметил, как один из офицеров подменил катушку: на её месте положили плёнку с безобидными снимками лондонских улиц, автобусов и туристов. Ян вышел, сердито отряхивая рукав, и направился в фотоателье. Фотограф кивнул, взял катушку и с хриплым смешком убрал в ящик.

– Всё как обычно?

– Всё. Никто не следил, – заверил Ян.

На вокзале он остановился у камеры хранения, взял чемодан и портфель. Ян заранее придумал фокус: дважды повернул за угол, зашёл в кафе, вышел через чёрный ход и пересёк улицу по диагонали. Он надеялся заметить хвост – но, ни один силуэт не показался подозрительным. Чисто, подумал он с облегчением и вошел в вагон. Через два часа будет порт Тилбери, а там – корабль и прощай Англия.

Через несколько минут в это же вагон с сумками поднялись пожилая дама в шляпке с вуалью и мужчина с аккуратными усами и тростью. Он вежливо подал ей руку. Они прошли мимо и сели в соседнем купе.

Ян даже не взглянул на них. Он с гордостью показывал одному из попутчиков свои фотографии с Тауэрским мостом и Вестминстером. Он делал это не ради хвастовства – просто хотел укрепить свою легенду: фотограф-любитель, запечатлевший английскую столицу.

Порт Тилбери шумел и пах рыбой, углём и сырой солью. В октябрьском воздухе стоял густой туман, сквозь который слышались крики грузчиков, хлопки тросов и свист паровозного состава, маневрирующего у причала.

Ян нашел свой корабль, идущий в Петербург.

У трапа стояла очередь. Портовый клерк проверял документы. Ян подал паспорт – поддельный, но сделанный искусно: на обложке было выбито «Нидерланды», внутри – аккуратно вклеенная фотография и виза. Имя – Ян Ван Дейк, аспирант.

– Цель поездки?

– Сбор материалов для диссертации по освоению Луны, – ответил Ян, устало, почти без интереса.

– Проходите.

Ян поднялся на трап, бросив короткий взгляд на корабль. Теплоход «Эвридика» не был новым, но держался уверенно: два трубы, палуба с деревянным настилом, пассажиры – деловые люди, чиновники, туристы.

Он прошёл к своей каюте с окном на море, недалеко от спасательных шлюпок.

Через час, на палубу поднялась пожилая пара. Женщина в серой вуали с сумкой. Мужчина – коренастый, с тростью, в цилиндре, усы безукоризненно закручены. В руке дорожный саквояж. Он помог спутнице подняться по трапу и, вежливо поклонившись матросу, подал документы.

– Эркюль Пуаро, садовник. Моя жена – Джейн Марпл, ищет работу гувернантки. Мы плывём в Петербург. Дела семейные.

Клерк нашёл их фамилии в списке и, молча, пропустил.

– Ах, как свежо! – сказала мисс Марпл, ступая на палубу. – Прямо чувствую: будет путешествие с приключениями.

Пуаро хмыкнул.

– Я предпочёл бы без приключений, *chère amie*. Но не нам выбирать. Наш объект уже на борту. У него каюта 317, через две от нашей. Он уверен, что всё прошло идеально.

– А если он всё-таки почувствует слежку?

– Мы не следим. Мы просто путешественники. Я с тростью, вы – со спицами. Он будет искать хвост – и не найдёт. А когда придёт в пункт назначения, мы уже будем там.

Вечером Ян вышел на корму. Море было спокойно. Он стоял, глядя вдаль, где в тумане терялась линия берега. В руке – сигарета, в глазах – уверенность. Он сделал это. Обошёл англичан, сфотографировал чертежи, сыграл спектакль и кому надо предал пленку. Впереди – Россия, Калуга, где под видом аспиранта он должен будет выяснить, над чем работает русский профессор Константин Циолковский.

Глава 31. Константин Циолковский (Историческая справка)

Константин Эдуардович Циолковский (1857-1935) – российский и советский учёный-самоучка, разрабатывавший теоретические вопросы космонавтики. Не получил высшего образования, но сумел в 1879 году сдать экзамен на звание народного учителя и преподавал математику и физику в училищах Боровска и Калуги. Он никогда не злоупотреблял наказаниями и не повышал голоса, умел рассказывать и объяснять.

В это время он прочитал фантастический роман Жюль Верна "С Земли на Луну", был буквально очарован идеей космических путешествий и начал интересоваться космосом. Циолковский воспринимал космос не только как научную задачу, но и как духовное стремление человечества к бесконечному развитию. Он говорил: «Земля – колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели».

Одной из его главных идей было создание проекта поселения на Луне. В 1887 он написал фантастическую повесть «На Луне». Циолковский предлагал построить на Луне город-коммуну, где люди могли бы жить и работать в условиях невесомости. Он считал, что такая колония могла бы стать первым шагом к освоению космического пространства и созданию новых форм общества. Циолковский разрабатывал подробные планы этого поселения, включая архитектуру зданий, системы жизнеобеспечения и транспортные средства для перемещения по поверхности Луны. Он также рассматривал возможность использования солнечной энергии для питания инфраструктуры колонии.

В 1892 году был переведен в Калугу, где занимался научной деятельностью и прожил до конца жизни.

В работе «Свободное пространство» Циолковский сформулирована мысль об использовании реакции истекающей струи для механического движения, а в 1903 году выходит в свет его знаменитая статья «Исследование мировых пространств реактивными приборами». «Эта классическая работа, – сказал С. П. Королев, – по праву считается первой в мире научной работой, посвященной вопросам теории реактивного движения и ряду важнейших технических предложений в области ракетной техники».

Эта статья была опубликована в 1903 году в журнале «Научное обозрение» № 5, который рассылался в зарубежные университеты и сделал его имя известным за границей.

Обладая в высокой мере чувством научного предвидения, он ощущал приближение космической эры и как бы готовил человечество достойно встретить новый период в истории общества. Он предвидел ракеты, искусственные спутники, орбитальные станции и выход в открытый космос задолго до того, как они стали реальностью.

Глава 32. Студент из Вильно

Рано утром 17 октября 1914 года на станции Калуга задрожали рельсы – медленно подходил паровоз, тяжёлый, чёрный, покрытый слоем пыли и копоти. Из-под колёс шёл пар, как из пасти рассерженного зверя. Короткий, коренастый, с высоким дымоходом и округлым паровым котлом, он тащил за собой шесть тесно набитых деревянных вагонов, из которых выглядывали лица беженцев.

Машинист в замасленном ватнике, обгоревшей фуражке и с сажей на щеках. слез с локомотива по железной лестнице и вытер лоб рукавом. Его помощник – молодой паренёк, почти мальчишка, – остался наверху, бросая в топку лопату угля. Оба были молчаливы, уставшие, как и их машина, – за плечами было уже три таких рейса за сутки.

Станция Калуга едва справлялась с потоком прибывающих людей. С началом войны, особенно после немецкого наступления на Польшу, Галицию и Литву, сюда тянулись эшелоны с беженцами – чиновниками и мещанами, учителями и священниками, стариками и детьми. Люди везли с собой узлы, сундуки, корзины, иногда ехали только с тем, что на себе. На платформе было тесно: кто-то сидел на своем чемодане, кто-то лежал на расстеленной на земле соломе.

Начальник станции, краснолицый, охрипший от крика, распоряжался подачей воды и дров, согласовывал с городом списки нуждающихся. Городская управа и земство организовали приёмный пункт прямо на станции. В бывшем складском помещении поставили длинные лавки, разложили тюфяки, рядом кипел самовар. Врачи и сёстры милосердия осматривали больных. Школьные учителя и гимназисты добровольно помогали с регистрацией – спрашивали имена, кто, откуда, есть ли родственники в Калуге.

Тех, кто был в состоянии идти, вели в город, размещали в школах, на квартирах у добровольцев, в домах купцов, предоставивших помещения. Временное общежитие устроили в здании народного училища. Детей старались держать вместе с матерями. Плач и кашель не смолкали ни днём, ни ночью.

Слухи ходили разные: что Калугу тоже могут бомбить, что поездов больше не будет, что беженцев скоро отправят дальше – кого в Тамбов, кого в Воронеж. Но пока они были здесь, в холодной, осенней, перегруженной Калуге, прижимая к себе уставших и испуганных детей.

Среди тех, кто сошёл с последнего вагона, был слегка хромающий молодой человек в поношенном сюртуке, с саквояжем. Он опирался на трость с резной рукояткой.

– Я – Ван Дейк, студент университета из Вильно, – представился он на приёмном пункте, – у меня письмо от профессора университета к господину Циолковскому по научному делу.

Получив адрес: Буровая 1 и продуктовый набор, он зашагал в город.

Когда он отошел, стоявшая в очереди пожилая пара беженцев, мужчина и женщина средних лет, спросили адрес графини Русаковой.

– Мадам знакома с графиней Русаковой? – осведомился чиновник.

– Я работала с ней в организации Красного Креста, – сообщила мадам, – она приглашала меня в гости и знает, что я обожаю чай с молоком.

Пока они разговаривали, ее муж изучал редкий сорт мха на вокзальной клумбе. Получив адрес: Буровая 3, они наняли кэб и, вскоре, студент с тростью с резной рукояткой, остался далеко позади.

Дом Константина Эдуардовича Циолковского стоял в стороне от суеты – на небольшой горке у реки, двухэтажный, скромный, со скрипучими ступеньками и тишиной, которая сразу говорила: здесь работают мысли. Второй этаж был надстроен недавно, после того, как Ока во время наводнения залила первый этаж и испортила его библиотеку и рукописи.

Циолковский сначала отнёсся с недоверием к неожиданному гостю – худощавому молодому человеку с вежливыми манерами и акцентом, неуловимо выдающим чужака. Но письмо от знакомого профессора из Виленского университета, приложенное к его просьбе о ночлеге, показалось убедительным.

Циолковский постоял у окна и, молча, разглядывал письмо, которое ему протянул студент. Бумага была тонкая, с гербом Виленского университета, текст написан ровным, слегка выцветшим почерком:

«Дорогой Константин Эдуардович!

Позвольте рекомендовать Вам моего ученика, Яна Ван Дейка, – человека пытливого ума и серьёзного отношения к науке. Несмотря на нелёгкие обстоятельства, он продолжает работать

над темой диплома, которая, как Вы сами понимаете, ныне не в почёте. Речь идёт о возможности полёта человека на Луну. Я прекрасно понимаю, что в разгар войны рассуждать о таких вещах почти кощунственно. Но верю, что пройдет время, и человечества снова потянет к звёздам. Прошу, если сможете, помочь Яну советами.

С уважением и надеждой, профессор П. К. Слепков

Университет Вильно»

Циолковский долго молчал, потом положил письмо на стол.

– Похоже, Петр Кириллович всё ещё надеется, что наука переживёт пушечный грохот.

Ван Дейк скромно кивнул.

– Он проводил меня словами: *Inter arma silent Musae* «Когда стреляют пушки, музы молчат».

Циолковский отошёл к книжной полке, взял потрёпанную тетрадь.

– Луна... На ней, вероятно, нет атмосферы. Придётся брать её с собой. А для этого – расчёты, вес, давление... Не каждый решится думать об этом серьёзно. И Вы хотите об этом написать диплом?

– Да, под вашим руководством, если позволите.

Циолковский взглянул на него пристально.

– Попробуем. Только знайте: я отличаю интерес от подделки. И если Вы пришли не за знанием – рано или поздно я это пойму.

Студент чуть улыбнулся. Вежливо. Без тени испуга.

Так студент Ян Ван Дейк обосновался в одной из маленьких комнат в доме изобретателя. Он был учтив, не шумел, внимательно слушал и спрашивал, записывал, особенно когда речь заходила о теориях межпланетных перелётов.

После скромного завтрака – картофель, хлеб, желудевый кофе – они сидели в рабочей комнате Циолковского. На столе лежали схемы старых аэростатов, листы с формулами и выцветшие страницы с расчётами по выведению тела в космос. Ян Ван Дейк с видимым уважением рассматривал бумаги, едва касаясь пальцами.

– Константин Эдуардович, – произнёс он, наконец, сдержанно, будто обдумывал каждое слово, – а как Вы полагаете, на чём полетит человек на Луну?

Я думаю, даже стратосферный аэростат вряд ли до нее доберется.

Циолковский встал и достал с полки почти пожелтевший чертёж. Развернул. На нём – цилиндрическая конструкция с отсеками, соплом и подписью: «реактивный летательный аппарат с постоянной подачей горючего».

– Ракета, – сказал он спокойно, – на ракете мы и полетим. Но не раньше, чем человечество научится верить не в силу пушки, а в силу мысли. Ты читал мою статью «Исследование мировых пространств реактивными приборами»?

– Да, копию вашей статьи в пятом номере русского журнала «Научное обозрение», мне прислали из Гейдельберга. Я ее почти выучил наизусть.

– Тогда ты поможешь мне подготовить ее очередное издание. Есть новые мысли о возможности сделать ракету из ступеней. Когда нижняя ступень выгорает, она отбрасывается, и зажигается следующая. Это как сбрасывать балласт, чтобы легче подняться выше. И еще, я вывел формулу: скорость ракеты зависит от массы топлива и остаточной массы корпуса. Чем больше соотношение – тем выше конечная скорость. Я склоняюсь к использованию жидкого топлива и использования гироскопов и стабилизаторов. Чтобы аппарат не кувыркался в пустоте, а шёл к цели. А ты интересуешься Луной? Хорошо. Но запомни: сначала нужна хорошая математика... и ещё терпение. Очень много терпения...

– Мой рабочий день такой: подъем в семь, зарядка, завтрак, просмотр свежих газет. С восьми до двенадцати – научная работа. Потом час прогулки у реки и после обеда эксперименты в моем лабораторном уголке и прием посетителей. Перед сном легкий ужин, чтение, прогулка в

саду. Ложусь я рано, после девяти. Ты, конечно, вечером захочешь как-то развлечься, учти, в десять все двери будут заперты.

Глава 33. Ошибка Циолковского

Прошла неделя с тех пор, как студент из Вильно Ян Ван Дейк поселился в доме на окраине Калуги. Он оказался толковым помощником: аккуратно чертил, переписывал формулы, помогал чинить приборы, даже сумел наладить работу старого маятника, который Циолковский давно считал безнадежно испорченным.

– У тебя необычный дар точности, – заметил Константин Эдуардович, разглядывая аккуратно маркированные банки с химическими реактивами. – Не каждый студент с таким рвением подходит к делу.

Ван Дейк лишь смущенно пожал плечами.

– Война отобрала многое. Но время и ум – пока ещё мои.

Он с интересом слушал, как Циолковский объяснял принципы действия реактивной тяги, обсуждал условия движения в вакууме, рассуждал о возможности многоступенчатой ракеты. Под его руководством Ван Дейк даже помогал собирать небольшую модель на пружинном механизме – и восхищался, глядя, как она срывается с места.

Потом в кабинете появился новый, ещё пахнущий свежим лаком, шкаф с застекленными дверцами.

– Наконец-то я решился купить шкаф. Уговорила жена. Комната стала тесной от бумаг, чертежей, тетрадей, связок газет, банок с химикатами и старых приборов. А мои бумаги уже лежали даже под кроватью. Поможешь мне все разложить?

Студент стал перебирать папки, помогая аккуратно расставлять их на полку шкафа. Каждая папка была подписана рукой Циолковского: "О ракете и трубе", "Про обсерваторию на Луне", "Форма ракеты", "Исследование межпланетных скоростей", "Гипотезы о вакууме", «Проект Х», «Горючее», «Формулы устойчивости».

– Вот это, – сказал Циолковский, с особой теплотой касаясь папки с надписью "Реактивный прибор с жидким топливом", пожалуй, самое важное. Но кто сейчас поймёт? Война...

Циолковский не был скрытным – наоборот, он горел желанием, чтобы кто-то понял и поддержал его идеи. Даже студент из Вильно.

Это была ошибка.

Когда последняя папка устроилась в шкафу, Ван Дейк уже мысленно писал рапорт о работах Циолковского, знал, где стоит какая папка, и что представляет наибольший интерес. Теперь предстояло решить, что он возьмет с собой, когда придет время исчезнуть.

По вечерам, убрав бумаги, Циолковский уходил в свою библиотеку или проводил время с семьей. Ван Дейк оставался в мастерской – чтобы подмести пол или разобрать инструменты. Именно тогда его взгляд подолгу задерживался на шкафе, в который Циолковский собирался встроить замок, но пока не находил времени.

Он намеревался побыть в этом месте, сколько потребуется, но неожиданно его пребывание в Калуге пришлось прервать.

Вечером на выходные приехала младшая дочь Циолковского – юная Мария. Ван Дейк с интересом слушал рассказы сельской учительницы и уже обдумывал, как начать за ней ухаживать, но она сама ему помогла.

– Ян, как тебе наш город? Не такой красивый, как Вильно?

– Признаться, я пока ничего не видел, твой отец завалил меня работой!

– Я думаю, папа не будет против, если завтра утром я покажу тебе Калугу.

Погода благоприятствовала и утром молодая пара не спеша гуляла по городу. Доверчиво взяв его под руку, Мария рассказывала об истории этого губернского города, показала старинный арочный мост через овраг – почти как в Риме, построенный по приказу Екатерины II. Зашли в Гостиный двор и Торговые ряды, где калужские купцы продают лучшие пряники и сбитень. Посмотрели церковь Космы и Дамиана и прогулялись по набережной Оки.

– Очень красивый город, – согласился Ван Дейк, но я люблю свое Вильно.

– У меня скоро будет урок о западных землях России, – сказала Мария, – Расскажи мне о Вильно.

Она уже кое-что читала о Вильно, но одно дело справочник, а другое – живой человек. Она расспрашивала о старинных храмах, об известных исторических памятниках, о школе, где он учился.

– Забирался ты на Гедиминову башню? Оттуда, говорят, видно всю старую часть города? А хлеб вы обычно покупали у евреев на Немецком рынке или на Галицкой площади?

Он упомянул реку – и назвал её «Двина», хотя в Вильно река Виляя. Когда она с лёгкой усмешкой поправила его, он быстро согласился:

– Ах да, конечно, Виляя, извини, оговорился.

Но это была не единственная его оговорка.

Постепенно она почувствовала, что ответы его были уклончивые, иногда задерживались, словно он не знал, что сказать. Точно ли он из Вильно? Как это проверить?

– А здание Русского драматического театра на Захарьевской улице – оно ведь в русском стиле, правда? Ты был на постановке «Грозы»?

Про театр в Вильно она читала, а название улицы не знала и сказала первое, что ей пришло в голову.

– Конечно, был.

Он кратко описал содержание постановки «Гроза», а название улицы не поправил. Тогда еще один провокационный вопрос.

– Пишут, что с вокзала до центра там пустили электрический трамвай. Ты успел покататься до войны?

– Конечно, успел. Вместе с другими беженцами на нем уехал на вокзал.

Никакого трамвая там нет. Он точно не из Вильнюса.

– Очень интересно, пошли домой, а то опоздаем к обеду, и мама будет сердиться.

Уже укладываясь в постель, он услышал за дверью приглушенный разговор отца с дочерью. Приложив ухо к замочной скважине, сумел разобрать отдельные слова. «Он не из Вильнюса. Отец вызови завтра полицию, это – шпион».

Ван Дейк встал с постели и быстро уложил вещи, которые через окно спустил в сад. Когда в доме все затихло, он выждал время, открыл шкаф и взял папку с расчетами и чертежами ракет. Папка вместилась в коробку из-под сапог, что он нашел во дворе. Он тихонько выбрался из дома и пошел на станцию, где сдал коробку в камеру хранения. Взял самый ранний билет на шестичасовой поезд в Москву и, улегшись на пол в станционном зале среди других беженцев, заснул тревожным сном.

В половине шестого громкоговоритель сообщил о прибытии поезда на Москву. Он быстро взял в камере хранения свою коробку, проверил секретный узел, и уже когда забрался в вагон, вспомнил, что забыл на станции свою палку. Бог с ней, изображать хромоту уже нет надобности. И, когда последние постройки Калуги пропали в окне, спокойно вздохнул.

Глава 34. Гости графини Русаковой

Пожилая пара, с которой мы уже познакомились на Калужском вокзале, вышла из кэба и подошла к красивому особняку, стоявшему на пригорке.

У ворот — каменные львы, следящие за каждым гостем. Французские окна окружены белыми лепными украшениями, а с расположенной над входом, обвитой виноградом, застекленной веранды, открывался роскошный вид на Оку. За домом был виден сад с липовой аллеей, цветниками и фонтаном в центре. А дальше хозяйственные постройки: флигель для прислуги, конюшня и каретный сарай.

На их стук дверь отворила горничная. Она скептически осмотрела пожилую пару и сказала:

— А у нас уже живет семья беженцев.

— Девушка, передайте графине, что ее хочет видеть Эркюль Пуаро.

Через минуту на крыльцо вышла Вера Русакова.

— Мсье Пуаро! Вот уж кого не ожидала здесь встретить! Как я рада! Ваша супруга не обидится, если я вас обниму?

— Мисс Марпл не обидится.

Они обнялись и вскоре на веранде, горничная готовила для гостей комнаты, а кухарка расставляла еду.

— Мсье Пуаро, я думаю, не для того, чтобы повидать меня, вы потратили время и деньги на такой большой путь с мисс Марпл?

— Ах, графиня, вы не изменились, — Пуаро, поцеловал ей руку. — Всё так же прекрасны, как и ваша интуиция. Вы сразу почувствовали, что мы приехали не просто так.

— Это не трудно было догадаться. У вас никогда не бывает «просто так». Увы, в Калуге сейчас хватает дел для тех, кто равнодушен к судьбе Империи.

— Тогда расскажите немного о себе. Чем вы заняты?

— Тем же, что и большинство российских женщин. Собираю вещи, продовольствие и одежду для солдат. Участвую в благотворительной организации «Всё для фронта, всё для победы». Вы могли заметить, что в парадной зале теперь стоят кровати, а на рояле — коробки с бинтами. Приютила семью беженцев. Эти бедные люди из Галиции, потерявшие дом, здесь стараются не быть мне в тягость. Марта убирает в доме, Янис ухаживает за садом, а их дочь Элла сегодня будет мыть, и заклеивать на зиму окна. Теперь очередь за вами...

— Вот он, — прервала их разговор мисс Марпл.

Из окна хорошо было видно, как к калитке соседнего дома подошел хромающий молодой человек. Ему открыли, и он вошел в дом.

— Он старается выглядеть растерянным, — заметила мисс Марпл, — но это не то поведение, какое бывает у настоящего беженца. Это скорее выученная роль. Как у человека, который всю дорогу репетировал, как себя вести и что сказать. И уверенно подделал хромоту. Наверное, чтобы ни у кого не возник вопрос, почему он не мобилизован.

— Прекрасное наблюдение, мадемуазель, — кивнул Эркюль Пуаро. — Он прибыл сюда не случайно. Это чей дом, мадам?

— Константина Эдуардовича Циолковского.

— Вы с ним знакомы?

— Конечно, мы добрые соседи. Он — замечательный человек. Мы все ходим по земле, а он — по Луне!

— И вы бывали у него дома?

— Бывала. Его супруга, Варвара Евграфовна, приглашает на праздники. А самого трудно было оторвать от стола, где он, склонившись над чертежами, аккуратно подправлял графитным карандашом тонкие линии — траектории, формулы, конструкции.

— Простите, что отвлекаю, — однажды сказала я ему, — а вы все трудитесь!

— Вы никогда меня не отвлекаете, — не оборачиваясь, отозвался он. — Вы — как гостя с другой планеты. Здесь редко бывают люди, которые думают сердцем.

Это была не просто учтивость. Циолковский говорил странно, но с добротой.

– Мне иногда кажется, что земля под ногами становится зыбкой, – сказала я, подходя ближе. – В Лондоне, среди чужих, я держалась. Здесь – моя родина. Но такое чувство, будто надвигается буря, которую не остановить.

Он отложил карандаш и повернулся. На нём был простой пиджак, залатанный на локте, и жилет с латунными пуговицами. В глазах — неподдельное внимание.

– Буря, да. Но в бурю иногда видно лучше. Потому что исчезает всё лишнее. Остаётся главное.

Он взял один из своих рисунков – изогнутую лестницу, уходящую вверх, к небу.

– Знаете, графиня, – сказал он, прищурившись, – я однажды придумал образ: лестница, по которой человек поднимается от земли к звёздам. Но по-настоящему он двигается не ногами, а верой. Веру нельзя измерить, но без неё ракета не взлетит. Ни одна. Даже самая совершенная.

– Он подарил мне этот рисунок. Еще он дал мне свою книгу «На луне». Я ее уже прочитала. Интересно. Вы не читали? Возьмите на память! Вас интересует его молодой гость?

– Да, мы подозреваем, что это немецкий шпион.

– Ах, я немедленно сообщу полицмейстеру!

– Дорогая Вера, этого делать не надо. Мы за ним следим. Нас интересует, что он там будет делать. Здесь с веранды отлично видно, когда он будет выходить из дома. Я и мисс Марпл будем меняться и ничего не пропустим. Но есть проблема, хотелось бы узнать, что он делает в доме, но можем его спугнуть.

– Мсье Пуаро, Элла сегодня будет мыть, и заклеивать окна у меня, а завтра ее пригласили, то же самое, сделать в доме Циолковского. Она для вас посмотрит, что надо, надо только ее научить.

– Доверьте это мне, – вступила в разговор мисс Марпл. – Я с ней поговорю.

Вечером она попросила Эллу выйти в сад и быстро нашла подходящую тему для разговора: мыть и заклеивать окна в ее деревне – было обычным делом. Окончив с окнами, она попросила присмотреть за молодым беженцем, что он делает, с кем и о чем разговаривает, как выглядит его комната и его вещи, но ничего не трогать, и в разговор не вступать.

На следующий день, она спросила:

– Элла, ты побывала в соседнем доме?

– Да, помыла и заклеила все окна, и сделала все, что вы просили.

– Где он в это время был? Ты с ним разговаривала?

– Пришлось. Попросил поосторожней, у окна стоит его стол с какими-то чертежами. Я в чертежах ничего не понимаю. Сказал, что студент. Хотел меня обнять. Постель аккуратно застелена. На полу саквояж и коробка с сапогами. Но я, проходя, случайно ее задела. Легкая, пустая. Он вежливый, а глаза – настороженные. Надел пальто и ждал, пока я уйду.

– Спасибо, Элла, вот тебе рубль. Купи себе мороженое...

Наружное наблюдение мало что дало. Студент часто гулял с Циолковским по берегу Оки, в другой раз осматривал город с его дочкой, и в этот вечер в его комнате необычно долго горела свеча. Пуаро велел мисс Марпл отнести к выходу их сумки, а сам сел за письмо Гастингсу.

«Дорогой Гастингс! Пишу тебе из Калуги, где наш студент гостит у Циолковского, а я с мисс Марпл – у Веры Русаковой. Ты, конечно, помнишь эту обаятельную русскую графиню. Оказалось, что ее дом находится рядом с домом Циолковского, и она даже с ним знакома. А с веранды виден его дом и мы с мисс Марпл по очереди ведем наблюдение.

Но, сначала о нашем путешествии. В общем, оно прошло без особых приключений. Мне было необходимо узнать, за кого он себя выдает и куда направляется. Мы вслед за ним сели в поезд Петербург-Москва, и я сумел договориться с местной полицией о таком трюке. В его купе подсадили двоих: упитанного пожилого мещанина с большим чемоданом и молодого весельчака с бутылкой. Ночью весельчак вышел с чемоданом мещанина, а, когда тот заявил в полицию о краже, на одной из станций составили протокол, куда вписали нашего студента, как свидетеля.

Ему пришлось предъявить документы. Он едет как Ян Ван Дейк, студент из Виленского университета с научным поручением к Циолковскому. Вот куда целится германская разведка.

Вероятно...»

Письмо не было окончено, быстро вошла мисс Марпл, чья очередь была следить за домом Циолковского.

– Мсье Пуаро, он вышел через боковую дверь в сад со своим саквояжем и коробкой из-под обуви и направился в город.

– Жаль, что мы не сможем попрощаться, – сказал Пуаро, – что-то случилось, и он решил сбежать. Пошли на вокзал.

Он взглянул на часы. Полвторого.

Они взяли свои вещи и неслышно покинули дом. Шли быстро дворами, по другим улицам, Пуаро заранее разыскал короткий путь, пришли первыми на станцию.. Видели, как студент вошел в вокзал, сдал в камеру хранения коробку из-под обуви, купил в кассе билет, улегся на пол и заснул.

Пуаро достал полицейское удостоверение, выданное ему в Российском посольстве в Лондоне, и прошел в камеру хранения. Кладовщик нашел коробку.

Тут его ждало разочарование. Коробка была прочно обвязана шнурком, и узел он развязать не мог. Подошла мисс Марпл.

– Дайте-ка глянуть.

– Узел – ловушка, – сказал Пуаро – Очень распространен среди шпионов. Если развязать без знания секрета, завязать уже невозможно. Шпион сразу поймёт, что коробку вскрывали.

– Ах, но это вовсе не военная выдумка, – с мягкой улыбкой проговорила мисс Марпл. – Я знаю этот узел. Так в Сент Мэри Мид его завязывают при работе с ирландским кружевом. Называется он «двойной щучий виток». Моя подруга миссис Скиннер использовала его, чтобы держать мотки пряжи на месте – и всегда знала, кто трогал её корзинку.

Пуаро изумлённо приподнял бровь:

– Вы, мадемуазель, неисчерпаемый источник удивлений.

– Это всего лишь опыт, мсье Пуаро. Вязание учит терпению и вниманию.

И она, аккуратно подцепив ногтем тонкую петлю, с ловкостью и точностью, достойной часовщика, начала расплетать узел. Через несколько минут коробка была открыта, ни одно волоконец не было надорвано. Внутри лежала старая газетная бумага, а под ней та самая папка Циолковского. Пуаро вынул папку и, чтобы вес коробки не изменился, взамен положил книгу «На луне», укрыв ее газетой, а мисс Марпл восстановила узел.

В кассе им сообщили, что студент взял билет в Москву, и они сделали то же самое.

Отошли подальше и улеглись на солому договорившись спать по очереди.

Когда подошел поезд, они подождали, пока студент войдет в вагон, а потом расположились неподалеку.

Застучали колеса, прощай Калуга.

Глав 35. Роберт Эсно-Пельтри (Историческая справка)

Сын текстильного фабриканта (1881-1957), Роберт Эсно-Пельтри с детских лет проявлял исключительную склонность к технике. В 13 лет, получив в подарок игрушечный поезд, он сам сконструировал к нему целую сеть путей с электрическим освещением, постом перевода стрелки и автоматической сигнализацией. В 17 лет он устроил в своей маленькой механической мастерской настоящую физическую и химическую лабораторию и занялся изучением радиотелеграфии. Уже тогда он ищет оригинальные решения. Вместо того, чтобы покупать или копировать, он сам изобретает необходимые ему устройства.

В 1902 году он получает степень бакалавра наук в Сорбонне, и отныне посвящает все свое время исследованиям в области воздухоплавания. Его теоретические исследования дополняются конструированием аппаратов, которые он сам испытывает, проверяя достоверность результатов своих исследований.

Роберт Эсно-Пельтри является одним из первых пионеров, предвидевших в своих теоретических исследованиях и подтвердивших своими экспериментами возможность космических полетов. К сожалению, со стороны государственных и промышленных организаций он не встретил почти никакой поддержки, так как к его проектам относились с недоверием. Учитывая большое количество и значимость его оригинальных проектов, можно утверждать, что он сделал бы несравненно больше, если бы нашел понимание и помощь.

В 1908 г. Эсно-Пельтри уже считал, что космические полеты вполне возможны. А позже, на конференции в Петербурге в феврале 1912 года первый указывает на теоретическую возможность сообщения между Землей и Луной.

В Париже него была собственная лаборатория, и он активно использовал её для проведения научных и инженерных исследований.

Роберт Эсно-Пельтри участвовал в Первой мировой войне и был произведен в офицеры ордена Почетного легиона. Он участвовал в разработке различных военных технологий и приборов, в том числе связанных с баллистикой и артиллерией, опираясь на свои глубокие знания в области физики и механики.

А после войны в своей лаборатории он занялся пионерскими расчетами в области реактивного движения. Именно здесь, в 1910–1920-х годах, он начал теоретические расчеты полета в космос, опираясь на труды Циолковского, и разрабатывал собственные идеи жидкостных и твердотопливных ракет.

В 1936 году Эсно-Пельтри был избран членом Французской академии наук.

Роберт Эсно-Пельтри считается одним из основоположников современной ракетной техники, наряду с немцем Германом Обертом, русским Константином Циолковским и американцем Робертом Годдардом.

В его честь назван кратер Esnault-Pelterie на обратной стороне Луны.

Глава 36. Семь цветов радуги

10 ноября 1914 года поезд Марсель-Париж медленно вошел под высокий стеклянный свод парижского вокзала Гар-де-Лион.

Несмотря на элегантность и шик, которые традиционно ассоциировались с Парижем, военная угроза витала в воздухе, как невидимая тень. Голоса, когда-то свободно обсуждавшие искусство, музыку и литературу, теперь обсуждали войну, политику, и судьбы миллионов людей. Плакаты с изображением армии и агитационными лозунгами висели повсюду. Тревожный гул карет скорой помощи врывается в тишину, нарушая привычный ритм жизни. По ночам, когда небо скрывалось за облаками, в городе иногда звучал вой воздушных сирен, предупреждающих о возможных немецких налётах, что добавляло ещё больше нервозности.

Люди стали более замкнутыми, напряжёнными, теряя уверенность в будущем. Бары и кафе, когда-то полные жизни, теперь закрывались раньше, а по углам были слышны шепоты и недовольные разговоры. В этом Париже, полном ярких контрастов, было трудно теперь найти место для покоя и мира.

Эркуль Пуаро и Джейн Марпл спустились со ступенек вагона, но теперь, если бы вы их встретили, вы бы их не узнали. В поезде они изображали супружескую пару: заботливую жену и слегка ворчливого мужа. Пуаро время от времени принимался поправлять усы, а мисс Марпл усердно вязала носок, поглядывая на часы. Сейчас он сбрил свои знаменитые усы, сменил котелок на модную широкополую фетровую шляпу, нацепил очки в золотой оправе и укутался в

шарф, а мисс Марпл надела темное строгое платье, привязала к черной шляпке вуаль и повесила на грудь медальон с миниатюрой своего "покойного супруга". Маскировку дополнили парики и наклейки на чемоданах.

Эту идею еще в поезде предложил Пуаро.

– Мисс Марпл, думаю, нашему другу уже приглянулась симпатичная супружеская пара. Продолжать в этом образе опасно, он может насторожиться.

Мисс Марпл кивнула.

– Что вы предлагаете, месье Пуаро?

– Разделимся. С этого момента вы – почтенная вдова из графства Дорсет, прибывшая в Париж полюбоваться выставками, а я – странствующий бельгийский антиквар, приехавший на переговоры о покупке коллекции фарфора. Мы не знакомы, снимем в отеле, где остановится наш приятель, отдельные номера, сменим костюмы и изменим внешность. Теперь, будем за ним следить поочередно, но всегда оставаясь на связи.

Первым в холле отеля «Ритц» появился Пуаро. Носки цвета шампанского, крахмальная рубашка, трость с серебряным набалдашником. Он внимательно осмотрел вестибюль, как генерал – поле боя. Подал визитную карточку и, положив на прилавок франк, и по-французски с характерным бельгийским акцентом попросил номер с окном в парк, который помещалась напротив номера, где остановился шпион. Он сообщил портю, что привез для продажи несколько сортов коллекционного фарфора. Его разместили на втором этаже, где жили англичане, в номере 214, номере скромном, но удобном. На этом же этаже получила комнату безутешная вдова.

В обеденный зал отеля они спустились по отдельности и сели за разные столики. А после ужина их ожидал сюрприз. На эстраду вышел метрдотель и торжественным голосом объявил:

– Господа, вас ждет приятный вечер. Среди жильцов нашего отеля находится знаменитая танцовщица Мата Хари. Она сегодня покажет нам свое искусство.

Зал ответил бурными аплодисментами. Через несколько минут послышалась восточная музыка и занавес раскрылся. Мата Хари обладала превосходной фигурой и внешностью. Ее костюм был несколько смелым, но движения изящны, а пластика – идеальной, и Пуаро ее узнал. Это была та самая Маргарета Зелле из Лейдена, которую когда-то он спас от рокового шага. Как она изменилась! Помнит ли старого знакомого? Когда танец закончился, он восторженно аплодировал вместе со всем залом.

Но сюрприз на этом не кончился. К сцене первым подошел молодой человек с букетом цветов. Это был Ван Дейк. Он протянул ей букет, поцеловал руку и, после пары комплиментов, попросил автограф.

– О, как мило, – произнесла Мата Хари, принимая букет. – Вы мой первый поклонник сегодня. – Она обратила на мужчину свой загадочный взгляд.

– Мадемуазель, смею ли я попросить автограф? – сказал Ван Дейк, протягивая ей записную книжку и ручку.

– С удовольствием!

Она начала писать, и ее губы задвигались.

– Моему дорогому почитателю и ценителю восточных танцев, с наилучшими пожеланиями от Маты Харри, – произнесла она вслух, – какое сегодня число – 10 ноября? Большое спасибо!

Она с улыбкой вернула записную книжку и повернулась к другому поклоннику.

После концерта Пуаро зашел в номер мисс Марпл.

– Мисс Марпл, как вам нравится этот Дон Жуан? Красота живет даже в сердце шпиона. Как вам его поступок?

– Тронул, мсье Пуаро, но в другом смысле. Вам не показался подозрительным этот букет?

– Подозрительным? А что может быть подозрительного в букете?

– Букет был необычным. В нем было семь цветков – алый мак, оранжевая лилия, желтая роза, зеленоватая орхидея, голубая гортензия, синий ирис и фиолетовая астра. Это вам что-нибудь напоминает?

– Цвета радуги.

– Да, семь цветов радуги. Слишком уж тщательно подобранная композиция для случайного подарка. В деревне мы иногда пользовались такими способами – например, дети писали друг другу тайные послания цветами. Я уверена, это пароль.

– Замечательная мысль! Но, после пароля, должен следовать отзыв!

– Ее автограф. Я внимательно следила за ее речью и движением ручки с пером. Движения пера были быстрее речи, а некоторые слова она словно проглатывала. Я уверена, то, что она писала, не совпадало с тем, что она говорила.

Пуаро приподнял бровь:

– Вы полагаете, она писала не то, что говорила?

– Ах, месье Пуаро, я выросла в деревне Сент-Мэри-Мид, и могу вас уверить: когда женщина говорит одно, а пишет другое – это всегда не случайно. Вы заметили? Она говорила медленно, с паузами, театрально. А рука двигалась гораздо быстрее. Я думаю, послание, написанное в блокноте, было совсем иным, чем эти сладкие слова. Возможно, она занимается не только танцами.

– Это надо проверить. Мисс Марпл, давайте наметим на завтра наш план действий. Я хотел бы зайти в английское консульство и поговорить с военным атташе, у нас кончаются деньги и, возможно, понадобятся новые документы. Возьмите завтра за ним слежку на себя, но будьте осторожны, наш приятель не простака. Вечером расскажете, что он делал, куда ходил, и с кем встречался?

Спокойной ночи!

Глава 37. Клуб любителей Жюль Верна

В эту же ночь в своем номере Ван Дейк прочитал автограф Маты Хари. Это – краткая записка, в которой был отзыв «Радуга бывает не только после грозы», и указание: возьмите интервью у инженера Роберта Эсно-Пельтри, улица Сен-Пер, 14, о его работах по ракетной технике. Все сведения передать мне. Будьте осторожны."

Шпион внимательно перечитал послание несколько раз, затем вырвал листок и сжег записку над маленькой спиртовкой. Пепел высыпал в раковину и тщательно смыл. Надо придумать мотив. Он – председатель Амьенского клуба любителей Жюль Верна. Утром надо сделать визитки, и купить книгу «Из пушки на Луну».

На другой день он постучал в дверь небольшого особняка.

– Уважаемый месье Эсно-Пельтри, разрешите представиться: журналист Рене Дюваль, председатель Амьенского клуба любителей Жюль Верна. Вот моя визитная карточка. Наш клуб собирается раз в месяц. Мы приглашаем докладчиков: инженеров, астрономов, географов, предлагаемых научных гипотезы будущего: полеты в космос, подводные аппараты, суборбитальные полеты.

– Вскоре полувековой юбилей его знаменитой книги «Из пушки на Луну», и сейчас мы собираем материалы о том, как над этим предсказанием трудятся ученые, чтобы воплотить его идею в жизнь, и решили провести специальную встречу о том, как идеи этого великого писателя становятся реальностью. Позвольте вручить вам эту книгу, как подарок от нашего общества. Ваше имя стоит одним из первых в списке людей, кто, кажется, взялся притворить его мечту в жизнь.

– Я с большим интересом прочел вашу последнюю статью в *Revue Scientifique* о перспективах реактивной тяги в воздухоплавании, – продолжал он, – вы фактически воплощаете в жизнь те дерзкие идеи, что ещё полвека назад казались чистой фантастикой!

– Мы были бы весьма признательны, если бы вы согласились выступить у нас с докладом о практических перспективах реактивных аппаратов. А сейчас, если позволите, я бы хотел задать вам несколько вопросов для небольшого интервью, которое я подготовлю к нашему собранию в субботу.

Он вынул зеленый блокнот и ручку.

– Спасибо за книгу и внимание, дорогой мсье Рене Дюваль. Вы переоцениваете мои исследования. Я в детстве читал и перечитывал эту книгу и пытался делать необходимые расчеты. Увы, запустить людей на Луну с помощью пушки не реально: в момент выстрела ускорение всех бы убило.

– Но, это можно сделать с помощью ракеты?

– Совершенно верно. Я исследовал принцип действия ракеты ещё в 1907 году. Если выбрасывать массу с высокой скоростью – топливо или газ, то, согласно третьему закону Ньютона, корпус будет двигаться в обратную сторону. Это и есть суть реактивного движения. Сейчас я работаю над тем, чтобы довести эту идею до инженерного решения.

– Простите за детский вопрос: какой металл вы бы выбрали для такого воздушного корабля, если бы строили его сегодня?

– Алюминий. Лёгкий и прочный. Его сложно добывать, но он подходит для авиации.

– И какую продолжительность тяги вы предполагаете достичь?

– Всё зависит от запаса топлива. И от того, насколько эффективно можно охлаждать сопло. Проблема – температура. При выбросе раскалённого газа металл плавится. Пока это теория, но я уже рассматриваю специальные материалы, и даже комбинации металлов с керамикой.

– Насколько близки ваши расчёты к практике? То есть, вы проводите уже эксперименты?

– В моей мастерской я запускаю модели для изучения характеристик струи, используя придуманное мной топливо.

– Что-то очень дорогое?

– Нет, простой керосин, – он показал на, стоящую на полу канистру. – Но со специальными добавками, их состав пока я держу в секрете, хочу получить патент.

– Вы предлагали правительству устроить полет на Луну? Вы думаете, там есть жизнь?

– Конечно, жизни там нет. Но там могут быть полезные ископаемые, которых не хватает на земле. Я прошу у правительства финансирование, но меня считают фантазером, и потом, сейчас деньги идут на оборону. Луна подождет.

– Благодарю вас, мсье Эсно-Пельтри, что вы нашли время для интервью. Я желаю вам успеха, и в будущем мы с удовольствием заслушаем ваш доклад.

– И вам, мсье Дюваль, спасибо, передайте от меня привет членам общества Жюль Верна!

Ван Дейк на обратном пути просматривает свои записи. У него нет военного финансирования, это – хорошая новость для германской разведки. Зеленый блокнот с интервью завтра будет передан в надежные руки. А что если одолжить у этого мечтателя немного придуманного им топлива? Там на одном окне сломан замок.

Этой же ночью по пустынным улочкам Латинского квартала быстро шел в длинном тёмном плаще и шляпе, опущенной на глаза, Ван Дейк. Он проскользнул через узкий проулок к дому Роберта Эсно-Пельтри, бесшумно отворил окно мастерской и влез внутрь.

Внутри царил полумрак – лишь лунный свет пробивался сквозь окна, отражаясь на металлических поверхностях приборов. Он двигался в темноте, полагаясь на сведения о расположении мастерской. На полу стояла та самая металлическая канистра. Он снял с плеча небольшую сумку и достал заранее подготовленную пустую бутылку из-под коньяка "Мартель"

с тяжёлым стеклом и массивной пробкой. Бутылка была тщательно вымыта и высушена, чтобы не оставлять посторонних запахов.

Опершись локтем о край стола, он осторожно подставил бутылку под тонкий носик канистры и медленно начал наливать топливо. Как только бутылка была наполнена, плотно закрутил крышку и, спрятав ее в сумку и ещё раз осмотрев мастерскую, и убедившись, что он не оставил никаких следов, вылез из окна, притворил створки и растворился в ночной тьме Парижа.

Всё прошло безупречно. Добытый образец топлива он переправит в Берлин, его изучат, чтобы понять: действительно ли у французов получилось создать топливо для эры ракетных двигателей?

Часы на башне проббили два часа ночи. Париж спал, не зная, что в эту ночь к его утренним газетным сводкам мог бы добавиться ещё один тревожный заголовок.

Глава 38. Требуется кухарка

11 ноября утренний Париж дышал осенней прохладой. Легкий туман стелился над бульварами, окрашивая улицы в молочно-серебристые тона. На мостовых звонко цокали копыта лошадей, скрипели колеса фиакров, редкие автомобили посапывали мотором, а кондукторы трамваев звенели колокольчиками, объявляя остановки.

Мисс Марпл стояла неподалёку от отеля «Ритц», с виду совершенно равнодушная к происходящему вокруг. На ней было серое осеннее пальто, скромная шляпка с темной вуалью – ничем не примечательная пожилая дама, каковых в Париже встречалось немало.

Из отеля вышел Ван Дейк, за которым Пуаро велел ей наблюдать. Высокий, худощавый, в черном пальто, с аккуратной бородкой и кожаным портфелем. Оглядевшись, как делают многие ранним утром, он направился по улице Риволи в сторону Сены.

Мисс Марпл неторопливо двинулась следом. На углу улицы он остановил фиакр – очевидно, не хотел идти пешком. А мисс Марпл остановила такси.

– Опять мой сын едет к любовнице, она вытянула из него все деньги. Следуйте за тем фиакром, я узнаю, где она живет!

Шофёр сдержанно кивнул. Парижские таксисты привыкли к странным просьбам пассажиров.

Фиакр петлял по утреннему Парижу, пересек площадь Согласия, выехал на мост Александра III, затем свернул к бульвару Ля Тур-Мобур, оставляя позади правобережный Париж. Машина мисс Марпл шла на расстоянии, аккуратно придерживаясь на перекрестках. Временами мужчина выглядывал из фиакра, но подозрений, кажется, не имел. Он остановился около ателье, где делают визитки, потом у книжного магазине, где купил книгу и зеленый блокнот. Послушавшись своего внутреннего голоса, она купила такой же зеленый блокнот.

Через некоторое время фиакр остановился у респектабельного особняка с высокими воротами, утопающего в зелени платанов. Мужчина быстро вышел, оглянулся – и вошел в ворота.

Шпион позвонил, дверь ему открыл слуга. После короткого разговора его впустили.

Выждав некоторое время, мисс Марпл подошла к ворот высокого кованого забора. Над входом висит эмалированная табличка: «Частная лаборатория Роберта Эсно-Пельтри» и ниже прицеплена записка: «ТРЕБУЕТСЯ КУХАРКА (без животных). Обращаться к мадам Леблан». Она записала адрес и подняла глаза. Двухэтажный дом выглядел тихим и ухоженным. Шторы в окнах были аккуратно опущены. Во дворе, за домом, виднелась постройка – вероятно, мастерская.

– Вот и прекрасно, – пробормотала мисс Марпл, поправляя шляпку. – Это проще, чем я надеялась.

Она потянула за ручку колокольчика. Спустя минуту дверь приоткрылась. На пороге стояла дородная женщина в чёрном платье и накрахмаленном чепце.

– Oui, madame?

Мисс Марпл заулыбалась и немного смущённо заговорила с характерным акцентом:

– Bonjour, madame. Могу я видеть мадам Леблан?

– Это я.

– Я увидела объявление. Вам нужна кухарка?

Домоправительница смерила её изучающим взглядом:

– Вы француженка?

– Нет. Я из Бельгии. Немного говорю по-французски, дома мы говорили по-фламандски, – мисс Марпл чуть развела руками, изображая застенчивость.

– Рекомендации есть?

– Нет. Оттуда, я убежала, в чем была.

– Что умеете готовить?

– Всё... мясо... суп... рыбу... печь пироги... – Мисс Марпл, с легкой улыбкой, перечисляла, чуть коверкая слова. В доме много людей? Бывают гости?

– В доме живет хозяин, горничная и я. Гостей почти не бывает. Работа тихая.

– Что он любит?

– Простую еду. Завтрак, обед, лёгкий ужин. Часто ест в мастерской. Вон там. Туда могу войти только я.

– А кухня большая? Какая плита?

– Газ и на всякий случай дрова.

– Хорошо. А продукты? Кто покупает? Я должна сама или привозят?

– За продуктами ходит горничная или привозят.

Повисла короткая пауза.

– Ну что ж, мадам, давайте так: Я вас возьму на месячный испытательный срок.

Приступите завтра утром. Зарплата – 40 франков в месяц. Комната для прислуги – отдельная. Подойдёт?

Мисс Марпл слегка замялась. Потом, словно вдруг вспомнив:

– Ах, Madame, простите, я забыть сказать. У меня кошка. Маленькая. Я везде с ней. Спит со мной. Никому не мешает. Это возможно?

Лицо домоправительницы резко изменилось.

– О, нет! Нет-нет! Простите, мадам, но наш господин категорически против любых животных в доме. Даже кошка недопустима. Абсолютно невозможно.

Мисс Марпл сделала огорчённое лицо:

– Ах, как жаль, я ищу работу. В мой дом попал снаряд, я потеряла все, но кошку я спасла. Теперь она – моя семья. Тогда извините за беспокойство.

Она виновато улыбнулась, взяла свою сумку.

– Извините.

Выйдя за ворота, мисс Марпл одобрительно кивнула сама себе. Все что можно было узнать, она узнала и сразу рассказала Пуаро, после чего, не желая действовать вслепую, Пуаро отправился в английское консульство.

Военный атташе выслушал его внимательно.

– Эсно-Пельтри, говорите? Да, безусловно, уважаемый ученый. У него весьма специфические исследования – в том числе по вопросу реактивного движения. Его идеи, смею заметить, опережают время.

Пуаро склонил голову:

– И весьма привлекательны для разведок наших врагов?

– Совершенно верно, мсье Пуаро. Но будьте крайне осторожны. Особенно с мадемуазель Матой Хари. Ее имя у нас давно на заметке, а ее манеры – слишком театральны, чтобы быть просто экзотикой. Такая женщина – идеальна для тайных посланий. Она умеет обольщать не только на сцене, если у вас будут конкретные улики – немедленно сообщите. А пока... осторожность, прежде всего.

Глава 39. Мата Хари

События следующего дня потребовали немедленного вмешательства. Вечером, после очередного представления Маты Хари, под бурные аплодисменты, к ней снова подошел Ван Дейк. Она слегка удивленно приподняла бровь. В руках он держал изящную плетеную корзинку с алой лентой.

– Для вас, мадемуазель, – сказал он с лёгкой улыбкой. – Маленький знак восхищения вашим талантом.

В корзинке лежала бутылка коньяка «Мартель» и зеленый блокнот.

– Я счастлив, мадам, опять сделать вам подарок! Это мой любимый коньяк, он снимает усталость, позволяет забыть все плохое и навеивает крепкий сон. А в этом блокноте поэма, написанная мной в вашу честь.

Он раскрыл зеленый блокнот и громко прочитал четыре строчки:

Как лепесток цветка востока,
Родишь волнение в крови.
И в каждом жесте – знак намека,
И столько тайны о любви!

– А дальше вы прочтете дома после рюмки «Мартеля»!

Мата Хари улыбнулась, взяла корзинку, легко коснулась его щеки губами и что-то шепнула.

Мисс Марпл внимательно наблюдала за этой сценой. Зеленый блокнот она уже видела, а бутылка окончательно вызвала у неё подозрения: не слишком ли много в последнее время совпадений, связанных с этим напитком? Не прикрывается ли за галантной игрой нечто куда более опасное? Надо обсудить это с Пуаро.

После концерта она постучала к нему в номер.

– Месье Пуаро, вы обратили внимание на этот подношение? Похоже, в корзинке лежал не только подарок для дамы, но и ключ к куда более опасной игре.

Про зеленый блокнот я уже вам рассказывала, а про бутылку я вспомнила – был такой случай в нашей деревне в доме фермера Харгрива. Его жена устраивала ужин в честь приезда племянника из Лондона. Она была очень горда тем, что у неё в кладовой спрятана бутылка французского вина, которое мужу подарили за хороший урожай пшеницы. Бутылка была с сургучной пробкой и выглядела весьма импозантно. Но, как позже выяснилось, фермер потихоньку выпил вино и налил туда... самодельную настойку от простуды – на спирту с чесноком и хреном. Жена, конечно, понятия не имела, и подала эту самую "Шато-де-что-то-там" на ужин.

– И чем всё закончилось?

– Ах, ужасным конфузом. Племянник, бедняга, сделал глоток и поперхнулся. Но самое смешное, что одна из гостей, известная своим расстройством желудка – выпила бокал целиком и сказала, что это «очень бодрящее вино». А потом пришла ко мне и попросила узнать, где такое можно купить. Мсье Пуаро, и блокнот и бутылку надо подменить.

– Это – очень хорошая идея. Дайте ваш зеленый блокнот. Я схожу за коньяком и навещу прекрасную танцовщицу.

– Вы уверены, что она вас примет?

– Как она может отказать старому знакомому. Я вам не рассказывал, это было двадцать лет назад. Меня, молодого инспектора бельгийской полиции, тогда ещё без усов, отправили инкогнито в Нидерланды, где в Лейдене скрывался банковский кассир Арман Леклерк, сбежавший с крупной суммой денег из банка в Льеже.

Я нашёл его в кафе на краю университетского квартала – в дорогом костюме, с кольцом на мизинце, с показной галантностью. Он выдавал себя за графа, скучающего французского аристократа в путешествии. Но больше всего меня насторожила его спутница – юная девушка с большими глазами, в простом платье, и с восторженным взглядом. Она смеялась – легко, искренне, как смеются только те, кто верит в романтическую сказку.

Я узнал, что ее зовут Маргарета Зелле. Ей девятнадцать лет; она учится на курсах воспитательниц детского сада; живет у равнодушного дяди; читает романы с обложками в цветах и впервые в жизни получила букет – от незнакомца, представившегося графом. Видимо, внимание «графа» стало для неё словно вспышка света – красивый мужчина, цветы, обещания, приглашение в Париж.

Вечером в ботаническом саду у стены университета, я перехватил её, когда она с чемоданом шла к условленному месту их встречи.

– Мадемуазель, – сказал я, – простите, что вмешиваюсь. – Меня зовут Эркюль Пуаро. Человек, которого вы считаете графом – вор. Это бывший кассир, ограбивший банк.

– Не может быть, – прошептала она, – вы его с кем-то спутали. Он любит меня, такой изысканный, такой щедрый! Я поеду с ним в Париж. Там у него дом с белыми колоннами, где по утрам подают шоколад в китайском фарфоре. Он уже подарил мне перчатки из тончайшей кожи. Говорит, мне не место в этой скучной провинции.

Тогда я раскрыл газету.

– Мадемуазель, взгляните на это объявление.

"Разыскивается Арман Леклерк, кассир, ограбивший банк в Льеже. Украл крупную сумму и исчез. Предположительно скрывается в Нидерландах под вымышленным именем. Может выдавать себя за дворянина». Под текстом – фотография.

Маргарет побледнела.

– Это он. Но... он же обещал... – прошептала она, оседая на скамейку.

– Он обещал вам мечту, мадемуазель. Но вы слишком молоды, чтобы понять, что за мечтами часто прячутся капканы. У вас вся жизнь впереди – и она будет настоящей, если вы не позволите себя обмануть.

Она вытерла слезы.

– Спасибо, месье Пуаро... Вы спасли меня. Пожалуйста, не говорите никому. Я этого не забуду.

Она взяла чемодан и пошла обратно, а спустя день кассира задержали на станции, когда он собирался выехать в Швейцарию. Вот такая история. Она мне не откажет.

Пуаро вернулся через час.

– Дело сделано, – сказал он, вынимая из сумки зеленый блокнот и бутылку. Давайте понюхаем, что в бутылке, ну да, это – керосин. А в блокноте его интервью. Сначала она не хотела меня впустить, но я назвал себя. Я принес в сумке торт и попросил чай. Она вышла на кухню, а я сразу заметил в углу комнаты кучу подарков и среди них ту корзинку. Подменить блокнот и бутылку было делом одной минуты. Мы попили чай и распрощались. Интересно, как женщина может измениться за 20 лет. Похоже, тот урок ее ничему не научил.

Завтра я отнесу это в консульство, а вы, мадам, опять последите за нашим другом, похоже, ему в Париже больше делать нечего.

Пуаро оказался прав. Ван Дейк взял билет на поезд до Гавра, откуда идут корабли в Нью-Йорк и, через день, они уже ехали за ним в соседнем купе.

Прощай Париж.

Глава 40. Голубые воды Атлантики

17 ноября 1914 года пароход «Франция» покинул Гавр.

Берег медленно таял вдаль. Еще виднелись последние здания порта – склады, высокие подъемные краны, башня маяка. Одинокие лодки тянули сети, провожая гигантский лайнер. Земля уходила, а впереди простирался покрытый ровной синей рябью Атлантический океан.

Включилось радио.

«Дамы и господа! Говорит командир лайнера «Франция» капитан Луи Брессон. Я рад приветствовать вас на борту этого прекрасного судна, совершающего трансатлантический рейс из Гавра в Нью-Йорк. Благодарю вас за то, что выбрали для этого путешествия наш корабль. Могу вас заверить: я и весь экипаж приложим все усилия, чтобы эти семь дней в океане стали для вас максимально безопасными, приятными и запоминающимися.

В вашем распоряжении будет множество удобств, которые помогут скрасить долгие часы плавания: казино, прекрасно оборудованная библиотека, бильярдный салон, прогулочные палубы. На борту предусмотрены разнообразные развлечения, концерты и программы, чтобы никто не скучал во время перехода. На каждой палубе есть врач и стюард, следящий за порядком. Если у вас возникнут вопросы, затруднения или потребуется помощь – обращайтесь без колебаний. Наш лайнер надёжен, экипаж опытен, а океан – в этот сезон сравнительно спокоен.

Я желаю вам приятного отдыха, увлекательных знакомств, хорошей погоды и счастливого пути».

Эркюль Пуаро и мисс Марпл сняли две смежные каюты: 106 и 107. Внутри каюты имеют между собой дверцу, так что они смогут встречаться и обмениваться новостями.

Для наблюдения за шпионом Пуаро разделил корабль на две зоны. Он взял на себя носовую часть палубы, библиотеку, бильярдную, казино, курительную и спортзал. Мисс Марпл будет интересоваться кормовой частью, оранжереей, концертным залом, кружками рукоделия и вечерними чаепитиями, где можно послушать сплетни и узнать все новости.

В первый же день произошло происшествие на палубе, в результате чего Пуаро предположил, что у шпиона на корабле есть сообщник. Это случилось во время фортепианного концерта на палубе, и Пуаро присоединился к группе слушателей. Почему не послушать хорошую музыку? Так, видимо, решил и Ван Дейк. Сначала он сидел в первом ряду и слушал музыку, потом встал и начал прохаживаться за спинами сидящих. Пуаро достал зеркальце и стал поправлять усы, одновременно заметив, что он остановился у кадки с пальмой, и подсунул под кадку записку. А потом спокойно прошёл и сел на место. Что за записка?

Вечером, когда там никого не было, только матрос мыл палубу, Пуаро остановился у этой кадки, нагнулся, как будто для того, чтобы завязать на ботинке шнурок, и вытащил эту записку. "Для Э. 16:00. Всё подтверждено".

Перед сном он постучал в номер мисс Марпл и поделился с ней находкой. Она прочитала записку и покачала головой:

– Уж очень легко досталось вам эта записка. Что вы будете с ней делать?

– Положу в конверт. Здесь могут быть отпечатки его пальцев.

– Мсье Пуаро, а я узнала, что с нами едет труппа Лондонского кабаре «Ветряная мельница». Да, та самая. Они дадут представление, не хотите посмотреть? Теперь у них в программе канкан.

– Я не любитель канкана. Что это нам даст?

– Там танцует Эдна, дочка моей деревенской соседки. Я тогда в Лондоне узнала беглого викария, когда он ей вручал цветы. Не исключено, что наш подопечный опять начнет за ней ухаживать, а я смогу с ней встретиться и кое-что о нем узнать.

– Тогда с Богом, а я хочу побывать в библиотеке, наверное, там есть военные новости.

Военные новости на корабле получали регулярно по радио и в маленькой типографии печатали ежедневный бюллетень событий в мире. Когда Пуаро подошел к библиотеке, сквозь стеклянную дверь он заметил Ван Дейка. Шпион сидел за дальним столом и изучал лежащие перед ним книги и газеты. Пришлось погулять по палубе, пока он вышел. Пуаро посмотрел последние военные новости и подошел к библиотекарю.

– У вас прекрасная библиотека, сэр, здесь можно прекрасно отдохнуть.

– Да мы гордимся нашей библиотекой, пассажиры могут у нас найти любую литературу.

– Но кое-кто приходит к вам и поработать. Я видел джентльмена в черном костюме с красным галстуком, он, похоже, не отдыхал, а трудился! Наверное, ученый?

– Он – изобретатель. Собирал материалы об американском изобретателе Николе Тесла. Я нашел для него несколько публикаций, моя обязанность сделать так, чтобы все читатели были довольны. Надеюсь, и вы узнали, что хотели. Да, военные события на фронтах оставляют желать лучшего, но в Нью-Йорке вам опасаться не придется, США соблюдают нейтралитет.

Вечером Пуаро поделился новостью с мисс Марпл: шпион изучает работы Николы Теслы, видимо, это и есть цель его поездки в Нью-Йорк.

– Мадам, а как представление «Ветряной мельницы»? Оправдались ваши надежды?

– Да, снова наш приятель вручил Эдне букет алых роз, наверное, пришлось немало заплатить в оранжерее. Я видела, как он торговался с садоводом. Похоже, что он действительно влюблен. После концерта он повел ее в ресторан, а я постараюсь с ней встретиться...

За кулисами было тесно, ярко и шумно. Девушки проходили мимо в халатах, кто-то примерял грим, кто-то смеялся, кто-то ссорился с костюмершей из-за отпавшего банта. Мисс Марпл ловко лавировала между декорациями, за дежурным, который за доллар пропустил ее в коридор.

Она вежливо постучала. Дверь приоткрылась. На нее взглянула молодая женщина в простом халате, без грима, с собранными в пучок волосами. Та самая Эдна, дочка соседки миссис Эллис.

Когда она увидела мисс Марпл, на мгновение застыла. В глазах – испуг. Потом – стыд.

– Мисс Марпл... — прошептала она.

– Здравствуй, Эдна. Не бойся. Я... просто хотела тебя увидеть.

– Мама всё знает? – спросила Эдна с хрипотцой в голосе.

– Нет, – ответила мисс Марпл, подходя ближе. – Я расскажу ей, что ты – жива, цела... и очень красива. А остальное – это твоё дело, милая.

Эдна опустила на табуретку и закрыла лицо руками.

– Я просто... я не могла вернуться в деревню с пустыми руками. А быть гувернанткой – это были лишь первые недели. И я нашла эту работу, где нужно было просто красиво стоять раздетой. Я каждый раз думала: ещё чуть-чуть, вот подкоплю – и уйду. Пойду учиться и деньги ведь маме нужны... Но потом стало легче притворяться, чем всё объяснять. Я не хотела, чтобы мама знала, чем я зарабатываю.

Мисс Марпл взяла её за руку.

– Иногда правда приносит боль. Но ложь приносит одиночество. Может быть, пора вернуться? Не обязательно навсегда. Просто... поговорить. Но правда, как чай, всегда нуждается в подаче – с теплом и пониманием.

Мисс Марпл встала.

– Я не расскажу твоей матери, чем ты занимаешься. Но я скажу ей, что ты работаешь в театре... и всё ещё её дочка.

Эдна тихо прошептала:

– Спасибо.

– Эдна, я хочу еще тебя спросить, кто этот молодой человек, что подарил тебе такие красивые розы и угощал ужином? Ты еще такая молодая и тебя легко обмануть. Ты понимаешь, что небольшое увлечение в юности может сломать всю жизнь? Знаешь, почему я одинока? Был такой в молодости один аристократ, клялся в любви, а потом оказалось, что он женат, и его жена хотела меня отравить. Но, речь не обо мне. Кто он, твой поклонник?

– Нет, тетя Джейн, это очень порядочный человек, он беженец, математик, надеется в США найти достойное место. Он любит меня и сказал, что в Нью-Йорке мы поженимся. Но я должна оставить сцену. И оставлю, чтобы моя мама не стыдилась того, чем я занимаюсь.

– Эдна, о нашем разговоре твоему поклоннику не рассказывай, вот тебе адрес моего племянника, к которому я еду в гости. Его зовут Раймонд Уэст. Если понадобится помощь, пиши или приезжай.

– Спасибо, тетя Джейн. Я рада чувствовать себя не одинокой!

Глава 41. И у шпиона есть сердце

Но события развивались стремительно. На шестой день плавания Эдна подошла к мисс Марпл и попросила ее быть свидетельницей: она и Ван Дейк решили обвенчаться прямо на корабле.

– Он сделал мне предложение! Прямо сегодня утром. Такой трогательный, даже немного неуклюжий. Он нервничал! Представляете? Такой уверенный человек – и вдруг такой робкий. Это было так мило.

Мисс Марпл молчала секунду.

– Вы ведь знали его совсем недолго, не так ли? Даже в Лондоне вы встретились всего пару раз – помнится, он подарил вам цветы после спектакля?

Эдна кивнула:

– Да, это был белый пион. Единственный. И открытка: «Для вас — потому что вы сияете». Вы не представляете, как я тогда растрогалась.

– О, я вполне представляю, – сказала мисс Марпл. – Но... люди не всегда таковы, какими кажутся. Иногда романтический жест может скрывать за собой... не слишком устойчивую натуру. Или, скажем, неустроенную жизнь. А ты так молода.

– Вы думаете, он беден? – Эдна рассмеялась. – Может быть, и не богач. Но мне не важны деньги, мисс Марпл. Он такой добрый и заботливый. А главное – он уверен, что сделает меня счастливой.

– А может, немного подождешь? До Нью-Йорка?

– Но почему? – Эдна вдруг посмотрела пристально. – Вы ведь не просто так это говорите. Вы что-то знаете?

Мисс Марпл отвела взгляд и тихо сказала:

– Иногда женщина чувствует, когда что-то... не складывается. Без доказательств, просто... ощущение, внутренний голос. Но, конечно, это твой выбор. Я просто надеюсь, что он обдуманный.

– Он и есть обдуманный, – твердо сказала Эдна. – Я знаю, что Ян может показаться загадочным, но... он просто одинок. Он много пережил. Я... верю в него.

– Тогда я согласна. Хотя бы для того, чтобы быть около тебя.

Церемонию венчания вёл корабельный капеллан. Погода в этот ноябрьский день выдалась на удивление ясной – солнце пробилось сквозь холодные облака, бросая серебристые блики на гладкую поверхность океана. На верхней палубе, под натянутым парусиновым навесом, собрались пассажиры — из любопытства или по приглашению.

Перед капелланом небольшой столик с белой скатертью и распятием. В присутствии свидетелей они произнесли клятвы.

В центре – Эдна в простом, но изящном белом платье, обшитом кружевами, привезённом специально для представлений «Ветряной мельницы», но теперь ставшем свадебным. Её щеки розовели от волнения. Рядом – Ван Дейк, элегантный, сдержанный, с выражением почти священного трепета. Он держал её руку в своей.

В присутствии свидетелей и под шум волн они произнесли клятвы.

– Мисс Эдна Эллис, вы согласны взять в супруги Яна Ван Дейка?

– Да!

– Мистер Ян Ван Дейк, вы согласны взять в жены Эдну Эллис?

– Да!

– Объявляю вас мужем и женой.

Свидетелями были молодой матрос и мисс Марпл, которая после долгих раздумий всё же решила быть рядом с Эдной. Скрывая тревогу за доброй улыбкой, она подписала корабельный регистр, где вписывались имена обвенчанных.

После церемонии капитан корабля, в парадной форме, подошёл поздравить молодых. Он вручил им подарок от судна — изящную шкатулку из морёного дерева с гербом корабля La France и гравировкой: “Aux jeunes mariés. Novembre 1914.”

На ужин подавали особое меню – шампанское, устрицы, жаркое из дичи, фруктовый торт с лентой. Музыканты играли в салоне вальсы и шансон. Гости смеялись и танцевали, а мисс Марпл сидела в тени, наблюдая за молодыми. Как сложится их жизнь?

– Значит, наш подопечный уже женат. Что же, и у шпиона есть сердце, – вечером заметил Пуаро, – скоро Нью-Йорк, давайте подведем некоторые итоги нашего плавания. Мне удалось перехватить записку Ван Дейка, но его сообщника найти не удалось, странно, но никто за запиской не пришел. На всякий случай я доложил об этом местному комиссару полиции.

– Мсье Пуаро, вы знаете, почему никто за запиской не пришел? Никакого сообщника на корабле у него нет, и комиссар полиции может спать спокойно. Записка было положена для вас.

– Для меня?

– Для вас. Когда вы достали зеркальце, он сразу это заметил. Это стандартный прием, чтобы узнать, что делается сзади. Но, может, вы просто причесывали усы – он это легко проверил, положив записку. И попросил матроса присмотреть, кто возьмет записку. Он мог дать матросу доллар и просто сказать, что его жена ему изменяет, и он хочет знать с кем. Вы ведь сказали, что, когда вы доставали записку, палубу мыл матрос. Вот он и описал вас шпиону.

– Интересная версия.

– И, если я права, то вам в Нью-Йорке надо уйти в тень. Вы сделали своё дело. Вы его встревожили. А теперь самое разумное – вам уйти в сторону.

– Вы предлагаете передать слежку? – Пуаро приподнял брови.

– Нет, месье Пуаро, я предлагаю провести небольшую смену декораций.

– Оставить вас одну я не могу. Все-таки я джентльмен и...

– Мсье Пуаро, мы едем к моему брату Раймонду Уэсту, и я уверена, он согласится вместо вас последить за шпионом. Он автор нескольких детективных романов и со многими приемами слежки отлично знаком. Вы будете регулярно осведомлены о действиях шпиона и сможете подключиться в нужный момент. А пока, узнайте, где и когда будут выступать танцовщицы «Ветряной мельницы», наверняка он будет их посещать, это мы сможем использовать. Например, в это время, сделать обыск в его номере в гостинице, и... пока трудно просчитать все ходы, о, уже видна статуя «Свободы». Будем собираться. Я предлагаю ехать к племяннику по отдельности, вот его адрес. А Ван Дейка оставим пока в покое. Поскольку мы знаем, что он интересуется Теслой, там мы его и найдем. И еще, вы рассказывали, что когда заходили в бильярдную, повесили шляпу на вешалку, а она пропала. И ее нашли на голове статуи Апполона.

- Да, это была чья-то дурацкая шутка.
- Не чья-то, а нашего приятеля, он решил над вами посмеяться. Вы в этом убедитесь, если сможете сравнить его отпечатки пальцев на шляпе и записке.
- Мисс Марпл, ваш план действия я принимаю. Когда вы откроете собственное детективное агентство, возьмете меня на работу?

Глава 42. Никола Тесла (Историческая справка)

Ученый и изобретатель Никола Тесла родился 10 июля 1856 года в деревне Смилян (современная Хорватия) в семье священника. Согласно легенде, он родился во время грозы и попытки использовать разряды молний не оставляли его всю жизнь.

В юном возрасте его мучили сильные ночные кошмары – это было то, что, по мнению историков, помогало ему придумывать свои изобретения.

В 1880 году он учился на философском факультете Пражского университета.

В 1884 году прибыл в Нью-Йорк и устроился на работу в компанию Томаса Эдисона в качестве инженера по ремонту электродвигателей и генераторов постоянного тока. Есть легенда, что Эдисон поставил перед ним техническую задачу, за решение которой обещал 50.000 долларов. Тесла эту задачу успешно решил, но когда пришел за деньгами, то Эдисон, смеясь, сказал: «Ты не понял, этот был американский юмор» и денег не дал.

После этого, Тесла от Эдисона ушел и начал работать над собственной идеей: разработки асинхронного двигателя переменного тока. Это привело к тому, что разлад ученых окрестили "войной токов". И, хотя история противостояния Теслы и Эдисона стала настоящей легендой, специалисты отмечают, что на самом деле ученые относились к друг к другу с большим уважением. Эдисон даже предоставил Тесле личную лабораторию, когда у того сгорела своя.

В 1888 году известный американский промышленник Джордж Вестингауз выкупил у Теслы более 40 патентов, заплатив в среднем по 25 тысяч долларов за каждый, и Тесла получил возможность открыть собственную компанию.

Одним из наиболее удивительных изобретений Теслы стала 185-футовая башня, которую он возвел на Лонг-Айленде на средства Вестингауза. Предполагалось, что она была построена для исследования возможности передачи электричества без проводов. Здесь же он проводил эксперименты с «Лучом смерти». Однако завершить работы ему не удалось, и в 1917 году башню снесли из-за его долгов.

Прожив много лет в нескольких государствах континента, а затем перебравшись в США, Тесла владел восемью языками: тремя свободно (сербским, немецким и английским) и пятью на высоком или среднем уровне (французским, венгерским, итальянским, латынью и чешским). О памяти Теслы поговаривают давно: ученый мог запоминать целые фолианты! А на свои изобретения он получил 300 патентов.

1 января 1943 года Элеонора Рузвельт, супруга президента США, выразила пожелание навестить больного Теслу. Племянник Теслы посетил его 5 января и договорился о встрече. Он был последним, кто общался с Теслой.

Некоторые современники-биографы называют Теслу «человеком, который изобрёл XX век». В его честь названа единица измерения плотности магнитного потока – Тесла.

Глава 43. Статуя Свободы

Ранним утром «Франция» медленно вошла в гавань Нью-Йорка. Пуаро поднял брови и повернулся к мисс Марпл.

– Voilà, мадемуазель. Америка встречает нас.

Марпл подошла к барьеру. Сквозь редкий утренний туман постепенно вырисовывается высокая тень огромной фигуры Статуи Свободы в зубчатой короне. Факел в поднятой руке отражал первые лучи бледного ноябрьского солнца.

– Какая монументальная женщина... – задумчиво произнесла она. – Кажется, словно держит пылающий маяк для всех прибывающих. Особенно для тех, кто надеется начать новую жизнь.

– Très poétique, мадемуазель. Хотя нас с вами ждёт не новая жизнь, а, как говорится, старая работа,

Судно медленно маневрировало к причалу. Над палубой раздался характерный протяжный гудок. Слева по борту начали проплывать ряды складов, грузовых кранов и вереницы черных пароходных труб.

Включилось радио.

– Дамы и господа! Говорит капитан лайнера «Франция» капитан Луи Брессон. Я рад поздравить вас с благополучным приездом. Просьба занять свои каюты и подготовить документы и багаж для проверки и досмотра. На все вопросы офицеров иммигрантской службы отвечать кратко и правдиво. Удачи вам на земле Америки!

На борту появились офицеры Иммиграционной службы в строгой форме.

– Начинаем экспресс-досмотр первого класса.

Вскоре в каюте Пуаро раздался вежливый стук.

– Господин Эркюль Пуаро и мисс Джейн Марпл? Пожалуйста, ваши документы.

Пуаро с достоинством подал свой безупречно оформленный бельгийский паспорт. Мисс Марпл вручила британский.

Офицер быстро просмотрел бумаги, мельком окинул взглядом каюту.

– Цель визита?

– Частная поездка. Краткое пребывание, – улыбнулся Пуаро.

– Нас пригласил в гости мой племянник Раймонд Уэст.

– Добро пожаловать в Соединённые Штаты Америки, – кивнул офицер, вернув паспорта.

Когда инспектор вышел, Пуаро задумчиво произнёс:

– Итак, мадемуазель Марпл, мы в Нью-Йорке. Надо посмотреть, что будут делать на берегу новоиспеченные новобрачные. Полагаю, наши приключения только начинаются.

Марпл усмехнулась:

– Как хорошо, что у меня есть свежая коробочка вязальных ниток. Они помогут сохранять спокойствие при любых обстоятельствах.

Пуаро театрально вздохнул:

– Ах, мадемуазель, ваши нитки – почти как мои серые клетки. Всё приводят к порядку. Как мы договорились, сейчас ваша роль. Пока я постою в сторонке с вещами, постарайтесь узнать, что они будут делать?

Она вскоре вернулась.

– Они подошли к Справочному бюро и что-то выясняли. Ван Дейк получил листок, видимо с адресом. Они взяли такси и уехали.

– Тогда я узнаю, чем они интересовались, постерегите пять минут наши вещи.

Пуаро вернулся с запиской в руке.

– Мое полицейское удостоверение помогло узнать, что они поехали в отель Ансония на Бродвее, угол 73-й и 74-й улиц. Новый небоскреб, недавно введен в строй, недорогие апартаменты. Вы думаете, почему они выбрали этот отель?

– Тут и думать нечего. Там живет Никола Тесла.

Они дали таксисту адрес племянника и машина тронулась, тяжело подпрыгнув на брусчатке. За мутными окнами простирался Нью-Йорк – шумный, холодный, пахнувший углем,

морем и лошадьми. Город встретил новых пассажиров сдержанным северным ветром и дымом из бесчисленных труб.

Мисс Марпл плотнее завернулась в шарф.

– Как же здесь людно... Столько фабричных труб! И все дымят...

– Да, мадам, – откликнулся таксист, обернувшись, – это Нью-Йорк. Никогда не спит.

Даже в Рождество.

– У вас, я вижу, автомобили теснят кареты, – с любопытством произнёс Пуаро, указывая на улицу, где среди машин ещё двигались конные экипажи. – В Лондоне такого смешения я уже давно не наблюдал.

– У нас быстро всё меняется, – усмехнулся водитель. – Но от лошадей пока не избавиться – без них груз не перевезёшь. Да и дамы любят проехаться в коляске с вуалью, знаете ли.

Машина проезжала мимо массивных зданий, покрытых копотью. На углах стояли продавцы газет, громко выкрикивая названия: «Германия продвигается к Варшаве», «Франция требует подкреплений».

– Всё говорит о войне, – вздохнула мисс Марпл. – Но, кажется, здесь люди верят, что она не дойдёт до Америки.

– Некоторые у нас так думают, – пожал плечами таксист. – А другие уже пошли добровольцами в Канаду. Знаете, здесь полно эмигрантов из Европы – для них это всё не где-то далеко.

– А здания, какие здания – заметил Пуаро, вытянув шею. – Вон то – с колоннами, почти как в Париже. А тот небоскрёб — выше башен соборов!

– Это Бродвей, сэр. Хотите увидеть настоящие чудеса – поезжайте вечером в Вулворт-билдинг. Или на Таймс-сквер. Света больше, чем днём.

Такси нырнуло под железнодорожный мост, и над головами загрохотал поезд. Мисс Марпл вздрогнула:

– Так громко! Уж не сомневаюсь, что у племянника моего Раймонда здесь и вдохновение, и бессонница.

– Он живёт в более тихом районе, мадам, – усмехнулся таксист, свернув на 23-ю улицу.

Такси свернуло на более узкие улочки, где фасады были куда скромнее, чем в центре. Здесь начинался Гринвич-Виллидж – район, где вычурные небоскрёбы уступали место невысоким кирпичным домам, с деревянными лестницами, ведущими к чёрным дверям.

На углу стоял продавец каштанов – дым от жаровни смешивался с ароматом угля и мокрой листвы. Прохожие – в основном молодые мужчины в шляпах, девушки с короткими меховыми воротниками, шли быстро, не оглядываясь. Кто-то играл на губной гармошке, другой нёс под мышкой стопку книг. На подоконнике третьего этажа мерцал керосиновый фонарь.

– Район, знаете ли, не роскошный, – заметил таксист, придерживая машину, – но тут живут интересные люди. Поэты, французы, анархисты. Один тут пишет пьесу про чёрта и пекаршу. Ещё кто-то печатает журнал прямо в подвале.

– Прямо как в Челси в Лондоне, – сказал Пуаро.

– Да, – кивнул головой шофер, – идеальное место для вдохновения... и интриг.

Такси остановилось у трехэтажного кирпичного дома с витражом над входом.

– Вот мы и приехали. Писательское гнездо!

Глава 44. Племянник Раймонд Уэст

– О, кто к нам пришел! Тетя Джейн! Как давно мы не виделись! Кажется, в последний раз, когда ты ездила в Вест-Индию? И, ты, наконец, вышла замуж! Кто этот джентльмен?

– Раймонд, для автора детективов, ты мог бы быть более наблюдателен: у меня на руке нет обручального кольца. Это мой друг и партнер в деле Эркюль Пуаро.

– Партнер в деле? Мистер Пуаро, я вас поздравляю! Вы не могли бы выбрать лучшей помощницы! Ее аналитические способности достойны восхищения! А в ее памяти всегда найдется подходящий случай, который произошел в деревне Сент-Мэри-Мид – этой луже со стоячей водой.

– Сравнение не очень удачное, милый Рэймонд, – живо отозвалась мисс Марпл. – Мне кажется, если посмотреть в микроскоп на каплю воды из стоячей лужи, жизнь там, наоборот, так и кипит. У тебя найдутся для нас две комнаты?

– Да, я просто перееду в кабинет. Вы приехали посмотреть Америку или ...

– Вы, угадали, или... Мистер Уэст, мы только что с корабля, хорошо бы помыться, переодеться и ... , попросил Пуаро

– Позавтракать! Я сейчас дам задание моей кухарке, уж она постарается для дорогих гостей. А потом вы мне расскажете, чем я обязан вашему визиту.

– Раймонд мне часто помогает, – сказала мисс Марпл, когда он ушел, – он удачливый романист и хорошо зарабатывает. Прошлой зимой я перенесла воспаление легких, и врачи посоветовали как можно больше солнца. Раймонд предложил мне поехать в Вест-Индию. Я долго сомневалась – расстояние, дороговизна, трудности путешествия, да и дом в Сен-Мэри-Мид оставить не на кого. Но Раймонд все устроил и оплатил.

– Итак, расскажите о цели вашего приезда? – поинтересовался Раймонд после завтрака, – если не секрет. Кто первый?

– Это – секрет, – первым начал Пуаро, – мне и мисс Марпл поручено выяснить, с какой целью прибыл в Нью-Йорк немецкий шпион Ван Дейк. По некоторым данным, он интересуется работами изобретателя Николы Теслы. Вам знакома эта фамилия?

– Тесла? Да, я слышал эту фамилию. Покоритель небес. В газетах было о его конфликте с Томасом Эдисоном. Эдисон поручил ему решить какую-то важную и сложную техническую задачу, пообещав за удачное решение пятьдесят тысяч долларов. Тесла удачное решение нашел и пришел за деньгами, а Эдисон рассмеялся и сказал, это была шутка, вы еще не знакомы с американским юмором. Но ему дал деньги Джордж Вестингауз и Тесла построил огромную башню на Лонг-Айленде, чтобы передавать электричество без проводов. А Вестингаузу эта идея не понравилась. «Где я буду ставить счетчики?», спросил он. Это хочет узнать ваш шпион?

– Что он хочет узнать, это и есть цель нашей поездки и не допустить, чтобы то, что он узнает, попало в руки германской разведки, – вступила в разговор мисс Марпл. – Раймонд, мы узнали, в какой гостинице живет Тесла, и узнали, что туда отправился Ван Дейк. Пожалуйста, съезди в эту гостиницу, вот адрес, постарайся узнать, встретится ли Ван Дейк с Теслой, и что буде дальше?

– Фотографии Теслы были в газетах, а как выглядит ваш шпион? У вас есть его фотография.

– Фотография есть, но он мастер менять свой облик, ты его узнаешь, когда он начнет присматриваться к Тесле или даже с ним заговорит. Согласен?

– Если я смогу в будущем использовать этот сюжет в своем романе. Шучу. Уже еду.

Бильярдные столы отеля «Ансония» стоят в большой комнате. Тёплый свет ламп. Несколько джентльменов играют в бильярд. Ван Дейк пристроился у барной стойки и наблюдает за игрой. Он узнает Теслу, по описанию – высокий, сухощавый, с аккуратными усами.

После того, как Тесла выигрывает очередную партию, Ван Дейк подходит к его столу.

– Позвольте предложить вам партию, сэр. Мне в Европе часто доводилось стоять у бильярдного стола – это помогало отвлечься от тяжёлых мыслей о войне.

Они берут кии и начинают партию.

Шары мягко катятся по зелёному сукну. Несколько джентльменов в сторонке наблюдают за их игрой. Среди них Раймонд Уэст.

Ван Дейк уверенно держит кий, его удары точны и выверены. Он играет безукоризненно – мягко, технично, мастерски. Он легко берёт сложные комбинации, ведёт партию с явным преимуществом. Движения плавны, в глазах – спокойная сосредоточенность. Это вызывает уважение Теслы, который сам любит точность и гармонию.

Тесла играет гораздо скромнее. Его удары порой резковаты, иногда он промахивается. Но он азартен, и глаза у него блестят, когда шар всё-таки находит лузу. После нескольких удачных ударов, он сравнивает счёт. Он доволен – не только игрой, но и партнером. Ван Дейк незаметно подыгрывает, позволяя ему выиграть партию с небольшим перевесом.

Тесла, после финального удара:

– Прекрасная партия, сэр. Не хотите выпить чаю?

– С удовольствием.

– Я вижу, вы недавно в Нью-Йорке? – спросил Тесла за чайным столом. – У вас на лацкане фирменный значок судна «Франция». Я тоже плавал на этом судне.

– Да, я в Нью-Йорке два дня. До этого я работал электротехником в филиале Вестингауза в Бельгии. Вы, наверное, здесь давно, не подскажете, где бы я мог найти работу? Долго жить в этом отеле мне не по карману, просто я надеялся завести полезные знакомства.

– Вы его уже завели. Меня зовут Никола Тесла.

– Ян Ван Дейк. Я много слышал о вас сэр, как башня Ворденклифф, оправдала ваши надежды?

– Только частично. Сейчас на ней работа приостановлена, Но в ближайшее время мне потребуется надежный электротехник, так что я предлагаю вам работу. Правда пока, временную, но при благоприятной ситуации она станет постоянной. Вы поселитесь на башне, что нужно делать я вам объясню. Расскажите немного о себе?

– Я родился в Амьене в семье пастора. Мой отец – служитель церкви. Не знаю или он жив. Он хотел, чтобы я продолжу его путь, но с юных лет меня увлекали точные науки, особенно математика и физика. Это стало моим призванием. И я пошел в колледж, взяв курс электротехники. Я уверен, что за ней будущее.

– Ах! Тогда у нас есть нечто общее. Значит, вам знакомы и дисциплина, и размышления о высших истинах. Духовная жизнь дает нам дисциплину, но ум – требует точности. Я тоже в юности должен был сделать свой выбор между религией отца и наукой. Выбрал науку и не жалею о своем выборе. Мне требуется помощник с хорошей технической базой. Тот, кто умеет держать язык за зубами. Пока временный. У вас будет возможность узнать многое. Но предупреждаю: я играю с силами, которые ещё не понимает никто. Даже я сам. Ваши познания и опыт могли бы быть полезны. В моей лаборатории в ВорденклиFFE не хватает хороших помощников. Мне нужны те, кто мыслит точно и преданно. Позвольте мне вам предложить временную работу в моей башне.

– Спасибо, сэр, это большая честь. Если вы доверите мне – я приложу все усилия.

– Тогда завтра поедете со мной на башню...

Все это рассказал Раймонд Уэст своим гостям за вечерним ужином.

– Неплохое начало для моей новой пьесы, – прокомментировал он, – интересно, кто дальше выйдет на сцену?

– Дальше на сцену выйду я, – сообщила мисс Марпл, – где, ты говоришь, находится эта башня? В местечке Шорхем? Сколько туда ехать? Пару часов? Раймонд, завтра утром ты меня отвезешь на станцию.

Глава 45. Башня Ворденклифф

25 ноября 1914 года, когда поезд с лязгом остановился у маленькой станции Шорхем, первой в тамбуре была мисс Джейн Марпл в бледно-сером дорожном пальто и вязаной шапочке цвета засохшей лаванды. В руках она держала добротную кожаную сумку с застёжкой, выдававшую лучшие времена, но всё ещё аккуратно начищенную – из тех, что служат и чемоданом, и корзиной, и дамской сумочкой сразу.

Она сошла с подножки и невольно огляделась. Станция состояла из единственного деревянного строения с широким навесом. От неё в обе стороны расходились узкие просёлочные дорожки, засыпанные опавшими листьями. Было тихо. Далеко слышались только гудки со стороны залива, да отдалённый свист осеннего ветра в соснах.

Шорхем производил впечатление забытого уголка, где время шло неторопливо и почти незаметно. Аккуратные белые домики окружены деревянными заборами. Вдоль дороги тянулись тротуар с голыми деревьями, за ним – широкие пустоши и кое-где поля, серые от инея.

Похоже на Сент-Мэри-Мид, подумала мисс Марпл. Она повязала потуже шарф на шее – воздух был пронизан сыростью и солью и, повесив на плечо сумку, направилась в сторону поселка.

В центре посёлка оказалось двухэтажное кирпичное здание. Под слегка покосившейся вывеской «Бюро по найму», висело расписание приёма. Внутри – было тепло, пахло чернилами и табаком.

– Доброе утро, – сказала она, вежливо снимая перчатки и улыбаясь женщине за конторкой.

Женщина приветливо предложила стул.

– Добрый день, меня зовут миссис Донован, чем я могу вам помочь?

– Миссис Донован, мне нужна работа.

– Поставьте вашу сумку вот здесь. Вы живете в Шорхеме? У кого вы работали раньше? Отчего ушли? Что вы умеете?

– Я беженка. Мне посоветовали Шорхем, здесь так тихо, я устала от войны. Я умею готовить, убирать, стирать.

– Нянчили детей?

– Не приходилось. Но я умею ухаживать за садом. Варить варенье. Меня зовут мисс Марпл.

– Мисс Марпл, я в большом затруднении. Когда началась в Европе война, спрос на прислугу резко упал. Мы пока занимаем нейтралитет, но что впереди известно одному господу Богу. Вы – католичка?

– Да.

– В церкви пастору нужна женщина для ухода за детьми, но если у вас нет опыта...

– А что-нибудь другое?

Дежурная переложила бумаги на столе.

– А другого ничего нет. Вы можете походить по домам и поспрашивать, не все обращаются к нам, наши услуги платные. Я искренне сожалею.

Зазвонил телефон.

– Бюро по найму. Что я могу для вас сделать? О, мистер Тесла! Рада вас слышать. Как поживаете? Вам нужна экономка в башню? На один месяц. Приготовление еды, уборка и стирка. Кажется, у меня есть подходящая кандидатура. Нет, пожилая. Наши цены вы знаете. Одну минутку.

– Мисс Марпл, вам это подойдет?

– Только на месяц?

– Мистер Тесла, она спрашивает, только на месяц?

– Это будет зависеть от обстоятельств? Мисс Марпл, вы слышали, берете это место?

– Разве у меня есть выбор? Беру. Когда можно приступить?

– Мистер Тесла, когда ей приступить к работе? Сегодня? Хорошо, мы ее к вам отвезем. Ее зовут мисс Марпл. Рада услужить. И вам хорошего дня!

– Вам повезло, сейчас с работой очень тяжело, война. Том, запрягай бурую лошадку, надо свезти мисс Марпл на башню! Это все ваши вещи? Башня называется Ворденклифф. Было время, там жил целый штат прислуги. Насколько мне известно, сейчас там живет только сторож. Сам Тесла почти не появляется, он живет в Нью-Йорке, по слухам, он занят поиском денег. Сторож иногда топит камин, открывает для проветривания окна и винтовкой отгоняет любопытных. Он женат, но его жена живет здесь, в Шорхеме, и туда переселяться боится. Говорят, там водятся привидения и воют по ночам. Она ему носит еду.

– Выходит, я буду там одна женщина? А если что, тут у вас есть полиция?

– Вам нечего бояться, я имею в виду, народ у нас законопослушный и смирный. Последнее убийство в Шорхеме случилось шесть лет назад. Продукты можно закупать в соседней лавке, если оплатите заказ, привезут домой. Удачи!

Бурая лошадка, весело цокая копытами по булыжной мостовой, привезла мисс Марпл на северный берег Лонг-Айленда, и через редкую сосновую рощу она увидела башню.

Огромная, которая казалась вырванной из будущего, башня стояла на приподнятом участке земли, окружённом забором. На мощном основании вздымалась деревянная конструкция, похожая на рёбра гигантской рыбы. Венчал всё это массивный металлический купол, тускло поблёскивающий в пасмурном ноябрьском свете. Она напоминала маяк, водонапорную башню и приёмник инопланетной связи одновременно.

Рядом – двухэтажное здание из красного кирпича с высокими окнами. На крыльце стояла деревянная скамейка и две пары сапог, перевернутых вверх подошвами.

Когда повозка остановилась, к ним вышел человек. Среднего роста, в тёплом пальто и ушанке, с окладистой бородой и тяжёлым фонарём в руке. Он был явно не из местных – акцент выдавал Восточную Европу.

– Добрый день, – сказал он, прищурившись на мисс Марпл. – Вы новая экономка?

– Что-то вроде, – спокойно ответила она, подавая руку. – Меня зовут мисс Джейн Марпл.

Сторож усмехнулся, отошёл в сторону и жестом пригласил:

– Это – дом для обслуживающего персонала, который помогал мистеру Тесле следить за оборудованием, – пояснил сторож. – Тогда проходите. Дом у нас тёплый, только чай слабый и работа – странная. Иногда по ночам даже стены гудят. Это от башни.

Он взглянул вверх, на тёмный купол.

– Некоторые говорят, она знает, что ты о ней думаешь.

Мисс Марпл посмотрела на башню ещё раз. В этот момент дунул ветер, и провода в вышке зашевелились, словно металлические струны.

– Что ж, – сказала она спокойно, поправив шляпку. – Рада познакомиться.

Сторож шагал впереди, не торопясь. Дверь дома скрипнула, впустив внутрь холодный, сырой воздух. Стены – из красного кирпича, полы деревянные, покрытые потертым линолеумом, в углу – камин с решёткой, обложенной плиткой, на которой кое-где виднелись трещины.

– Вот тут, – сказал он, кивая на ящики в коридоре, – дрова и уголь. Там – подсобное помещение. Вёдра там же. Вода – в умывальнике на кухне, насос ручной. На втором этаже ваша комната. В доме вы пока одна.

Он махнул рукой и поднялся по узкой лестнице. Мисс Марпл аккуратно взялась за перила и пошла за ним.

Её комната оказалась скромной, но чистой: железная кровать с ватным матрасом, плетёное кресло у окна, шкаф для одежды и ночной столик. На стене — тусклая фотография Ниагарского водопада в рамке.

– Камин греется долго, – сказал сторож, кивая на камин. – Но держит тепло. – Благодарю вас, – вежливо ответила мисс Марпл.

Когда он ушёл, она первым делом сняла перчатки и шарф, аккуратно повесила их на спинку кресла, затем накинула кухонный передник поверх пальто — привычка, оставшаяся ещё со времён ее сельской кухни. Спустившись вниз, развела огонь в камине. Добавив щепы, прочистила поддувало и дождалась, пока пламя оживёт, насыпала уголь.

Кухня была просторной. В углу стоял электрический холодильник – шумный, с круглым мотором сверху, похожим на шляпу. Внутри – немного еды: бутылка молока, два яйца, кусочек ветчины, баночка маринованных огурцов, сыр, масло. На полке над раковиной – банка с чаем, небольшая банка сахара, сухие корки хлеба. Надо будет съездить в лавку, когда дадут деньги.

Мисс Марпл поставила чайник на плиту – дровяную, массивную, с блестящими конфорками. Она привезла с собой новую кофеварку, но еще не распаковала. Пока вода грелась, она осмотрела остальное: кладовка, чулан, дверь, ведущая в подвал, заперта.

Выйдя на крыльцо, она взглянула на башню. Откуда-то с высоты доносилось глухое гудение, как будто кто-то запускал огромный электрический улей.

Вернувшись внутрь, мисс Марпл достала из сумки маленький блокнот и карандаш. В своей аккуратной манере она сделала запись:

1. Топить камин (утром и вечером).
2. Проверить состояние плиты на кухне.
3. Помыть полы и протереть окна.
4. Уточнить у сторожа, сколько будет жить людей.
5. Выяснить, когда приедет мистер Тесла.

Она поставила точку и закрыла блокнот. Вода закипела. Мисс Марпл заварила себе чай, аккуратно нарезала ломтик сыра и села у камина, глядя, как пламя отбрасывает пляшущие тени на стены. Дом казался тихим. Но в этой тишине было что-то... напряжённое. Как будто сам воздух слушал.

– Ну что ж, – сказала она вслух, улыбнувшись, – начало неплохое.

Глава 46. Лучи смерти

Утро на Башне выдалось ясным и холодным. Солнце тускло отражалось в стеклянных линзах большого окна мастерской. Внутри – порядок, чистота и слабый запах железа. Мисс Марпл с утра затопила камин, натёрла приборы до блеска, разложила провода ровными петлями и тщательно вымыла пол. Всё должно было выглядеть идеально. Сегодня день демонстрации.

К полудню с Теслой прибыл военный представитель – майор Вильям Бредли, человек с тросточкой и взглядом, в котором одновременно читались интерес и настороженность. Он не жаловал изобретателей, но к Тесле питал уважение. Вместе с ними вышли из машины Ван Дейк и Эдна.

Пока Тесла с Ван Дейком налаживали приборы, майор рассматривал башню.

Тесла провёл майора внутрь и показал схему установки.

– Это компактная установка направленного излучения, – пояснил он. – Я назвал её "Теллурический канализатор" или, если вам угодно, "Излучатель".

На столе стоял небольшой металлический прибор: цилиндр с медным кольцом, линзой и регулятором. Выглядел он куда скромнее, чем о нём говорили слухи. В стороне стояла клетка с серой, мирно умывавшейся мышью.

Тесла направил излучатель на мышь и нажал на кнопку. Раздался мягкий щелчок, за ним – короткое гудение. Лучи невидимы. Однако через несколько секунд мышь затихла, вытянулась и упала на бок.

Майор вскинул бровь.

– Никакого дыма, ни запаха?

– Луч действует молекулярно, – сдержанно ответил Тесла. – И только на живую ткань, с определённой частотой. Радиус действия – в пределах лаборатории. Пока. При наличии финансирования, я доведу этот образец до совершенства. Он сможет уничтожать живую технику, сбивать самолеты.

Майор кивнул.

– Хорошо. Мы обсудим это с руководством и через месяц объявим наше решение. Благодарю, мистер Тесла.

Они пожали руки. Эксперимент завершился. Тесла отсоединил провода и поставил излучатель в шкаф.

Гости были приглашены в столовую, где мисс Марпл приготовила обед. Когда она вошла с кастрюлей супа, Эдна с удивлением раскрыла рот, но, увидев, как мисс Марпл приложила палец к губам – знак молчания, снова его закрыла.

После обеда мистер Бредли выразил желание прогуляться, а Тесла с Ван Дейком прошли в мастерскую, Эдна подошла к мисс Марпл.

– Тетя Джейн, а как вы сюда попали?

– Очень просто. Я искала работу, и агентство по найму прислуги направило меня сюда.

– Тетя Джейн, скажите правду.

– Правда, дорогая Эдна, бывает очень опасной. Сейчас главное: мы не знакомы. Помогите мне убрать посуду.

Перед отъездом Тесла собрал четверых

– Мистер Ван Дейк, вы остаетесь старшим. Ваша задача законсервировать все приборы, и вы свободны. Свяжитесь со мной через месяц. Если появятся средства, вы снова получите работу. Поскольку наш контракт кончается через неделю, можете неделю здесь пожить. Это касается и экономки. Сторож остается, вы свои обязанности знаете.

Он сел в машину, где его уже ждал военный представитель. Машина издала прощальный гудок и шины зашелестели по проселочной дороге.

– Почему бы нам не провести недельку на свежем воздухе? – спросил Ван Дейк. Мисс Марпл, вы остаетесь? Тогда познакомьтесь с моей женой и научите ее так вкусно готовить, а я завтра съезжу в Нью-Йорк в бюро по трудоустройству. Надеюсь, в Нью-Йорке опытный электротехник без работы не останется.

Ночью Эдна проснулась от ощущения тревоги, рядом место было пустым. Она встала, накинула халат, где Ян? Но он вскоре вошел, неслышно притворив дверь.

– Эдна, дорогая, все в порядке. А просто вдруг вспомнил, что не обесточил на ночь трансформатор. Просто опустил вниз рубильник.

Ван Дейк погрешил против правды. Он достал в шкафу излучатель «Лучей смерти», упаковал его в коробку и утром, когда все спали, отправился с ним на станцию.

Дело сделано. Он занесет эту коробку в Немецкое консульство, отдаст ее военному атташе и получит обещанное вознаграждение. А потом... А потом он оставит эту беспокойную работу, полученную по наследству от отца. Разве его отец был счастлив? Бесконечные поездки, подсматривания и подслушивания, ходьба по лезвию ножа. Его мать не захотела жить с отцом, узнав его род деятельности, и сбежала, бросив сына. И с него хватит, он увезет Эдну подальше, во Флориду. Они купят маленький домик на берегу океана, заведут детишек, и она никогда не узнает, что значит ждать мужа месяцами и вдруг получить похоронку.

Позавтракав на станции, Ван Дейк пришел в консульство, крепко прижимая к груди драгоценный груз. Его провели в заднюю комнату. В углу – тяжёлый стол. Сидящий за ним полковник, военный атташе, в штатском взял коробку.

– Что это?

– Я поник в башню Теслы. Он не занимается ракетами, но я достал то, что сделает Германию великой и непобедимой. Излучатель, посылающий луч смерти.

Он следит за выражением лица атташе, как оно будет выглядеть, когда он увидит прибор? Коробка вскрыта. Разворачивает старые газеты.

– Вы в своем уме? Что вы принесли?

– На столе в гряде газет стоит блестящая новенькая кофеварка. Ярко светится надпись: "Made in USA".

Повисла тишина. Ван Дейк побледнел.

– Этого не может быть... это ошибка... я...

Полковник встал.

– Вот, что дорогой мой, благодарю за службу. Видно, работа разведчика вам не по плечу. Вы уволены и забудьте наш адрес.

Он нажал кнопку звонка и вошел дежурный офицер.

– Выведите этого молодого человека на улицу. Да, сэр, заберите свою кофеварку и вот вам два доллара на кофе.

Зверь захлопнулась, как крышка гроба.

Ошеломленный Ван Дейк двинулся на станцию. Что дальше? Прибор кто-то подменил. Кто? А может это сама фортуна дает ему шанс начать другую жизнь, с двумя долларами в кармане? Если Эдна его действительно любит... Или дать ей свободу?

На башне были только сторож и Эдна.

– Наконец ты вернулся! А я так беспокоилась, уж не решил ли ты от меня сбежать! Нашел работу?

– Наоборот – потерял. Эдна, с мужем тебе не повезло. Если хочешь, возвращайся в свое кабаре. Ты свободна. Вот тебе наше брачное свидетельство, можешь его порвать.

– Давай. А что случилось? Ты встретил другую?

– Эдна, я хотел тебя сделать счастливой, но замок, который я для тебя строил, оказался на песке.

– Ты так легко от меня не отделаешься. У меня есть небольшие сбережения, мы поедем к племяннику мисс Марпл, у меня есть его адрес. Впереди рождество и там мы его и отметим. А потом поедем навестить мою маму.

– Ты знаешь мисс Марпл?

– Она – соседка моей мамы в деревне Сент-Мэри-Мид.

– Какой ты сказала деревни?

– Сент-Мэри-Мид. Да, моя мама живет в деревне, а ты ожидал породниться со знатной фамилией. Тогда вот тебе наше брачное свидетельство, можешь его порвать. А что ты так удивился?

– Просто, эта деревня – место, где я меньше всего хотел бы побывать.

– Ян, скажи правду.

– Ты к ней еще не готова. Хорошо, едем к племяннику. Мне уже нечего терять.

– Значит, уже все потерял?

– Кроме тебя. Да, у меня еще есть два доллара и вот тебе отличная новенькая кофеварка. Ты согласна на такое приданое?

– Согласна. Я давно мечтаю о кофеварке, а на эти два доллара купишь мне цветы. Ян, кто понесет наши вещи? Есть, наконец, мужчина в этом доме?

Глава 47. Схватка без победителя

Когда Ван Дейк и Эдна добрались до дома племянника, там обедали и им поставили два стула. Эркюль Пуаро и Ван Дейк обменялись взглядами, оба были в шоке, для обоих эта встреча была новой схваткой без победителя. После обеда оба соперника вышли покурить.

– Опять вы?

– Почему опять?

– Так ведь это вы, мистер Пуаро, следили за мной на корабле! Я специально положил записку под кадку с пальмой, когда вы достали зеркальце. А потом дал доллар матросу, чтобы он посмотрел, кто возьмет эту записку. И он описал вас! Зачем вы следили за мной на корабле?

– Дорогой Ван Дейк, я следил за вами не только на корабле. Вы помните буфетчика в лаборатории Арчибальда Лоу?

– Это были вы? Но я все-таки сумел сфотографировать секретные чертежи и передать пленку...

– Пленку с безобидными снимками лондонских улиц, автобусов и туристов вы передали фотографу, которого арестовали после вашего отъезда.

– Лондонских улиц?

– Да, ее приготовили в отделе М15. Вы помните пьяного, что к вам пристал? Во время разбирательства в полицейском участке пленку подменили.

И я следил за вами в Калуге, точнее – мы. Мне помогала мисс Марпл.

– Опять эта мисс Марпл, да кто она такая?

– Прихожанка церкви в деревне Сент-Мэри-Мид, где вы имели честь служить викарием!

– И это вам известно! О, это было неплохое место. Но, когда я по вызову прибыл на совещание в Епархию, оказалось, что никакого вызова мне не посылали, поэтому, я решил в деревню не возвращаться и за деньгами сходить в подходящее время.

– О деньгах не беспокойтесь, они возвращены банку. А вызов сочинила мисс Марпл, чтобы в ваше отсутствие сделать обыск, она же показала, где искать ваши деньги.

– Но в Калуге я вас обвел вокруг пальца, вы не могли подменить расчеты Циолковского в коробке, которую я завял шнурком с секретным узлом.

– Этот узел развязала и снова завязала в камере хранения мисс Марпл.

– А что вы положили взамен?

– Вполне достойную замену – книгу Циолковского «На Луне».

– И в Париже вы меня вычислили?

– На выступлении Маты Харри вы подарили ей букет с цветками семи цветов радуги.

Мисс Марпл догадалась, что это был пароль. Она же заметила, что движения губ мисс Мат Хари и движения ее руки, пишущей автограф не совпадают.

– Да, под видом автографа, она написала отзыв: «Радуга бывает не только после грозы».

Но мой блокнот с интервью и бутылку с ракетным топливом я ей все-таки передал.

– Которые я подменил, напросившись к ней вечером в гости.

– Сумели перелить топливо?

– Просто подложил бутылку с настоящим «Мартеlem». Для красивой женщины ничего не жалко.

– Осталась эта несчастная кофеварка, кто мне ее подсунул?

– Мистер Ван Дейк, пусть это останется маленькой тайной.

– Выходит, я проделал бессмысленную работу!

– Почему же? Все ваши находки мы передали в соответствующее ведомство, Англии тоже интересно, кто работает над оружием будущего. Сейчас главное не это, сейчас главное что вы намерены делать? Насколько я понял, ваше начальство вас отправило в отставку?

– Да, и с выходным пособием в два доллара. Мистер Пуаро, теперь вы знаете, что я – немецкий шпион. Что вы намерены со мной сделать? Оставить мою Эдну вдовой? Вы-то сами женаты? Как ваша жена смотрит на вашу работу, вы ведь тоже ходите по лезвию ножа?

- Поэтому я не женат. Итак, что вы намерены делать после войны?
- А вы поверите словам шпиона? Если я останусь жив и получу свободу, а Эдна будет меня ждать, мы поселимся в тихом месте, купим маленький домик и заведем детишек.
- То есть, вы не планируете вернуться в Германию.
- Что бы у меня потребовали вернуть бесполезно истраченные казенные деньги? И заставили выступать в школах диверсантов с рассказами, как меня обманули в четырех городах? Я надеюсь, мое наказание не будет чрезмерно строгим. Я никого не убил, никаких военных секретов не выдал и даже, как вы говорите, принес пользу некоему английскому ведомству.
- У вас есть оружие?
- Нет, можете меня обыскать.
- Какая-то просьба?
- Да. Пожалуйста, не рассказывайте моей жене, что я шпион. Она этого не знает. И не наказывайте ее, она не участвовала в моих делах, и я не пытался ее использовать для своих целей.
- Мистер Ван Дейк, наша миссия в Нью-Йорке исчерпана и на ближайшем корабле мы отправимся в Англию.
- А что будет со мной?
- Я бы вас выдал властям, но мисс Марпл против. Вечером состоится домашний суд.

Глава 48. Домашний суд

Снаружи шумит холодный ветер – уличные фонари тускло светят сквозь снежную пелену, а трамваи жалобно звенят, как будто сами торопятся укрыться от надвигающейся зимы. В квартире Раймонда Уэста царит тишина.

Салон тускло освещён настольной лампой. У окна стоит Эркуль Пуаро, сложив руки за спиной и слегка покачиваясь с носка на пятку. У камина – Раймонд Уэст, в кресле с высокой спинкой, задумчивый и чуть насмешливый. Мисс Марпл устроилась на диване с вязанием, но петли не шли – клубок давно замер. А в центре комнаты, на стуле, сидит Ван Дейк, с впалыми щеками и опущенными глазами, решается его судьба.

– Я объявляю заседание открытым, – негромко произносит Раймонд Уэст, сложив пальцы домиком. – Обвинитель – месье Пуаро, ваше слово.

Пуаро поднял подбородок, как будто находился в суде Короны, а не в гостиной друзей.

– Этот человек, – он указал на Ван Дейка, – объехал четыре страны, не как турист, а как шпион. Он встречался с ведущими умами, выдавая себя, то за студента, то за писателя, то за журналиста. Но в каждом случае его цель была одна – получить сведения о технологиях, которые в будущем могут изменить ход войны. Ракеты. Реактивные двигатели. Подобные открытия в чужих руках могут стать гибельными.

– Я фактически не передал ни одного секрета, – негромко сказал Ван Дейк.

– Благодаря тем, кто за вами следил, – отрезал Пуаро. – Да, ваша фото пленка секретных чертежей Арчибальда Лоу была подменена снимками Лондонских улиц и Большого Бена. Вместо расчетов Циолковского, ваш сообщник получил его книгу «На Луне». А ракетное топливо Роберта Эсно-Пельтри превратилось в коньяк «Мартель». Наконец, кофеварка помогла скрыть «Лучи смерти». Но, повторяю, только благодаря тем, кто за вами следил. Я предлагаю выдать его властям.

– Ваша честь, – не поднимаясь, вступила мисс Марпл, – позвольте заметить: перед вами человек, который уже наказан. Его страна отказалась от него. Он один, без средств, без будущего. Всё, что у него осталось, – это любовь к женщине.

Пуаро фыркнул, но промолчал.

– Он собирал информацию, – продолжила мисс Марпл, – но, в конце концов, ничем не навредил. И теперь перед нами не шпион, а человек, который может стать кем-то иным. Я предлагаю дать ему еще один шанс.

Наступила пауза. Раймонд, слегка поигрывая пером, смотрит в огонь. Потом поднял глаза.

– Мистер Ван Дейк, вы имеете право на последнее слово.

Ван Дейк встал. Его голос был низким, спокойным, без нажима.

– Господа, я родился и вырос в стране, где от нас требовали не думать, а исполнять. Где честь определялась не совестью, а подчинением. Я делал то, чему меня учили. Но пока я ездил по Европе и Америке, я видел другое. Люди думают не только о войне. Они хотят покорить космос!

Он сделал небольшую паузу.

– Я не ученый, но если вы дадите мне ещё один шанс, я бы действительно начал работать над возможностью достижения Луны.

В камине треснуло полено. Раймонд Уэст встал.

– Суд постановил.

Он сделал шаг вперед, пристально глядя на Ван Дейка.

– Вы признаны виновным в ведении шпионской деятельности в военное время. Однако ввиду того, что результат вашей миссии был равен нулю, а ваши нынешние убеждения изменились...

Он подошёл к столику, взял с полки тонкую папку и передал её Ван Дейку.

– В этой папке – письмо к профессору Роберту Годдарду в Вустер. Он занимается реактивной тягой, но не для армии, а ради мечты о Луне. Вы будете направлены к нему, как аспирант. Вы не имеете права покидать пределы Вустера без разрешения. Раз в месяц присылаете сюда отчёт. В случае нарушения условий – вы будете переданы властям.

Ван Дейк опустил голову. Потом поднял её – и впервые за вечер в его глазах появилось нечто похожее на благодарность.

– Я понял, – тихо сказал он. – И... спасибо.

– Мы ещё посмотрим, за что, – буркнул Пуаро.

– У вас есть какие-то просьбы к суду? – спросил Раймонд Уэст.

– Да. Моя жена не знает, что я – шпион. Пожалуйста, не говорите ей об этом суде.

– Я приготовлю чай, – сказала мисс Марпл. – И добавлю немного гвоздики. Помогает от нервов.

Они сели за стол, как будто ничего особенного и не произошло. Но где-то далеко, в Вустере, горела лампа в лаборатории человека, который однажды первым поднимет ракету в небо. И кто знает – быть может, в свете этой лампы у Роберта Годдарда скоро появится новый ученик?

Глава 49. Роберт Годдард (Историческая справка)

Роберт Годдард (1882-1945) – американский учёный, один из пионеров современной ракетной техники.

Родился в городе Вустер, штат Массачусетс. Ещё в юности, в 16 лет, после прочтения книги Уэллса «Война миров» Роберт заинтересовался исследованиями космоса. 19 октября 1899 года, взбираясь на вишнёвое дерево, чтобы обрезать засохшие ветки, он, как позднее напишет сам, вообразил, «как чудесно было бы сделать такое устройство, с помощью которого можно долететь до Марса, и какой маленькой бы выглядела оттуда лужайка под моими ногами». Позже он всегда отмечал этот день как личный праздник.

После получения степени бакалавра в Вустерском политехническом институте в 1908 году, он обучался на физическом факультете Университета Кларка, получив степени магистра в 1910 году и доктора наук в 1911 году.

В 1914 году он начал конструировать ракетные двигатели, получая финансовую поддержку Смитсоновского общества, и зарегистрировал два значимых патента в ракетной технике. Во время Первой мировой войны преподавал в Кларкском университете в Вустере и именно в это время он начал активную научно-исследовательскую деятельность, связанную с ракетной техникой. Годдард разрабатывал идеи и теории, связанные с использованием жидкостных и твердотопливных ракет.

Он написал работу «Метод достижения чрезвычайно больших высот», содержащую теоретические основы космических полётов и обоснование возможности запуска ракеты на Луну. Уделял большое внимание безопасности и часто работал в одиночку, опасаясь утечек информации и возможных аварий.

16 марта 1926 года Роберт Годдард запустил первую в мире жидкостную ракету. Ракета взлетела со снежного поля, достигнув высоты около 12,5 метров и, пролетев 56 метров по горизонтали, разбилась при ударе, но все равно стала большим шагом вперед для технологии того времени.

В 1943 году Годдард стал консультантом Curtiss-Wright Corporation, ведущей авиастроительной компании, а весной 1945 года увидел немецкую баллистическую ракету Фау-2 в военно-морской лаборатории в Аннаполисе, где он работал по контракту. После тщательного осмотра Годдард был убеждён, что немцы использовали его работы.

Жена помогала ему в экспериментах и после его смерти, разбираясь в оставшихся материалах, получила 131 дополнительный патент на его работу.

Хотя его идеи тогда казались многим фантастическими, они позже стали основой для ракетной техники XX века. Годдарда часто называли отцом современной ракетной техники.

В честь Роберта Годдарда назван Центр космических полётов Годдарда, его именем назван крупный ударный кратер на обратной стороне Луны.

Глава 50. Рождество

Во вторник вечером в квартире Рэймонда Уэста собрались пятеро. Густой аромат чая с бергамотом наполнял гостиную, а за окнами мерцали огни Манхэттена.

– Ну что ж, – сказал Раймонд, вставая и оглядывая своих гостей с легкой улыбкой. – Сегодня вторник. А это, как вы знаете, был особый день в доме моей тётушки. Он взглянул на мисс Марпл, которая сидела в глубоком кресле у камина, держа на коленях аккуратно сложенные вязальные спицы.

– Помните наш Вечерний клуб Вторник, тётя Джейн?

– Конечно, помню, – кивнула мисс Марпл. – Очень полезное развлечение для ума.

Правда, некоторые истории до сих пор вызывают у меня дрожь.

– В таком случае, продолжим эту славную традицию. Пусть кто-нибудь расскажет загадку из жизни, которую остальные попытаются разгадать.

– Прекрасно, – сказал Пуаро, поднимая чашку с чаем. – Если вы позволите, я начну. У меня есть история – изысканная, почти философская. Произошла она всего несколько дней назад на борту нашего великолепного судна «Франция».

Он сделал эффектную паузу, откинулся в кресле, сцепил пальцы и заговорил:

– Представьте себе: я выхожу из бильярдной, и вдруг обнаруживаю, что моя шляпа – моя изысканная, идеально симметричная фетровая шляпа – исчезла. Она висела на вешалке у двери. Я спросил всех – никто ничего не видел. Опросил стюардов – они только пожали плечами.

Пропала. Я почти смирился, когда, прогуливаясь по палубе, заглянул в нишу со скульптурами – и что же вы думаете? На мраморной голове Аполлона – моя шляпа!

– Поразительно, – воскликнула Эдна, – но кто бы мог... зачем?

– Просто шалость? – предположила мисс Марпл. – Молодёжь нынче весьма склонна к глупым розыгрышам.

– Нет-нет, мадемуазель, – покачал головой Пуаро. – Это не была просто шалость. Это было намерение. Прямая насмешка над порядком и симметрией.

– А шляпа была повреждена? – уточнил Раймонд.

– Нисколько! Сидела на мраморной голове, как будто для неё и сшита.

– И вы не заметили ничего необычного в тот вечер? – спросила мисс Марпл.

– Ничего. Только один человек мог бы подойти так близко и не вызвать подозрений, – сказал Пуаро и взглянул на Ван Дейка.

– Вы подозреваете меня? – приподнял бровь Ван Дейк.

– Не подозреваю... – тихо сказал Пуаро, – но задаюсь вопросом, кто мог бы соединить утончённую иронию с ловкостью рук?

Ван Дейк рассмеялся.

– Ладно, сдаюсь! Это был я. Простите, мадам Марпл, я не удержался. Ваш бельгийский друг столь тщательно ухаживал за своей шляпой, что она показалась мне... ну, чем-то почти священным. И я подумал: Аполлону, богу разума и света, она тоже пошла бы!

Пуаро с достоинством поправил манжет.

– Значит, это вы устроили мой личный Парнас на палубе. Признаю: остроумно. Хотя, слегка жестоко.

– Вот за что я люблю вечерний клуб Вторник, – сказала Марпл. – Здесь всегда открываются неожиданные истины.

– А покажите нам её, – попросил Раймонд. – Мы заслужили взглянуть на этого героя греко-римского стиля.

– Момент! – сказал Пуаро, поднимаясь, – она на вешалке у входа. Я повесил её, как всегда, аккуратно, строго по горизонтали.

Через несколько секунд из прихожей раздался возглас.

– Этого не может быть!

Все переглянулись.

– Что случилось? – спросила мисс Марпл.

Пуаро вернулся в комнату, держа в руках пустую вешалку. Он выглядел потрясённым.

– Её нет! Она исчезла. Опять!

– Ну, это уже слишком, – заметил Раймонд. – Вы уверены, что не перепутали вешалку?

– Я? Пуаро? Перепутал? Это невозможно, мон ами.

– Может, вы просто её сдали в химчистку? – предположила Эдна.

– О, да, теперь вспомнил, – смутился Пуаро, под общий смех, – вчера я заметил на ней пятнышко, которое сам вывести не смог и сдал в химчистку.

Они уже собирались расходиться, когда с улицы донёсся громкий хлопок, а потом вспыхнул свет – золотой, затем синий, затем малиновый.

– Фейерверк! – воскликнула Эдна и подскочила к окну. – Это, наверное, с площади, у Мэдисон-Сквер?

– Ах, да! – вспомнил Раймонд. – Сегодня же Рождество! Я слышал, что мэрия обещала рождественское сияние для жителей Манхэттена.

– Что ж, друзья, – сказал Пуаро, поднимаясь, – предлагаю завершить наш первый клубный вторник на улице, под звёздами и огнями.

– Чудесная идея, – согласилась мисс Марпл, натягивая шаль. – Что может быть лучше рождественского фейерверка... разве что вязание носков или хороший детектив?

Глава 51. Ферма тетушки Эффи

В старом фэнтоне, скрипя подвеской и распугивая кур на просёлочных дорогах, Роберт Годдард, Ван Дейк и Эдна добрались до самой окраины штата Массачусетс.

Ферма тетушки Эффи, казалась, словно была из другой эпохи: белый дом с крыльцом, облупившаяся амбарная дверь, пасущиеся козы и яблоневый сад. Над всем этим царила фигура самой тетушки – сухопарой, прямой как жердь женщины с пронзительными глазами и ковбойским взглядом. Ей было под семьдесят, и она называла себя «сторожем будущего», не вдаваясь в объяснения.

– Добро пожаловать, – сказала она, поставив перед ними чашки кукурузного кофе. – у меня есть свободные комнаты. Будете жить наверху, рядом с мастерской.

Мастерская Роберта Годдарда находилась в бывшем курятнике, который он собственноручно переоборудовал для своих опытов. Теперь там лежали паяльники, баллоны, начерченные от руки схемы, детали из меди и стекла. На двери висела табличка: «Посторонним входить можно».

Поначалу Ван Дейк чувствовал себя неуместно, но через несколько дней освоился. Он помогал Эффи с хозяйством, чинил забор, и время от времени, помогая Годдарду, освоив электрическую сварку. Никто в округе не знал, кто он такой. Официально он числился помощником по хозяйству.

Иногда ночами они выходили в поле, где Годдард устанавливал на треноге странные металлические трубки, окружённые проводами и наполненные жидким топливом. Ван Дейк вел записи, задавал уточняющие вопросы и делал схемы.

– Вот здесь ошибка, – однажды заметил он. – Угол наклона слишком острый, импульс не срабатывает.

Годдард посмотрел на него с удивлением.

– Ты где учился.

– Я инженер, или был им. До того, как все пошло к чертям.

С первых дней стало ясно: Эдна тоже пришлась ко двору. Старушка уже не справлялась с делами, как прежде. Нужна была не просто помощница, а собеседница, связующее звено между ней, Робом и всеми этими «мудрёными машинами», которых она опасалась, но гордилась ими.

Эдна стала ей чем-то вроде компаньонки – она записывала рецепты и истории Эффи, читала ей вслух газеты и книги по вечерам, стряпала пироги по её указаниям и понемногу освоила даже искусство варить вино из яблок и ежевики. В те редкие дни, когда Годдард устраивал «испытательные обеды» для соседей (неофициальные, чтобы не было лишнего шума), именно Эдна помогала организовывать стол.

В середине мая, на ферме появился гость – элегантный мужчина с саквояжем и легкой усмешкой на лице.

– Раймонд Уэст, – представился он. – Писатель. Приехал навестить старого друга.

– Писатели – народ ненадёжный, – заметила Эффи, – любят рыться в прошлом. Но коли ты из друзей Роба – ладно, заходи. Пирог вон, ещё тёплый.

Ужин в тот вечер затянулся. Эдна спорила с Эффи по поводу корицы, Ван Дейк чинит стул, упрямо отказываясь звать плотника, а Годдард сказал, набивая трубку турецким табаком:

– Мистер Уэст, вы во время приехали. Завтра состоится запуск моей первой модели.

Утро было тихим и безветренным – идеальное время для запуска. На дальнем лугу, за яблоневым садом, стояла металлическая тренога с закреплённым цилиндром – новой моделью ракеты. Годдард, в кожаном переднике и с маской на лице, ходил вокруг, делая последние проверки. Ван Дейк держал журнал расчётов, время от времени сверяя цифры с приборной панелью.

Эдна, несмотря на тревогу, пришла – настояла, что хочет быть рядом. Она держалась позади, вместе с Раймондом, которому Годдард строго-настрого запретил подходить ближе пятидесяти ярдов.

– Мы с мисс Марпл как-то видели, как взрывается керосиновая лампа, – вспомнил Раймонд. – Надеюсь, эта ракета не такая опасная.

Эдна не ответила – в её глазах была нешуточная тревога.

– Готовность... – сказал Годдард.

– Десять секунд, – сообщил Ван Дейк. – Топливо горит стабильно.

Они сжались над пультом. Щёлкнуло реле. Пошёл обратный отсчёт.

– Три... два... один...

В следующее мгновение раздалось пронзительное шипение, ракета дрогнула, как будто колеблясь между страхом и судьбой – и взвилась вверх, оставив за собой струю дыма и лёгкий гул, похожий на сердцебиение.

Она поднялась футов на пятьдесят – и рухнула в дальний конец поля, взметнув комья земли.

– Это был успех, – крикнул Годдард, опершись о тележку с инструментами. – Она взлетела!

– Почти вертикально, – добавил Ван Дейк, бегущим шагом направляясь туда, где упала ракета. – Но тяги не хватило, разворот на третьей секунде.

Эдна не двинулась с места. Её щеки порозовели, губы дрожали, но она смотрела на след в небе с той же решимостью, с какой когда-то последовала за мужем в незнакомую страну.

Раймонд, не отрывая взгляда, молча, достал блокнот.

– Это, кажется, и есть то, ради чего стоит жить, – сказал он, будто себе. – Страх, дым и полёт. Маленькая история, из которой родится эпоха.

А Эффи, появившаяся с ведром воды и мокрыми тряпками, покачала головой:

– Ну вот, Роб опять чертей на небе распугал. Хорошо, хоть дом цел. А если они и дальше будут взрывать небо – пусть хоть кур сначала загоняют в сарай.

– Странное у вас тут место, – сказал Раймонд позже Эдне. – Как будто вы уже живёте в будущем, только сами об этом ещё не знаете.

– А может, – улыбнулась – просто стараемся быть его достойными.

А Ван Дейк записал в своём блокноте: "Это было похоже на чудо. А ещё – на начало чего-то, что изменит весь двадцатый век".

Глава 52. Чай с шиповником

Первая мировая война окончилась 11 ноября 1918 года в 11 часов утра – в этот момент вступило в силу Компьенское перемирие, подписанное между Германией и странами Антанты. Это было прекращение огня, положившее конец боевым действиям на Западном фронте, хотя формально война завершилась позже – с подписанием Версальского мирного договора 28 июня 1919 года.

В 1918 году страны Антанты перешли в решительное наступление. Германия, истощённая экономически, охваченная голодом, потерями и внутренними волнениями, начала терять позиции, а её союзники – Болгария, Османская империя и Австро-Венгрия капитулировали. В Германии вспыхнула революция, кайзер Вильгельм II отрёкся от престола 9 ноября, и 11 ноября новое правительство подписало перемирие.

Печальные итоги войны:

Погибли около 10 миллионов солдат, более 20 миллионов были ранены. Гибель мирного населения составила ещё примерно 7 миллионов.

Разрушены целые регионы, особенно во Франции и Бельгии. Многие города и деревни были стерты с лица земли.

Экономики Европы оказались подорваны: инфляция, голод, дефицит товаров, миллионы инвалидов и безработных.

Австро-Венгрия, Османская и Российская империи распались, появились новые государства – Польша, Чехословакия и Югославия.

В массовом сознании война оставила травму и разочарование: вера в прогресс, гуманизм и политические идеалы сильно поколебалась.

Эта война, как тогда говорили, была «войной, чтобы положить конец всем войнам», но, увы, стала лишь прологом к еще более разрушительной бойне.

Как только стало известно об окончании войны, Эркюль Пуаро решил побывать на Родине.

Он приехал в Льеж в холодный и пасмурный день поздней осени. Железнодорожный вокзал был пуст, лишь редкие прохожие спешили по своим делам, укутанные в пальто и платки. Падающие листья кружились в воздухе, неся с собой запах дождя и земли, перемешанный с чем-то пронзительным, почти знакомым, как если бы сама природа помнила горечь утрат.

Пуаро в шляпе и, аккуратно подпоясанным плаще, шагал по пустынной улице с достоинством, не свойственным ему в такие моменты. Он приехал в родной город, но не как тот, кто когда-то знал его улицы и кварталы, а как человек, ставший свидетелем изменений, оставивших на мире глубокие шрамы.

Когда он добрался до своего дома, сердце сжалось. Вместо привычных белых стен, окон с занавесками и огорода, который он так любил поливать, сейчас были лишь обломки. Развалины, покрытые грязью и пеплом, стояли как памятник разрушенному миру. Дом, в котором прошло столько лет, теперь выглядел как память, от которой не осталось ничего, кроме обугленных рам и кусочков кирпичей. Пуаро остановился, взяв глубокий вдох, будто пытаясь воскресить хотя бы один момент из прошлого.

Он не мог поверить своим глазам. То место, которое он когда-то считал укрытием от мира, теперь было всего лишь пустотой. Но среди этих обломков, его взгляд зацепился за что-то блестящее. Это был маленький серебряный медальон, слегка потрескавшийся, но всё ещё сохранявший свою форму. Он поднял его с земли. Там была фотография его матери. Это место стало не просто символом его прошлого, а напоминанием о том, что даже среди разрушений можно найти что-то важное, что-то, что может вернуть тебя к истокам.

Он вновь взял медальон, и направился к ближайшему уцелевшему дому.

Подойдя к двери, постучал.

Через несколько минут дверь открылась, и на пороге появилась пожилая женщина в тёмном платке. Её лицо было морщинистым, как и лицо множества жителей этого района, переживших горечь утрат. Она взглянула на Пуаро, не сразу узнав его, но вскоре в её глазах промелькнуло воспоминание.

– Мсье Пуаро? – спросила она, голос её был низким и сдержанным. – Это вы?

– Да, мадам Верон, это я, – ответил он, снимая шляпу и слегка наклоняя голову в знак уважения. – Простите, что беспокою вас. Я хотел бы узнать, что случилось с этим местом? Как вы жили в оккупации?

Женщина отошла в сторону, давая ему пройти. Она, молча проводила его в небольшой, тускло освещённый коридор. Пуаро заметил, что в доме не было привычных ему украшений – всё было так же скромно, но и пусто.

– Война разрушила всё, – сказала она, потянувшись к полке с чашками. – Перед тем, как пришли немцы, они разбомбили город. – Выпьете чаю с шиповником? После вашего отъезда город оборонялся 10 дней, и 16 августа Льеж пал. Как мы жили? Продовольствие

распределялось по карточкам, остро ощущался голод и нехватка топлива. Многие мужчины были депортированы на принудительные работы в Германию. Я работала прачкой. Стирала бельё в корыте, прямо во дворе. А 7 ноября 1918 года немецкие войска покинули Льеж без боя. Когда в город вошли бельгийские войска, я впервые за четыре года отворила окна настежь, не боясь криков и выстрелов. Вы хотите вернуться в Льеж?

– Этот – непростой вопрос мадам Вернон, за эти годы я повидал мир, но в Лондоне у меня есть жильё, друзья и работа. Прошлое не вернуть. Позвольте мне вручить вам немного денег, посадите на этом пепелище цветы...

Пуаро вернулся в Лондон, но знал, что его работа в Лондоне теперь будет отличаться от той, что он делал раньше. В этой поездке он нашел не только кусочек прошлого, но и намек на то, что его будущее еще не завершилось. И ему с капитаном Гастингсом предстоит еще расследовать много дел, которые станут темами новых книг Агаты Кристи.

Глава 53. Вечерний клуб «Вторник»

Когда в деревне Сент-Мэри-Мид раздался колокольный перезвон, возвещавший об окончании войны, мисс Марпл стояла у калитки своего сада, сжимая в руках газету с заголовком: "Германия капитулировала!"

День был холодный, но солнечный, с ясным небом, каким бывают только ноябрьские утренники. Вся деревня вышла на улицу. Молодёжь бросала в воздух шляпы, старики плакали, обнявшись. Сельский староста, важный и чуть растерянный, собрал всех на митинг у моста через ручей. Там говорили речи, вспоминали павших и молились за тех, кто вернётся.

Мисс Марпл, одетая скромно, в тёмно-синем пальто с воротником из искусственного меха, стояла чуть в стороне. Она не любила суеты, но наблюдала внимательно. Тут же на лужайке за пабом "Летающий олень" начали накрывать столы – скатерти, чайники, баночки с клубничным вареньем, редкий в те годы сахар, даже пара бутылок хереса, припрятанного хозяйкой паба «на мирный день». Девочки из приходской школы водили хоровод.

В последующие недели жизнь начала понемногу налаживаться. Почта снова стала ходить исправно, а в лавке у миссис Баттерс появились настоящие яйца, а не порошковая замена. Вернулся младший брат викария – с орденом и хромотой. Вернулся и сын миссис Уэбб, но молчаливый, с чужим взглядом. Его-то и стала навещать мисс Марпл, принося домашний кекс и игру в домино, не задавая лишних вопросов.

Вскоре она возобновила свои привычные дела: визиты к пожилым вдовам, участие в благотворительном кружке при церкви, чтение лекций о болезнях комнатных растений и нравственном падении общества. И, конечно, вязание. Вечерами она сидела у камина, штопала старые перчатки и слушала, как тикают часы на каминной полке.

Пришла библиотекарь миссис Эллис Ламбрехт и прочла письмо от племянницы Эдны. «Дорогая тетя Эллис!

Наконец решила написать вам, столько головокружительных событий, которые еще предстоит обдумать и разложить по полочкам памяти. Вам, наверное, рассказала мисс Марпл, что я вышла замуж и оставила театр. Муж получил работу в Вустере, мы жили на ферме мисс Эффи, где Ян с мистером Годдардом строили ракету, для того, чтобы лететь на Луну. А я ухаживала за мисс Эффи, и она оставила нам в своем завещании достаточно денег, чтобы осуществить мечту мужа – поселиться в тихом домике на берегу моря.

Наш дом стоит на берегу, недалеко от маленькой рыбацкой деревушки. Невысокий, обшитый серыми досками, с крыльцом, утопающим в виноградной лозе.

Ян работает в муниципалитете, по воскресеньям любит сидеть на веранде, в кресле-качалке, и читать Жюль Верна. Он купил небольшой телескоп и показал мне Луну, она

совсем не так далека, как кажется! А я управляю чайной лавкой и собираю красивые морские раковины на берегу для наших будущих детишек.

Напиши мне о твоей жизни и передай большой привет мисс Марпл, она так много для меня сделала, я молюсь, чтобы она была здорова и дожила до ста лет!

В нашем небольшом поселке церковь закрыта, но Ян уже ведет переговоры, чтобы занять место vikaria. Он говорит, что уже работал vikariem, но где – молчит.

Очень хочется встретиться, а дорога – дальняя, и Ян ехать отказывается.

Поживем – увидим.

Твоя непутевая племянница Эдна.»

Потом появился неожиданный гость – Раймонд Уэст, писатель и племянник уважаемой мисс Марпл, вернувшийся в Англию из Нью-Йорка, где провёл последние месяцы в литературных кругах, обсуждая, не окончилась ли эпоха великих романов. Он сразу навестил тётушку и, после чая с булочками, внезапно предложил:

– Знаете, тётя Джейн, я подумал: не возобновить ли нам заседания нашего вечернего клуба "Вторник"? Люди жаждут общения, а хорошая история сейчас, пожалуй, лучше любых газет.

Гостиная у мисс Марпл снова ожил: кресла были расставлены полукругом у камина, на чайном столике стоял серебряный поднос с печеньем и миндальными пирожными. Часы пробили семь, и вечерний клуб "Вторник" открыл своё первое заседание после войны.

Собрались все прежние участники. Сэр Генри Клиттеринг, бывший комиссар Скотланд-Ярда, снова приехал из Лондона. Рядом с ним, устроившись в низком кресле, сидела миссис Прайс, всегда элегантная и склонная к скептицизму. Мистер Петрик, юрист, сосредоточенно пил чай, а доктор Ллойд, вернувшийся из Египта, рассказал о мрачной атмосфере в каирских госпиталях.

Сэр Генри Клиттеринг, отломил кусочек печенья и, прежде чем отправить его в рот, сказал:

– Мисс Марпл, нам всем не хватает ваших скромных, но поразительно точных историй. Уверен, вы приберегли для нас нечто особенное.

Мисс Марпл, скромно сложив руки на вязании, кивнула:

– Возможно. Тогда слушайте. Это случилось в первые месяцы войны, когда я поехала в Лондон разыскивать Эдну, племянницу нашего библиотекаря миссис Ламбрехт. Тогда и началась эта история, которую можно назвать игрой в четыре руки.

Эпилог

На этом Раймонд Уэст закончил историю о совместном расследовании наших детективов: мистера Эркюля Пуаро и мисс Джейн Марпл.

Это – правдивая история, писал он, рассказанная мне моей тетушкой, несколько приукрашенная и дополненная моим воображением, надеюсь, не вызовет неудовольствие мной глубокоуважаемой миссис Агатой Кристи, в книгах которой эти двое ни разу не встречаются.

Что будут делать дальше наши герои?

Эркюль Пуаро остался жить в Лондоне и продолжал работу сыщика, успешно раскрывая запутанные уголовные дела, хотя не всегда сразу узнает преступников, а, иногда, узнав, решает не выдавать их полиции, используя для их наказания собственную власть. А Гастингс становится постоянным помощником и биографом великого детектива. Об их работе Агата Кристи напишет 33 романа и 50 рассказов.

В деревню Сент-Мэри-Мид, вероятно, проведут электричество и водопровод, благодаря чему она станет излюбленным местом отдыха Лондонцев, так что для мисс Марпл работы тоже хватит. Она не покидает деревню, используя в раскрытии загадочных историй свой опыт сельской жизни. Иногда она ошибается в первоначальных суждениях, особенно если сравнивает кого-то с «типажом» из деревни и, к сожалению, не всегда успевает предотвратить зло. О ней Агатой Кристи написаны 12 романов и 20 рассказов.

Эдна и Ян Вай Дейк остались в США. Они растят двух сыновей-близнецов. Ян служит викарием в местной церкви и надеется со временем получить чин пастора, вспоминая свою шпионскую работу, как плохой сон.

Льежский университет возобновит свою работу в 1919 году, и часть преподавателей из группы, что вывезли в Англию Пуаро с Гастингсом, вернутся на свои рабочие места.

Графиня Вера Русакова после революции сумела сразу уехать в Париж, где живет в русском квартале, обедает в кафе «Домино», в котором бывают Бунин и Куприн, продает свои драгоценности и грустит о прошлом.

Осталось сказать пару слов о себе. Мое, хотя и скромное участие в вышеописанных событиях, дает мне право утверждать: в том, что Германия не создала во время Первой мировой войны ракетное оружие, есть заслуга и моих героев.

Впрочем, для этого время еще, видимо, не пришло – в 1914 году Вернеру Фон Брауну было всего два года.

Оглавление

Страницы

Введение	5
Пролог	7
Глава 1. Берлин. Август 1914 года	9
Глава 2. Герман Оберт (Историческая справка)	11
Глава 3. Было, над чем задуматься.	12
Глава 4. Коньяк «Мартель».	14
Глава 5. Руководство по сыскному делу.	16
Глава 6. Женщина в синем платье.	18
Глава 7. Время не ждет.	21
Глава 8. Хмурое утро.	24
Глава 9. Осколки старой жизни.	26
Глава 10. История графини Русаковой.	29
Глава 11. Торки.	31
Глава 12. Американский журналист.	34
Глава 13. Агата Кристи (Историческая справка)	38
Глава 14. Ужин у Агаты Кристи.	39
Глава 15. Удивительная история.	41
Глава 16. Стайлз.	44
Глава 17. Лондон, Октябрь 1914 года.	46
Глава 18. Дело о южных алмазах.	49
Глава 19. Пассажир второго купе.	52
Глава 20. Новый викарий.	55
Глава 21. Мисс Марпл находит клад.	57
Глава 22. Новый библиотекарь.	60
Глава 23. Сколько людей в Лондоне?	62
Глава 24. Кого так поздно черт несет?	64
Глава 25. Набережная Виктории, 10.	67
Глава 26. Конфиденциальный вопрос.	70
Глава 27. "Fortuna Vobiscum Sit"	73
Глава 28. Арчибальд Лоу. (Историческая справка)	75
Глава 29. Буфетчик Гастингс.	76
Глава 30. Воздушная тревога.	79
Глава 31. Константин Циолковский. (Историческая справка)	82
Глава 32. Студент из Вильно.	83
Глава 33. Ошибка Циолковского.	86
Глава 34. Гости графини Русаковой.	88
Глава 35. Роберт Эсно-Пельтри. (Историческая справка)	92
Глава 36. Семь цветов радуги.	93
Глава 37. Клуб любителей Жюль Верна.	96
Глава 38. Требуется кухарка.	98
Глава 39. Мата Хари.	101
Глава 40. Голубые воды Атлантики.	103
Глава 41. И у шпиона есть сердце.	106
Глава 42. Никола Тесла (Историческая справка)	109
Глава 43. Статуя Свободы.	110
Глава 44. Племянник Раймонд Уэст.	113
Глава 45. Башня Ворденклифф.	116

Глава 46. Лучи смерти.	119
Глава 47. Схватка без победителя	122
Глава 48. Домашний суд.	124
Глава 49. Роберт Годдард (Историческая справка)	126
Глава 50. Рождество.	127
Глава 51. Ферма тетушки Эффи.	129
Глава 52. Чай с шиповником.	131
Глава 53. Вечерний клуб «Вторник».	133
Эпилог	136